

А.А. Хисамутдинов
A.A. Khisamutdinov

ПЕКИН В ДНЕВНИКАХ

И.И. и А.Н.

Серебренниковых

Beijing

in the I.I. and A.N.

Serebrinnikov's diaries

А.А. Хисамутдинов
A.A. Khisamutdinov

Пекин в дневниках

И.И. и А.Н. Серебренниковых

Beijing in the I.I. and A.N.

Serebrinnikov's diaries

Владивосток
Издательство Дальневосточного университета
Vladivostok
Far Eastern University Publishing House
2017

УДК 379.8
ББК 26.89
Х51

Хисамутдинов, А. А.

Х51 Пекин в дневниках И.И. и А.Н. Серебренниковых [Электронный ресурс] = Beijing in the I.I. and A.N. Serebrinnikov's diaries / А. Хисамутдинов. — Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2017. — 215 с.: ил. Сайт --

ISBN

В основу работы положены путевые дневники, которые авторы вели в Пекине, а также использованы факты из архивов и библиотек России, США и других стран. Книга рассказывает о русских достопримечательностях в Пекине. Читателю будет интересен и путеводитель по русскому Пекину, подготовленный Иваном Серебренниковым. Эту публикацию можно считать своеобразным путеводителем по Пекину. Заметки из него могут помочь русским туристам, решившим посетить Китай.

Khisamutdinov, A. A.

Beijing in the I.I. and A.N. Serebrinnikov's diaries

The study is based on travel diaries, which the authors made in Beijing, and also on facts from the archives and libraries of Russia, USA and other countries. The book describes Russian sites in Beijing. The reader will be interested in a guide to Russian Beijing prepared by Ivan Serebrennikov. This guide to Beijing and its Notes will help Russian tourists who decide to visit China.

На обложке использованы фото Летнего императорского дворца и фото Храма Неба.

УДК 379.8
ББК 26.89

ISBN

© Хисамутдинов, А.А., 2017.
© Аксёнова Е.В., обложка и
художественное оформление, 2017.

Русский Пекин

Предисловие автора

До 1917 г. в Пекине находились Российское посольство, отдел КВЖД, школа русского языка и Российская духовная миссия.

Несмотря на то, что Пекин был столичным городом, русские здесь не задерживались. Получив информацию о других русских общинах в Китае, они уезжали туда, но тем не менее Пекин сохранял статус формального центра русской эмиграции.

Именно в Пекине располагалась резиденция одного из лидеров российской эмиграции в Китае Д.Л. Хорвата. Его знания, опыт и авторитет в среде русских эмигрантов позволили ему занять почетную должность главы эмигрантских организаций на Дальнем Востоке. В 1928 г. Д.Л. Хорват объявил всему дипломатическому корпусу иностранных представительств в Китае, что он избран главой «самоуправляющейся единой эмигрантской общины» (Русская национальная община). Он назначил своих представителей во всех крупных районах и городах Китая. Под его председательством в Пекине 10-17 сентября 1930 г. состоялся Съезд представителей организаций, входивших в Дальневосточное объединение. «Совещание признало, — писал А. Пурин, — необходимым соглашение со всеми антикоммунистическими группами, не входящими в состав дальневосточного объединения за исключением атам. Семенова, так как на основании сведений, доставленных с советской территории и от партизанских отрядов в Приморской, Амурской и Забайкальской областях, выяснилась полная неприемлемость имени Семенова на русской территории»¹. По этому поводу было опубликовано специальное обращение. Большую роль в Пекине играла жена Хорвата, художница и литератор К.А. Хорват, председательница Русского благотворительного общества². Она часто помогала русским художникам, приезжавшим в Пекин, а роман «Торжество любви» посвятила своему брату А.А. Бенуа, жившему в доме Хорватов. После смерти своего мужа она предприняла попытку сбора архивных материалов о жизни

¹ Пурин А. Совещание эмиграции. Объединение дальневосточных русских групп // Новая заря. - 1930. - 23 окт.; См. также: Курбский И. Быль о Пекине // Рус. жизнь. - 1958. - 29 апр.

² Русский бал в Пекине // Шанх. заря. - 1932. - 15 июня.

Хорвата, обратившись через газеты к русским эмигрантам. К.А. Хорват давала уроки музыки, продолжала занятия акварелью в своей студии, увлеклась скульптурой и вылепила бюст своего мужа.

В начале 30-х годов численность русской общины в Пекине еще более уменьшилась. «В Пекине в настоящее время, — писал корреспондент, цитируя английскую газету «Пекин-лидер», — живет от 200 до 300 русских, считая недавно прибывших белых и около 300 семей советских подданных. В 1927 г., по сведениям главного управляющего китайскими таможнями, русских в Китае насчитывалось 68097 человек, в то время как англичан насчитывалось 11614. В указанное выше число не входят, надо полагать, русские, проживающие в Харбине и Маньчжурии»³. Положение выходцев из России было весьма незавидным, так как они были лишены всяких прав⁴. Многие предпочитали уехать в Харбин и Шанхай, где было проще найти работу без знания китайского языка. В то же время в Пекине работало немало русских предприятий. «Все кабаре, рестораны и кафе содержатся почти исключительно русскими. Русские артисты, кельнерши и повара. Особенно популярными были крупные кабаре «Альзар» и «Интренайшн»⁵. Много русских врачей и медсестер работали в Рокфеллеровском институте. К огорчению эмигрантов, Русская миссия находилась в стороне от делового центра, и они построили небольшую церковь в районе, где проживало наибольшее число русских людей.

Основные направления науки в Пекине — востоковедение, которое включало многие аспекты китаеведения, а также прикладные — развивались как в различных отраслях хозяйства, так и в сфере образования. Один из наиболее известных ученых, трудившихся в этом городе, был С.М. Широкогоров. Пекин был одним из центров практического востоковедения. Здесь располагалась Русская духовная миссия, накопившая огромный опыт в изучении Китая. Самым крупным специалистом в области языка считался И.П. Митрофанов. «Всесторонне образованный человек, бывший лицеист, блестяще владеющий английским, французским, немецким и китайским языками, выдающийся китаевед, И.П. Митрофанов производил чрезвычайно приятное впечатление. В отличие от многих других китаеведов, ему был присущ живой и глубокий интерес к жизни и быту населения Китая. Поражало и его обширное знакомство с международной синологической литературой»⁶. В Пекине работал Китайский институт русского языка и русской литературы. Старейшими преподавателями в нем были Я.Я. Брандт и И.Н. Веревкин. О других же востоковедах Пекина И.И. Серебренников рассказывал так: «Драгоманы миссии Колесов и Бруннерт держались в стороне от русской эмигрантской колонии, и я не имел случая где-либо встретиться с ними. Как мне рассказывали осведомленные люди, Колесов в совершенстве владел устным и письменным китайским языком и в этом отношении имел мало соперников себе. Жил он замкнуто, нелюдимо и в частной жизни отличался некоторыми странностями»⁷. Китаевед И.С. Бруннерт был профессором Пекинского университета. Помимо преподавания японского языка в Русской школе он занимался общественной работой, был известным деятелем Антикоминтерна. Известным русским дипломатом и автором книг был И.Я. Коростовец. «И.Я. Коростовец прибыл в Пекин

весною 1921 года, — вспоминал И.И. Серебренников, — кажется, прямо из Парижа. Прибыл он сюда временно, совершая деловую поездку. В его лице русская колония Пекина приобрела интересного гостя, видевшего весьма многое на своем веку и умевшего хорошо об этом рассказать. Я в своей жизни редко встречал такого, как он, живого и увлекательного собеседника»⁸. Китаевед С.А. Полевой все свободное время посвящал составлению русско-китайского словаря. Переводами с китайского и других языков занимался его коллега В.В. Долбежев, который с 1898 г. работал на дипломатических должностях в Китае. В Пекине Долбежев был секретарем РЭКа. Свой вклад в китаеведение внес И.И. Гапанович, хотя и не был китаеведом. На одном из заседаний ОРО, отделение которого существовало и в Пекине, он выступил с сообщением о жизни коренных народностей Российского Дальнего Востока. Несколько научных статей опубликовал в «Экономическом бюллетене» и в «Вестнике Маньчжурии». В 1931 г. он был приглашен на должность профессора истории в Национальный Цинхуаский университет в Пекине, около 20 лет преподавал древнюю и русскую историю, написал несколько фундаментальных трудов об историческом синтезе. Его работа о палеоазиатах, уже подготовленная к печати, погибла во время войны. «По окончании войны, — писал В.Н. Жернаков, — осенью 1954 г. Иван Иванович очутился в Чунцине, откуда после месячного пребывания отправился в Пекин. Университет во время войны не пострадал, т.к. был занят госпиталем. Возвращались студенты, начиналась новая жизнь. После возвращения И.И. Гапанович продолжал работать как профессор истории, сначала в прежнем Цинхуанском университете, затем в национальном университете, а потом в Национальном Пекинском университете. После реорганизации высшей школы, вызванной революционными событиями в Китае, преподавал в том же университете русский язык и литературу»⁹. Помимо этнографических работ Гапанович занимался историографией.

Российская духовная православная миссия в Китае или Пекинская духовная миссия еще до массового прихода сюда русских осуществляла православные обряды среди потомков албазинцев. Расцвет ее связан с именем архимандрита Иннокентия, который возглавлял в 1896–1931 гг. 18-ю духовную миссию. Благодаря его усилиям, миссия осталась не разграбленной во время Боксерского восстания в 1900 г. 23 февраля 1904 г. миссия учредила Братство православной церкви в Китае для оказания помощи русским раненым в русско-японской войне. Через месяц при нем был основан журнал «Известия братства православной церкви в Китае», первый номер которого вышел 25 марта 1904 г. В дополнение к этому указом Синода было разрешено выпускать в Пекине журнал, который получил название «Китайский благовестник». В 1907 г. все русские церкви в Маньчжурии были замкнуты на Владивостокскую епархию.

Иннокентий был большим любителем книг, особенно редких, которые он разыскивал по всему Китаю. К концу своей жизни он собрал 4 тысячи экземпляров. Для библиотеки было построено двухэтажное здание. На первом этаже размещалась канцелярия, второй был разделен на четыре помещения. Читателям был отдан большой зал, в середине которого находились столы, а вдоль стен стояли книжные шкафы. Очевидец описывал библиотеку так: «В специальных шкафах были собраны книги по востоковедению. Был отдель-

³Русские в Китае // Новая заря. – 1930. – 4 июня.

⁴Русские эмигранты на Дальнем Востоке // Новая заря. – 1937. – 21 авг.

⁵Шибанов И. Как живет русская колония Пекина // Новая заря. – 1933. – 13 июля.

⁶Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. 2. В эмиграции. - Тяньцзинь: Наше знание, 1940. - С. 76 - 82.

⁷Там же. - С. 80.

⁸Там же. - С. 122.

⁹Жернаков В.Н. Профессор Иван Иванович Гапанович. - Австралия: Мельбурнский ун-т, 1971. - С. 4 - 5.

ный шкаф для исторических монографий, естественнонаучных книг, справочников и разных словарей, включая и санскритский. Для новейшей литературы были отведены особые шкафы. Другая половина этажа была разделена на три зала, меньших по размеру. В крайнем восточном находились отделы: богословский, истории церкви, философии, аскетике, жития святых, творения Феофана Затворника и др. На длинных полках - кипы всевозможных журналов: исторические, духовные, географические, научные и другие. Там же, в шкафах, было более тысячи книг на всех европейских языках, которыми митрополит Иннокентий владел совершенно свободно. Средний зал занимал архив миссии. В крайнем были собраны все издания миссии. Здесь же хранились многие святыни: старинные Евангелия, кресты, облачения и другие реликвии»¹⁰.

В 20-е годы Российская духовная миссия лишилась официальной поддержки Российского государства, но архиепископ Иннокентий смог отстоять права на собственность миссии. «Как человек этот пастырь Православной церкви в Китае отличался непреклонностью характера, — писал И.И. Серебренников, — обладал настойчивостью и бесстрашием. Он был весьма далек от всякого оппортунизма, стремления подлаживаться к власти имущим и заискивать перед модными течениями мысли. Он обладал инициативой, был предприимчив, но, к сожалению, не отличался способностью подыскивать хороших исполнителей своих предначертаний. Одной из особенностей его характера была некоторая нелюдимость и неподвижность: он редко выезжал куда-нибудь из Пекина, а находясь в Пекине, редко показывался где-либо за пределами стен Миссии. Характерной чертой его была также скромность, во многом даже излишняя»¹¹. Сохранились свидетельства о том, что Иннокентий был известным востоковедом. «Покойный митрополит и сам занимался переводом книг с греческого языка, и поручал это особой переводческой комиссии под своим председательством. Часть переводов издана, но большая часть хранится в архиве миссии. В результате этих работ имеется много богослужебных книг на китайском языке, так что все богослужения могут совершаться на этом языке. Переводы настолько хороши, что ими пользуются православная церковь в Японии, так как иероглифы японские и китайские - одни и те же, только произносятся иначе»¹². После смерти Иннокентия в 1931 г. в сан архиепископа был возведен Симон, с 1932 г. он стал главой 19-й Российской духовной миссии в Китае. Он скончался внезапно 11 ноября 1933 г. в Пекине¹³.

Начальником 20-й Российской православной миссии в Китае согласно постановлению Архиерейского собора от 14 июля 1932 г. стал Виктор. В 1935 г. епископ Виктор провел торжества по поводу 250-летия российской духовной миссии в Китае, издал сборник. «При архиепископе Викторе была проведена и реформа управления миссией, ибо как миссия она была на особом положении, отличном от епархии, но увеличение русского населения и организация многих чисто русских приходов возложили на миссию много функций епархии, поэто-

му был создан Епархиальный совет с местопребыванием в г. Тяньцзинь, который и проводит необходимую работу, хотя сама миссия по-прежнему находится на особом положении»¹⁴.

В Пекине существовал Свято-Покровский женский монастырь, он располагался недалеко от миссии. К 1920 г. в нем находилось около десяти монахинь и послушниц. В основном они занимались воспитанием китайских девочек, вели свое хозяйство. У монастыря имелось небольшое подворье в Шанхае, пытались открыть подворье в Сан-Франциско¹⁵.

Помимо церквей в Шанхае и городах в Маньчжурии миссия имела три подворья: в Харбине, городе Маньчжурия и в Хайларе. Первым настоятелем Харбинского подворья, образованного в 1903 г., был иеромонах Леонтий, впоследствии епископ Самарский. После убийства Леонтия его преемником стал иеромонах Дионисий, которого сменил в 1906 г. Христофор. В 1917 г. настоятелем был назначен иеромонах Ориентий. 18 февраля 1918 г. церковь подворья сгорела. На ее месте построили другую¹⁶. Ориентия сменил архимандрит Симон, будущий начальник миссии, следующим был Евстафий, возведенный в сентябре 1935 г. в игумены.

Пекинский Отдел Антиконтинтерна основан 10 ноября 1937 г. с отделами: экономический, культурно-воспитательный, военный, казачий, дамский кружок и благотворительное общество¹⁷. Все службы отдела разместились в Пекинском российском доме, открытом 12 декабря 1937 г. Финансовой основой отдела стал кооператив, который занимался в основном снабжением и продажей товаров. Существовала русская столовая, где можно было недорого поесть. Были открыты разнообразные кружки.

После второй мировой войны, как и во многих крупных городах Китая, в Пекине было основано Общество граждан СССР. Его председателем стал П.П. Ребрин, заместителем А.Н. Спешнев, он же заведовал культурно-просветительской частью, 2-м заместителем был Н.И. Шикин, он же заведующий экономической частью, секретарем В.Д. Болдырев. В члены правления избрали Н.В. Успенскую, Г.А. и М.Г. Кибиревых, А.Н. Федоренко, Ю.Н. Петрову. В ревизионную комиссию вошли Л.В. Андреев (председатель), И.С. Бруннерт (секретарь) и М.А. Квишко¹⁸. В основном занимались культурно-просветительской деятельностью, организовали оркестр и музыкальный кружок, кружок самодеятельности, создали свою библиотеку. В Обществе часто устраивались показы советских фильмов. Особенно активной была молодежь, которая состояла в комитете Союза Советской молодежи.

В работе над этой книгой автору помогли русский библиограф Гавайского университета (Гонолулу) Патриция Полански и заместитель председателя Музея русской культуры Ив Франкьен. Также автор приносит искреннюю благодарность Екатерине Аксеновой за подготовку книги к изданию.

Хисамутдинов, Амир Александрович — доктор исторических наук, профессор Дальневосточного федерального университета.

Email: khisamut@yahoo.com

¹⁴ О.К. Защитник Церкви Христовой: (К 20-летию священнослужения архиепископа Кит. и Пекин. Виктора) // Хлеб Небесный. - 1941. - № 12. - С. 28 - 32: портр.;

¹⁵ Христина М. Грустные вести из Пекина // Новая заря. - 1946. - 7 мая.

¹⁶ Иогель И. Работа Пекинской духовной миссии в Маньчжурии: Три подворья // Рубеж. - 1935. - № 26 (22 июня). - С. 5: фот.

¹⁷ Пекинец. Открытие Российского дома в Пекине // Возрождение Азии. - 1937. - 14 дек.

¹⁸ Как работает Общество граждан СССР в Пекине // Новая заря. - 1946. - 20 авг.

¹⁰ Вырыпаев В. Книгохранилище бывш. Русской миссии в Пекине // Museum of Russian Culture. Хранилища Памятников Культуры и Истории Зарубежной Руси: Сб. / Памяти П.Ф. Константинова. - Сан-Франциско: Изд. Редакт. коллегии музея Русской культуры, 1955. - С. 63; О библиотеке Российской духовной миссии также см.: Бэй-Гуан (Российская духовная миссия в Китае). - Тяньцзинь: Тип. Идеал пресс, 1939. - С. 103 - 107.

¹¹ Hoover Inst. Serebrennikov I.I.

¹² Бэй-Гуан (Российская духовная миссия в Китае). - Тяньцзинь: Тип. Идеал пресс, 1939. - С. 104.

¹³ Кончина архиепископа Симона: (Некролог) // Хлеб Небесный. - 1933. - № 3. - С. 24 - 25; Серебренников И.И. Синологическая деятельность Русской духовной миссии в Пекине: (Библиогр. очерк) // Кит. благовестник. - 1941. - № 6 (Июнь). - С. 49.

Иван Иннокентьевич и Александра Николаевна СЕРЕБРЕННИКОВЫ

Биографический очерк

Они не имели университетского образования, но обладали разносторонними способностями. Оба интересовались политикой и общественной деятельностью, хотя и не отличались радикальными взглядами. У него была склонность к научному и литературному труду, но работы, выходящие из-под его пера, ничем не выделялись из ряда других. Они были обычными людьми, и в другое время их вряд ли бы назвали выдающимся личностями. Но противоречивая и трагическая эпоха, исковеркавшая их судьбу, выделила их из тысяч им подобных и сделала единственными в своем роде. Иван Иннокентьевич и Александра Николаевна Серебренниковы стали поистине летописцами эмиграции. Из множества работ, которые они оставили после себя, — по истории гражданской войны, экономике, китаеведению, литературоведению — главными являются дневники. Супруги Серебренниковы вели их в течение всей своей жизни, и по этим записям можно составить не только уникальную хронику трагической жизни российской эмиграции, но и увидеть глазами иностранцев процессы, происходившие в Китае в первой половине 20 века.

Родом из Сибири. В течение всей своей жизни Серебренниковы гордились тем, что они сибиряки, иркутяне. Иван Серебренников родился 14 июля 1882 г. в селе Знаменском Илгинской волости Верхоленинского уезда Иркутской губернии. Получив начальное образование в сельской школе, он поступил в Иркутскую губернскую классическую гимназию. Это был любознательный и пылкий мальчик. «По воскресеньям, — писал он, — я любил забираться в музей Географического общества, где часами рассматривал разного рода интересные предметы и коллекции. Здесь же я иногда слушал какую-нибудь интересную лекцию»¹.

Неожиданно для себя гимназист Ваня Серебренников написал рассказ «Праздник», который напечатали в 1901 г. в иркутской газете «Восточное обозрение». Это и стало началом его литературной деятельности, которая продлилась почти полвека.

Окончив гимназию с серебряной медалью, Серебренников поступил в Военно-медицинскую академию в Петербурге, но учиться в ней ему не пришлось. В 1902 г. И. Серебренникова арестовали за участие в студенческой сходке и по приказанию военного министра отчислили из академии. Он остался в Петербурге и в течение нескольких лет жадно впитывал столичную культуру. Позднее, когда он завел альбом автографов, почетное место в нем заняла визитная карточка, подписанная Л.Н. Толстым, и письмо Софьи Толстой с извинениями, что прием не состоится по причине болезни писателя.

Жизнь в политике. Вольный дух Сибири рано привел И.И. Серебренникова в политику, и его арест в студенческие годы был не единственным. «В январе 1905 г., — вспоминал он, — я был арестован в селе Александровском Иркутского уезда по делу о побеге 15 политических каторжан из Александровской каторжной тюрьмы и был предан по этому делу суду, отбыв предварительное тюремное заключение в течение трех месяцев. В ночь на 1 января 1906 г., вместе с другими, я был арестован в Народном Доме, на Детской площадке в Иркутске, на собрании для встречи Нового года, и за участие в незаконном сборище был присужден в административном порядке к 3 месяцам тюремного заключения, которое и отбыл в двух тюрьмах: в Иркутской губернской и Александровской центральной. В апреле 1906 года я был выслан из Иркутска с запрещением жить во всех уездах, прилегающих к Сибирской ж[елезнодорожной] д[орожной] магистрали и находящимся на военном положении»².

Апрель 1907 г. стал знаменательным для И.И. Серебренникова: он женился на Александре Петровой, которая сыграла огромную роль в его жизни, став другом и помощницей до конца дней. Александра Николаевна родилась 15 марта 1883 г. в Маче, главном центре Олекминской системы Ленских золотых приисков: ее отец был управляющим одного из них. Впервые они встретились друг с другом в Иркутске, где Александра снимала комнату у Е.П. Сахаровой³, у которой раньше жил Серебренников и которая, по его словам, «как бы заменила ему мать»⁴. В 1902 г., окончив женскую гимназию в Иркутске, девушка стала работать учительницей русского языка, пока в 1904 г. не поступила в Психоневрологический институт в Санкт-Петербурге. Интересы А. Петровой не ограничивались учебным материалом: она заинтересовалась восстанием ссыльных поляков на Кругобайкальской железной дороге и почти все свободное время проводила в публичной библиотеке. Зная польский язык, она использовала и польские источники.

И. Серебренникова вскоре после женитьбы арестовали в Петербурге за участие в военно-писарском союзе партии эсеров, и ему пришлось отбыть шестимесячное одиночное заключение в знаменитых «Крестах». В 1908 г. Иван Серебренников был выслан из столицы в Вологодскую губернию под гласный полицейский надзор. Перейдя на нелегальное положение, он вернулся с женой в родной Иркутск. Позднее, даже в своих дневниках, Серебренников обходил тему своего членства в политических партиях.

Краеведение. Любовь к родному краю, желание лучше узнать его историю, интерес к своим корням привели И.И. Серебренникова к увлечению краеведе-

²HILA. Serebrennikov I.I., box 3.

³HILA. Serebrennikov I.I., box 15 (А.И. Серебренникова: Биограф. очерк).

⁴HILA. Serebrennikov I.I., box 15 (Биограф. и библиограф. материалы И.И. Серебренникова).

¹ Hoover Institution Library and Archives (HILA). Serebrennikov I.I., box 10.

Иван Иннокентьевич Серебренников

нием. В начале 1911 г., когда отменили его ссылку, в столичных и сибирских газетах стали появляться статьи и рассказы И. Серебренникова по сибиреведению и экономике края. Особенно много он печатался в иркутской «Сибири». Александра Николаевна редактировала работы мужа, занималась педагогической деятельностью, вела раздел «Журнальное обозрение» в газете «Сибирь» и публиковала библиографические статьи. В этот период она подготовила к печати свою большую работу «Восстание поляков за Байкалом в 1866 г.»

В 1912 г. вышла из печати первая большая книга Серебренникова — результат его экспедиции по изысканию Ленской железной дороги, прообраза будущего БАМа⁵. В 1913 г. Иркутская городская дума избрала его на пост городского секретаря, а в 1915 г. командировала в Москву для участия во Всероссийском съезде городов, земств и кооперативов, созванного для обсуждения продовольственного вопроса. По постановлению Иркутской думы доклад Серебренникова на этом съезде отпечатали отдельным изданием. На эти же годы пришлось его участие в деятельности Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. В то время именно отделы РГО несли всю тяжесть региональных исследований. Действительные члены Географического общества, в том числе и Серебренниковы, совершали интересные экспедиции, собирали уникальные коллекции, публиковали научные отчеты. Энтузиазм помогал местным краеведам добиваться выдающихся результатов в изучении родного края. Не являясь профессиональными учеными, они внесли огромный вклад в науку. Результатом исследовательской работы И.И. Серебренникова стало издание ряда трудов⁶. В 1915 г. его избрали правителем дел старейшей научной организации Сибири, и он остался предан ей всю свою жизнь. Позднее, в эмиграции, на всех его книгах, рукописных тетрадях и папках появился экслибрис «Личный архив А.Н. и И.И. Серебренниковых. Подлежит отправлению в Сибирь, на хранение в Музей Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества»⁷.

В те годы Серебренниковы увлеклись идеями сибирского областничества. Прежде всего, сибиряки возражали против того, чтобы Сибирь воспринималась метрополией как колония, сырьевой придаток. Протест вызывало и то, что Сибирь и Дальний Восток использовались как место ссылки и каторги. Правительство критиковалось также за недальновидную политику по обустройству жизни коренных народностей. И.И. Серебренников и его единомышленники ставили главной целью добиться автономии Сибири в рамках Федеративной России.

⁵Серебренников И.И. Записка об экономическом положении района железной дороги Иркутск-Жигалово (Устьилга), вероятном грузообороте этой жел. дороги и о продолжении ее до г. Бодайбо / Сост. И.И. Серебренниковым под ред. Комиссии для собирания сведений по вопр. об Иркутск-Ленской ж.д.; Иркут. гор. обществ. управление. — Иркутск: Паров. тип. И.П. Казанцева, 1912. — 303 с. (разд. паг.): 1 карта; Он же. К вопросу о Ленской железной дороге: (Отзыв о труде А.Е. Богдановского «Ленская дорога и ее экономическое значение»). — Иркутск: Паров. тип. И.П. Казанцева, 1912. — 25 с. и др.

⁶Серебренников И.И. О старинных домах и церквях в Иркутской губернии. // Сиб. архив. — Иркутск, 1912. — № 4. — С. 273 — 296; Он же. Первоначальное заселение Иркутской губернии: (Материалы к истории Иркут. губ. и г. Иркутска) // Изв. Вост.- Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. — 1915. — Т. 44. — С. 196 — 224; Он же. Покорение и первоначальное заселение Иркутской губернии. — Иркутск, 1914. — 80 с.; Он же. Иркутская губерния в изображении «Чертежной книги Сибири» Семена Ремезова. — Иркутск: Эл. - тип. «Т-ва М.П. Окунев и ко», 1913. — 22 с.; Он же. Памятники старинного деревянного зодчества в Иркутской губернии. — Иркутск, 1915. — 11с., 10 л. ил. и др.

⁷Полански П. Русская печать в Китае, Японии и Корее: Каталог собрания Библиотеки им. Гамильтон Гавайского университета / Предисл., пер. с англ. и науч. ред. А.А. Хисамутдинова. — М.: Пашков дом (Рос. гос. б-ка), 2002. — С. 151 — 152.

Александра Николаевна Серебренникова

Александра Николаевна Серебренникова, как и ее муж, отличалась деятельной натурой. Будучи секретарем правления Общества общедоступных курсов, она организовала военные курсы, где проводила для солдат лекции по русскому языку. В 1916 г., когда в Иркутске прошло совещание по вопросу открытия в городе университета, секретарскую работу поручили А.Н. Серебренниковой. В 1917 г. наряду еще с двумя женщинами ее избрали гласной Иркутской городской думы.

Революция и гражданская война. Октябрь 1917 г. подвел черту под мирным периодом жизни иркутского губернского секретаря Серебренникова и его жены. Иван Иннокентьевич не разделял всеобщего воодушевления по поводу новых свобод. «Я ничего еще не мог решить, — вспоминал он позднее, — но какое-то смутное чувство тревожило меня и как бы подсказывало: быть худу! Я не скрываю, что до великой мировой войны я жил интересами русской революционной демократии, не разделяя, однако, ее экстремизма и не впрягая себя в ярмо какой-либо революционной партии: партийная жизнь, ее навыки и слепая дисциплина всегда претили мне»⁸. Уже с первых дней после революции И.И. Серебренников крайне отрицательно относился к демагогическим высказываниям социал-демократов и большевиков. Тем не менее, короткое время он был членом партии социал-революционеров, которые, по его мнению, наиболее хорошо понимали нужды Сибири. Правда, вскоре он разочаровался в их идеях. Трезво оценивая свои возможности, он отклонил предложение занять место городского головы Иркутска, хотя и продолжал активно участвовать в областном движении, видя в этом возможность усиления роли региона.

Свидетельством авторитета Серебренникова на этом поприще стало избрание его министром в Сибирском правительстве. «[...] раз судьба предоставляет мне случай, — писал он, — принять активное участие в антибольшевицкой борьбе, этот случай упускать не следует, к этому обязывает чувство долга. К тому же, может быть, мое пребывание в Омске усилит умеренное направление политики правительства. Человек я свободный, ни от каких партий не завишу и буду работать в правительстве так, как подскажет мне моя совесть»⁹. Надо отметить и еще одну черту Серебренникова — он никогда не стремился к власти. Г.К. Гинс писал: «Несмотря на всегдашнюю скромность и стремление ступешаться, видную роль в истории Омской власти сыграл и Иван Иннокентьевич Серебренников [...] Человек очень умеренных и трезвых взглядов, он занял в составе Омской власти позицию уравновешивающего и примиряющего центра»¹⁰. Затем последовало назначение на ту же должность в правительстве А.В. Колчака. Но уже вскоре скромность, стремление держаться в стороне от суетящихся политиков, отсутствие всякого желания выступать с демагогическими идеями заставили Серебренникова отказаться от политической карьеры.

⁸Серебренников И.И. Мои воспоминания: В 2 т. — Тяньцзинь, 1937–1940. — Т. 1: В революции (1917–1919). — Тип. «Star press», 1937. — С. 11.

⁹Серебренников И.И. Мои воспоминания... — Т. 1... — С. 111.

¹⁰Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории, 1918–1920 гг.: Впечатления и мысли члена Ом. правительства: В 2 т. — Пекин; Харбин: Изд. О-ва возрождения в Харбине, тип. Рус. духов. миссии в Пекине, 1920. — Т. 1, ч. 1: Большевизм. Областные правительства. Директория. Верховный правитель. Союзники. Заговорщики. Победители. Неизбежный конец. — С. 114–115.

Летом 1918 г. помощник начальника Монголекса А.А. Дудукалов предложил И.И. Серебренникову заняться исследованием хозяйственной деятельности бурят, которое было закончено в Чите в 1919 г. и опубликовано спустя еще шесть лет¹¹. В предисловии к работе Серебренникова сибиревед Н.Н. Козьмин писал, что она носит компилятивный характер. На самом деле, И.И. Серебренников заново переработал статистические сведения, собранные предшественниками, впервые ввел в научный оборот документы переписи 1897 г., а также цифровые материалы 1916–1917 гг., провел большой самостоятельный анализ.

В 1919 г. Серебренниковы работали в штабе Иркутского военного округа, занимались изданием газеты «Великая Россия», где опубликовали немало статей. Иркутский переворот 1920 г. заставил супругов покинуть любимую Сибирь, бросив архив и личную библиотеку по сибиреведению в две тысячи томов. Позднее И.И. Серебренников напишет: «20 января [1920] был днем моих именин, и в этот день я получил подарок, каковой назывался: изгнание из родины. Какой еще подарок мог быть горше этого?..»¹² Во время вынужденного путешествия из России в Китай в чешском вагоне А.Н. Серебренникова вела дневник, который впоследствии был опубликован¹³.

В Харбине. В Китай Серебренниковы приехали 19 марта 1920 г. почти без гроша, но с твердым желанием продолжить любимое дело — изучение Сибири и окрестных земель. Как и десятки тысяч других беженцев со всей России, оказавшихся в Харбине, супруги пытались найти ответы на вопросы, чем заниматься на чужбине, как жить. Столица Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) была переполнена. Серебренниковы с трудом, только с помощью земляков-сибиряков смогли найти жилье и обустроиться на новом месте.

Как только бытовые проблемы уладились, Серебренниковы решили поближе познакомиться с Китаем и направились в Общество русских ориенталистов (ОРО). Одним из ведущих центров практического изучения стран Дальнего Востока Харбин стал задолго до того, как начал принимать русскую эмиграцию. Здесь занимались Китаеведением, маньчжуроведением, экономикой Китая. Русские ученые, например, первыми исследовали Маньчжурию. В деятельности ОРО, учрежденного в 1908 г., преобладало научно-популярное направление. На смену тем, кто отошел во время гражданской войны от научной работы, пришли бежавшие из Советской России эмигранты, в том числе известные востоковеды царской России. Новые члены Общества оживили его работу: чаще стали устраиваться собрания, на которых читались интересные лекции и доклады. Правда, библиотека ОРО в то время не могла удовлетворить запросы исследователей. «Мне казалось непонятным, — писал И.И. Серебренников, — почему это научное общество за одиннадцать лет своего существования не смогло обзавестись научной библиотекой, этим необходимым условием всякой научной деятельности. Неужели, думал я, КВЖД не могла бы помочь ученому Обществу? В таком богатом городе, как Харбин, Общество русских ориенталистов было, очевидно, на положении пасынка»¹⁴. Тем не менее, Иван Иннокентьевич сразу же вступил в члены ОРО, стал посещать заседания, а через некоторое время опубликовал свою статью в его журнале «Вестник Азии».

¹¹ Серебренников И.И. Буряты, их хозяйственный быт и землепользование. — Т.1. — Верхнеудинск: Бурмонголиздат, 1925. — 226 с.

¹² Серебренников И.И. Мои воспоминания... - Т. 1... — С. 286.

¹³ Серебренникова А.Н. С чехами от Иркутска до Харбина. Дорожные записки / Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. 2: В эмиграции (1920-1940). - Тяньцзинь: Наше знание, 1940. — С. 219 — 262.

¹⁴ Серебренников И. И. Мои воспоминания... Т. 2... — С. 54.

Первые лекции. В Китае И.И. Серебренников продолжил экономические исследования и не раз выступал с докладами в Кружке экономистов, впоследствии преобразованном в Экономическое бюро КВЖД. Тогда же он написал две статистико-экономические работы: «Материалы к вопросу о численности и составе скота в Сибири» и «Программы обследования животноводства в Монголии». Летом 1920 г. они были изданы в Харбине Монгольской экспедицией по заготовке мяса для действующей армии и дали супругам первый заработок на чужбине.

В марте 1920 г. в Харбине открылись Высшие экономико-юридические курсы, вскоре преобразованные в Юридический факультет. Среди лекторов нового высшего учебного заведения был и И.И. Серебренников, читавший курс статистики. Как вспоминал он, «студенты-эмигранты были весьма усердными и аккуратными слушателями лекций. Казалось, люди, устав от всяких походов и войн, с огромным удовлетворением для себя уходили теперь в культурную работу, стремясь наверстать потерянное время»¹⁵. Одновременно с чтением лекций Серебренников публиковал краеведческие статьи и рецензии. Под псевдонимом «Старый харбинец» его материалы стали регулярно появляться на страницах газеты «Русский голос». Александра Николаевна не осталась в стороне от литературной деятельности мужа: она редактировала его работы и публиковала небольшие заметки в той же газете.

В апреле 1920 г. заведующий кооперативными курсами в Харбине Т.В. Бутов предложил И.И. Серебренникову читать лекции по сибиреведению на Харбинских кооперативных курсах. «Предложение это я принял весьма охотно, — вспоминал Иван Иннокентьевич, — и в мае и июне месяцах прочел перед своими слушателями до двадцати лекций. Материально эти лекции мне давали немного, что-то около 80 иен в месяц, но приносили большое духовное удовлетворение. Я себя чувствовал в этом деле в значительной степени пионером, зная, что мне не придется идти по проторенным дорогам и пользоваться чьим-либо другим курсом сибиреведения, а наоборот, необходимо будет проделать вполне самостоятельную работу в определении объема и содержания читаемого курса»¹⁶.

Осенью 1920 г. лекции И.И. Серебренникова вышли отдельным изданием¹⁷. В предисловии к книге автор писал: «В своих лекциях я старался популяризовать накопившиеся за последнее время научные данные по вопросам сибиреведения, пользуясь преимущественно богатым материалом, который заключает в себе известное вышедшее в 1914 году издание Переселенческого управления «Азиатская Россия». При пользовании этим материалом я вносил в него необходимые дополнения и изменения, устраняя некоторые вкравшиеся в него неточности и погрешности и освежая, где возможно, статистико-экономические данные. При конспективной форме изложения, лишившей меня возможности вдаваться в подробности, настоящий мой труд может рассматриваться как программа подробного курса сибиреведения, выдвигающего на первое место изучение вопросов сибирской экономики. Если мой труд в настоящее время, когда так много говорят о родине, сможет послужить целям родинovedения, я буду считать свою задачу выполненной»¹⁸.

¹⁵ Серебренников И.И. Мои воспоминания... - Т.2... — С. 53.

¹⁶ Серебренников И.И. Мои воспоминания... — Т. 2... — С. 48.

¹⁷ Серебренников И.И. Сибиреведение. Конспект лекций по сибиреведению, читанных на кооперативных курсах в г. Харбине, в мае-июне 1920 года. — Харбин, 1920. — 210, II, 2 с.

¹⁸ Автор. Предисловие // Серебренников И.И. Сибиреведение... — С. 3.

Первую лекцию Серебренников начал с краткого исторического очерка, а последнюю, 26-ую, закончил государственным устройством Сибири. Он также дал сведения о народонаселении Сибири. «Книга встретила в эмиграции отличный прием, — писал он. — Хорошие и лестные для меня отзывы о ней появились почти во всех русских эмигрантских газетах Харбина и Шанхая. Первое время она бойко шла в продаже, пока не насытила местного рынка. В харбинской частной гимназии Андерса мое «Сибиреведение» было временно принято как учебник по курсу географии в одном из старших классов»¹⁹. Эта книга стала своеобразным итогом деятельности И.И. Серебренникова как сибирского областника. Позже, говоря о «Сибиреведении», он отметит: «Этим я как бы сказал эмиграции: посмотрите, какую прекрасную страну мы потеряли в лице нашей родины и, в частности, Сибири, и на всякий случай запомните состояние последней накануне революции»²⁰.

В Пекине. В те годы Харбин был почти русским городом. Интересы большинства эмигрантов ограничивались политикой и вопросом, как выжить на чужбине. Серебренниковы были в числе тех немногих, кого интересовал Китай и его культура. Супругов манила древняя история Китая, хотелось побольше узнать об этой экзотичной для россиян стране²¹. Вскоре представился случай сделать это. В декабре 1920 г. предприниматель В.В. Носач-Носкова предложил Александре Николаевне место корректора в типографии, взятой им в аренду у Русской православной миссии в Пекине. Нашлась работа и для Ивана Иннокентьевича — он стал заведующим типографией. Здесь печатался и журнал «Русское обозрение», в котором Александра Николаевна смогла опубликовать свою работу «Восстание поляков за Байкалом в 1866 г.»²², а И.И. Серебренников — ряд своих статей. Узнав о новом назначении А.Н. Серебренниковой, профессор Г.К. Гинс обратился к ней с просьбой проследить за корректурой его книги «Сибирь, Союзники, Колчак», которая печаталась в этой типографии.

Сразу же после переезда Серебренниковы начали осмотр достопримечательностей Пекина — «хотелось скорее начать знакомиться со столицей Китая»²³. Они совершили множество экскурсий, которые позволили И.И. Серебренникову составить первый путеводитель по Пекину на русском языке²⁴. Эта небольшая книжка пользовалась большой популярностью среди русских туристов. Изучая историю китаеведения, Серебренников познакомился с русскими востоковедами, жившими тогда в Пекине. У опытных китаеведов он хотел получить информацию о Китае, необходимую ему для научной работы. «Насколько я мог наблюдать, — писал он впоследствии, — работа русских синологов в Пекине велась преимущественно, если можно так выразиться, по словарной линии. Составление словарей с добавлением в них новых китайских иероглифов, вызванных в жизнь тем, что мы могли бы назвать европеизацией Китая и его политико-юридическим развитием, — вот что интересовало главным образом наших синологов. [...] За исключением

И.П. Митрофанова, почти никто из пекинских русских синологов не уделял внимания вопросам экономического изучения Китая, его этнографии и истории»²⁵. Вероятно, это и стало причиной увлечения Серебренникова этими направлениями в китаеведении. Овладев начальными знаниями, он стал регулярно читать соответствующую литературу на английском языке.

«Албазинцы». В типографии И.И. Серебренникова работали китайцы, называвшие себя албазинцами. «Я не раз беседовал с ними, — вспоминал он, — стараясь узнать, не сохранились ли у них какие-либо семейные предания относительно их русского происхождения, выхода из Сибири и первых лет жизни в Китае, но не получил на свои расспросы интересующих меня сведений»²⁶. Поискам истины помогла библиотека миссии. Некоторые переводы из старинных китайских изданий сделали для него сами албазинцы. Так И.И. Серебренников начал исследование русских страниц в истории Китая.

«Среди многомиллионного населения Китайской республики, — писал он, — можно отыскать небольшую горсточку людей, которые называют себя «албазинцами». Это потомки русских, по капризу судьбы более двухсот лет тому назад поселившихся в Пекине, столице Небесной империи, в количестве нескольких десятков человек. Мы, русские, мало знаем об албазинцах, этих потомках завоевателей Приамурья, не знаем обстоятельств их поселения в Китай и мало что слышали об их бытѣ-житѣ на чужбине. Теперь, когда судьба закинула в пределы Китая так много русских, укрывающихся здесь от бурь революции, и когда некоторых из русских беженцев судьба связала общей культурной работой с албазинцами, будет далеко не лишним посвятить последним несколько печатных строк»²⁷. В судьбе албазинцев И.И. Серебренников увидел, как в зеркале, отражение недавних трагических событий, которые привели к массовому переселению в Китай русских людей. Темой албазинцев Серебренников будет заниматься и в дальнейшем²⁸. Особенно интересными в его исследовании являются сведения о последних годах деятельности так называемой Русской роты в Пекине, в которой служили албазинцы.

Весной 1921 г. издательство, в котором работали Серебренниковы, прекратило свое существование, но супруги остались в Миссии: в начале 1922 г. И.И. Серебренников по просьбе архиепископа Иннокентия возобновил издание журнала «Китайский Благовестник», напечатав в нем и свою статью «Албазинцы». Через несколько лет он перевел ее на английский язык и опубликовал шанхайском журнале²⁹. Сотрудничество с «Китайским Благовестником» Серебренников продолжал в течение многих лет.

В поисках новых занятий. В январе 1922 г. Серебренниковых стала беспокоить хроническая задержка зарплаты и перспектива вообще остаться без нее. Иван Иннокентьевич решил принять предложение баронессы М.Д. Фитингоф и переехать в Тяньцзинь, чтобы подготовиться к выпускным экзаменам ее старшего сына, а затем позаниматься и с младшим. Александра Ни-

¹⁹Серебренников И.И. Мои воспоминания... - Т.2... — С. 49 - 50.

²⁰НИЛА. Serebrennikov I.I. Дневник, запись от 27 мая 1946.

²¹Серебренников И.И. Мои воспоминания... - Т.2... — С. 63.

²²Серебренникова А.Н. Восстание поляков за Байкалом в 1866 г. // Рус. обозрение. — 1920. — Дек. — С. 152 — 182

²³Серебренников И.И. Мои воспоминания... - Т.2... — С. 75.

²⁴Русский путеводитель по Пекину и его окрестностям = Russian Guide to Peking and Neighborhood / Изд. для туристов; Сост. И.И. Серебренников. — Пекин: Тип. Рус. духовной миссии, 1923. — 67 с., рекл.

²⁵Серебренников И.И. Мои воспоминания... — Т.2... — С. 81 — 82.

²⁶Серебренников И.И. Мои воспоминания... — Т.2... — С. 150.

²⁷Серебренников И.И. Албазинцы. — Харбин: Тип. «Свет», 1920. — С. 13.

²⁸НИЛА. Serebrennikov I.I. Дневник, запись от 23 сент. 1932.

²⁹The China Journal. — 1932. — July.

колаевна оставалась в Пекине.

В апреле 1922 г. И.И. Серебренников побывал в Харбине, где его ученик сдавал экзамены. Он провел там два месяца, успев повидать всех друзей и знакомых. В это время на КВЖД готовились торжественно отметить 25-летие со дня открытия дороги. Военному юристу Е.Х. Нилусу было поручено подготовить исторический обзор³⁰, и тот, встретившись с И.И. Серебренниковым, предложил ему обработать некоторые материалы. Серебренников согласился³¹. Поступило и другое предложение, от редактора «Русского голоса» С.В. Востротина — написать рецензию на книгу, посвященную экономике Северной Маньчжурии и КВЖД, только что вышедшую в Харбине³². Авторы этого сборника неоднозначно восприняли критику, но И.И. Серебренников всегда старался высказывать свое мнение, не обращая внимания на лица. Почему Серебренниковы не остались жить в Харбине? Причин тому было несколько. Во-первых, в столице КВЖД наблюдалась большая конкуренция среди преподавателей, и Серебренниковым было бы трудно найти заработок. Кроме того, беженцы в Харбине испытывали большой идеологический пресс со стороны деятелей русской эмиграции, и там существовала серьезная опасность появления советских войск, что, в конечном итоге, и произошло.

Книжный магазин и библиотека Серебренниковых. Тяньцзинь был третьим в Китае городом по количеству русских жителей после Харбина и Шанхая. В свое время там располагалась большая Русская концессия, и работало консульство Российской империи, закрытое в сентябре 1920 г. Русские эмигранты Тяньцзиня предпочитали жить на территории иностранных концессий, где было гораздо спокойнее, чем в других частях города.

Когда И.И. Серебренникову предложили должность директора Тяньцзиньского общественного коммерческого училища, супруги решили окончательно переехать в этот город. «Программа училища, — писал Серебренников, — представляла собою сколок с программы Харбинского железнодорожного училища и была очень обширна. В училище были детский сад, младший и старший подготовительные классы и первые пять классов³³. Большое внимание в нем уделялось изучению английского языка. И.И. Серебренников преподавал в училище востоковедение.

В начале 1922 г. на тяньцзинском вокзале И.И. Серебренников встретился с профессором Г.К. Гинсом, предложившим взять на комиссию книжные новинки из его магазина в Харбине. Вскоре с этим же предложением обратился Г.Г. Тельберг из Циндао, с которым Серебренников был хорошо знаком еще в Иркутске. Иван Иннокентьевич согласился и... вскоре открыл собственный магазин. «Книги продолжали накапливаться все в большем и большем количестве, — вспоминал он, — к весне 1923 года мы с женой решили поселиться где-либо в центре русского расселения в Тяньцзине и, после недолгих поисков, сняли себе две комнаты в одной из дешевых квартир по Конзис-род на Британской концессии. Одну комнату мы приспособили

для жилья, а в другой, выходявшей окнами на улицу, устроили книжный магазин. Я заказал столяру полки для книг, сам смастерил небольшую вывеску, которую прикрепил к наружным дверям квартиры, и, таким образом, открылась моя книготорговля»³⁴.

Осенью того же года Серебренниковы открыли и частную библиотеку, которая в первое время насчитывала всего 70 книг. Заботы о ней легли на плечи Александры Николаевны. «Число абонентов у нас быстро увеличивалось, — записано в дневнике, — и стало приближаться к 200. По составу своему читающая у нас публика была весьма разнообразна [...] Старые русские книги, изданные в дореволюционное время, я скупал у русских беженцев небольшими партиями, книг 6-10. Английские державные книги, почти исключительно беллетристику, я покупал по дешевке в китайских комиссионных магазинах по Таку-род, обходя эти магазины примерно раз в неделю»³⁵.

В январе 1925 г. Серебренниковы купили квартиру на Дикинсон-род, торговом центре русской общины в Тяньцзине, став владельцами собственного жилья и небольшого предприятия в Китае. Их квартира представляла собой две просторные комнаты на нижнем этаже. Здесь разместились и библиотека с магазином. На двери появилась вывеска «Платная библиотека И.И. Серебренникова. Продажа книг». Две такие же комнаты находились на втором этаже, там же были кухня с ванной и еще две небольшие комнаты, которые сдавались. Жизнь постепенно входила в спокойное русло. На должность библиотекаря Серебренников пригласил бывшего генерала Оренбургского казачьего войска Н.П. Карнаухова, также помогали супруги Сизовы. «Мы с женой, — писал Серебренников, — имели теперь много работы и были довольны тем, что созданное нами предприятие имело успех: число абонентов библиотеки неизменно возрастало, продажа книг увеличивалась. Это наше молодое предприятие могло уже теперь обеспечить некоторый заработок и трем нуждающимся русским людям. Довольны мы были и тем, что наша новая квартира была на Британской концессии — мы на этой концессии чувствовали себя живущими не столько в Китае, сколько в некоем уголке Британской империи. Мы знали, что к нам, в нашу квартиру, никогда не посмеет войти ни один полицейский чин, если мы не позволим его сами, что нам обеспечена, по английскому закону, неприкосновенность личности и жилища»³⁶. Важным было и то, что предприятия на Британской концессии не облагались налогом. Работы было так много, что вскоре Иван Иннокентьевич оставил преподавание в училище и полностью посвятил себя магазину.

Серебренников получал книги от оптовиков в Харбине и Циндао. В основном это была литература, увидевшая свет в Риге, Берлине, Праге и Париже. Покупал он и советские издания — переводную художественную литературу. Большим достоинством магазина Серебренниковых было то, что здесь предлагали наиболее богатый, лучший в Китае, выбор русской детской литературы. Летом 1925 г. через магазин Серебренниковых распродавать свою богатую коллекцию марок, бывший начальник пекинского отдела правления КВЖД Р.И. Барбье. Когда в Пекине скончался востоковед-библиофил Н.И. Осипов, Серебренников стал продавать книги из его библиотеки.

Читательские вкусы русских тяньцзинцев были обширны. «По составу

³⁰Нилус Е.Х. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги, 1896-1923 гг. Т. 1. — Харбин: Тип. Кит. Вост. ж.д. и т-ва «Озо», 1923. — XVIII, 692 с.: ил., 11 карт.

³¹НИЛА. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925 — 31): Рукоп. Л. 344.

³²Северная Маньчжурия и Китайская Восточная железная дорога: Сб. / Сост. Экон. бюро КВЖД. — Харбин: Изд. Экон. бюро, 1922. — xi, 692, xvi, прил.

³³Серебренников И.И. Мои воспоминания... — Т. 2... — С. 172.

³⁴Серебренников И.И. Мои воспоминания... — Т. 2... — С. 199.

³⁵НИЛА. Serebrennikov I.I., box 10.

³⁶НИЛА. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925 — 31): Рукоп. — Л. 3.

своему — писал Серебренников, — читающая публика была весьма разнообразна: учащая молодежь, коммерсанты, служащие различных предприятий, бывшие Российские консулы и, в большом количестве, девицы из кабары и баров, музыканты и т.д. Постоянно присутствуя в библиотеке, жена могла отметить одну характерную особенность: почти все абоненты не любили выбирать книги по каталогам, а всегда обращались к жене с просьбой: «Пожалуйста, выберите мне книгу по Вашему вкусу!» И жена, быстро ознакомившись со склонностями наших читателей, отлично умела угодить всем: одним, большей частью дамам, предлагала романы Бебутовой, Крыжановской, Лаппо-Данилевской; другим — классиков; третьим — лучшие произведения иностранной литературы; четвертым — книги философского или политического характера»³⁷. Это всем нравилось, и число читателей быстро росло.

И.И. Серебренников был большим почитателем шахматной игры. Он постоянно играл в шахматы с Н.А. Желудковым, М.Я. Перцелем, Ф.П. Романовым и др. Вскоре при его библиотеке открылся и Шахматный клуб, в который записалось около 20 человек³⁸. Они собирались дважды в неделю и играли с 9 часов вечера до 2 ночи. Иногда такие встречи продолжались до утра.

Встречи гостей из Советской России. Серебренниковы не боялись гостей из Советской России, напротив, они искали встреч с интересными людьми. Так, летом 1925 г. они познакомились с видным общественным деятелем из Якутии А.А. Семеновым, который посоветовал Александре Николаевне написать шутливую пьесу «Иванов Павел в Тяньцзине»³⁹. Впоследствии эта пьеса не раз с успехом ставилась на любительской сцене в этом городе⁴⁰. В том же 1925 г. в магазин Серебренникова зашел известный путешественник П.К. Козлов, с которым до этого он несколько раз виделся в Иркутске. Позднее Иван Иннокентьевич вспоминал: «Мы радостно встретились с П.К. Козловым. Он немного постарел и был одет, можно сказать, по-советски: на нем был глухой френч и высокие сапоги, каковые мы уж совсем отвыкли видеть здесь. П.К. рассказал мне кое-что из своей жизни за революционные годы, о своих новых археологических открытиях в Монголии и спросил меня о моем пребывании в Китае. По моей просьбе П.К. Козлов оставил мне на память свой автограф, написав на почтовой открытке следующее: «20/V 1925. Счастливое утро: высокое удовольствие — в Тяньцзине, среди громадных, европейских домов встретить научный уют — библиотеку русскую и своих родных соотечественников, в частности, Ив. Инн. Серебренникова. П. Козлов»⁴¹.

И.И. Серебренников вел переписку с профессором Н.Н. Козьминим и другими иркутскими исследователями, поддерживал связь с Иркутским университетом, отправляя туда книги. В частности, он переслал в дар университетской библиотеке около десяти самых редких экземпляров из собрания востоковеда Н.И. Осипова. Весной 1926 г. Серебренников получил приглашение на празднование 75-летия со дня основания Восточно-Сибирского от-

дела Русского географического общества. Его очень тронуло это внимание. Конечно, он не мог поехать, но отправил приветственный адрес, который зачитали на торжественном заседании. Иркутяне в свою очередь отправили Серебренникову свои издания. Особенно ему понравился очерк В.С. Манассеина, в котором упоминалось его имя⁴². Чуть позже связь с родиной оборвалась, Серебренниковым даже посоветовали прекратить переписку с родственниками из Иркутска.

Научно-общественная деятельность. В Тяньцзине Серебренниковы сразу же окунулись в общественную и литературную жизнь города. Прирожденный лектор, И.И. Серебренников прочитал там немало обзорных лекций, среди них «Экономическое обозрение СССР», «Народные поверья китайцев», «Шаманизм в Китае», «Тихоокеанская проблема», «Примитивы цивилизации» и др. Желание сплотить единомышленников привело Серебренникова к решению основать свой научный кружок, куда вошли зоолог и натуралист Б.П. Яковлев, ботаник И.В. Козлов, геолог П.А. Павлов и антрополог Г.П. Кожеуров. Кружок распался, просуществовав около двух месяцев. Недолгим было и сотрудничество с Обществом изучения Китая, которое издавало журнал «Вестник Китая». Борьба за существование ограничивала многие культурные инициативы российской эмиграции. Но исследовательскую работу И.И. Серебренников не прекращал. Итогом его интереса к экономике Китая стало появление в журнале «Вестник Азии» большого «Очерка экономической географии Китая»⁴³. «Автор настоящего труда, — писал И.И. Серебренников, — не является специалистом-востоковедом, проживает в Китае случайно, лишен здесь научной обстановки, и поэтому он заранее просит о снисхождении, если в его труде специалистами будут замечены какие-либо промахи, неточности и погрешности. Вместе с тем, автор считает появление в печати своего труда по экономике Китая вполне целесообразным, особенно в данное время, когда так называемый тихоокеанский вопрос привлекает к себе внимание цивилизованного мира, и когда освежить наши знания по экономике одной из больших тихоокеанских держав будет более, чем своевременно»⁴⁴. Истоки этой работы можно найти еще в 1921 г., когда Серебренников написал очерк «Экономическое положение Северной Маньчжурии»⁴⁵. Некоторое время эту книгу использовали в качестве учебного пособия на восточном факультете Государственного Дальневосточного университета во Владивостоке⁴⁶. В автобиографии Иван Иннокентьевич отмечал: «Состоя директором и преподавателем коммерческого училища, имея частную педагогическую практику, будучи владельцем книжного магазина, И.И. не мог уделять много времени литературным своим занятиям, но все же не бросал таковых и посвящал свои досуги экономическому изучению Китая, пользуясь для этого английскими источниками»⁴⁷.

⁴²Манассеин В.С. Очерк деятельности Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества по изучению истории Восточно-Сибирского края и по охране памятников местной старины (1851 — 1926). — Иркутск, 1926. — 36 с.

⁴³Серебренников И.И. Очерк экономической географии Китая. — Харбин: Изд. ОРО, 1926. — 113 с. - Библиогр.: с. 110 — 112.

⁴⁴Автор. Предисловие // Серебренников И.И. Очерк экономической географии Китая. — Харбин: Изд. ОРО, 1926. — С. 3.

⁴⁵Серебренников И.И. И.И.Серебренников: Биограф... — С. 12.

⁴⁶НИЛА. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925 — 31): Рукоп. (Литературные занятия). Л. 48.

⁴⁷Серебренников И.И. И.И.Серебренников: Биограф. — Тяньцзинь: Изд. авт., 1940. — С. 13 — 14.

³⁷НИЛА. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925 — 31): Рукоп. (Наше пред-приятие). Л. 7 — 8.

³⁸НИЛА. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925 — 31): Рукоп. (Шахматный клуб). Л. 42 — 44.

³⁹Б.К. «Иванов Павел в Тяньцзине» // Вестн. Рус. нац. общины в Тяньцзине. — 1929. — 7 янв. — С. 5.

⁴⁰См. об этом: НИЛА. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925 — 31): Рукоп. («Иванов Павел»). Л. 184 — 185.

⁴¹НИЛА. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925 — 31): Рукоп. Л. 23.

Попытка уехать в Европу. Когда Серебренниковы поняли, что падения Советской власти не дожидаться, они решили уехать в Европу. В Китае им уже было тесно. Бегство из России в чешском вагоне, знакомство с чешским языком склоняли их к мысли осесть в Чехословакии. 28 февраля 1927 г. они продали свое книжное дело супругам Козулиным. К этому времени их собрание насчитывало 1400 книг, из них 200 на английском языке. Позднее эта библиотека, сменив трех владельцев, была перевезена Е.Е. Борисовым в Шанхай, где просуществовала до 1946 г. К этому времени на ее полках стояло более 12 тысяч книг.

Перед дальней дорогой Серебренниковы решили подлечиться, тем более что оба стали испытывать проблемы со здоровьем. Но, проведя лето в курортных местах — Дайрене и Танканцзы, супруги раздумали перебраться в Европу и вернулись в Тяньцзинь. По пути домой И.И. Серебренников познакомился с американским журналистом В. Чемберлином. «Я вручил ему свою карточку, и между нами сразу же завязался оживленный разговор; но он не мог долго продолжаться, ибо поезд наш стал уже подходить к Тяньцзиню. Я сказал Чемберлину, где я полагаю остановиться, и просил его непременно зайти ко мне вечером побеседовать. Он обещал сделать это и исполнил свое обещание: ровно в 9 часов, в день нашей встречи, он уже сидел у меня в гостях, и между нами опять шла живая беседа все о том же — об этом загадочном сфинксе, имя которого — Советское государство. Я, что называется, впился в своего собеседника, засыпал его вопросами и с жадностью слушал каждое его слово»⁴⁸. Это общение, которое продолжалось и в дальнейшем, было интересно и для американского журналиста, который хотел понять причины основания Советской власти.

Снова в Тяньцзине. В Тяньцзине Серебренниковы вернулись к преподавательской деятельности. Если раньше русские в основном просто учились грамоте, то теперь среди учеников Серебренниковых стали преобладать учащиеся тяньцзиньских иностранных колледжей. Иван Иннокентьевич занимался репетиторством по математике (арифметика, алгебра, геометрия и тригонометрия). Александра Николаевна — по русскому языку и литературе, позднее она стала вести занятия и по английскому языку. А.Н. Серебренникова считалась лучшей русской учительницей в Тяньцзине. За свою жизнь в Китае Серебренниковы подготовили более сотни школьников к Кембриджским экзаменам. В это время И.И. Серебренников стал членом Совета старейшин Русского общественного собрания в Тяньцзине, основав при нем библиотеку. Был он также одним из учредителей Русской национальной общины Тяньцзиня и редактором ее «Вестника», первый номер которого вышел 13 августа 1928 г.⁴⁹ Иван Иннокентьевич хорошо понимал, насколько важна для русских в Китае периодическая печать, и в этой деятельности наиболее ярко проявилась его качества редактора и журналиста. От имени редакции он писал: «Приступая к изданию своей еженедельной газеты, Русская национальная община г. Тяньцзиня ставит перед собой задачи дальнейшего развития и укрепления дела

единения местной русской эмигрантской колонии, освещения стоящих перед нею нужд и запросов и осведомления о текущих событиях, могущих иметь местный или общий интерес»⁵⁰. В штате газеты состояло всего трое человек: супруги Серебренниковы, не получавшие за свой труд никакого вознаграждения, и бывший полковник М.А. Михайлов. Газета печаталась в типографии «Чили-пресс» на Французской концессии и выходила по понедельникам. Это было насыщенное издание. В каждом номере имелись передовица, обзорная статья на эмигрантские темы, новости из Советской России и Сибири, библиографические заметки и шахматный раздел. Любопытным был раздел «Местная хроника». Почти в каждом номере Серебренников печатал «Маленькие фельетоны» под псевдонимом «Старый харбинец». Публикации, посвященные мировым событиям, порой вызывали нарекания читателей, которые больше тяготели к местным новостям⁵¹.

Серебренников надеялся, что «газета, устоявшись, может превратиться из еженедельной в ежедневную и стать истинно эмигрантским органом»⁵², но работа по изданию «Вестника» оказалась слишком напряженной, а порой и неблагоприятной. И.И. Серебренников прекратил выпуск газеты, издав 27 номеров. Некоторое время спустя, почувствовав ухудшение здоровья, он решил совсем отойти от общественной деятельности, чтобы целиком посвятить себя научной работе: «Я решил: пусть привыкают к общественной работе представители младших поколений русской эмиграции — я с охотой уступил им дорогу»⁵³. В ноябре 1932 г. вышел последний — 34-й номер «Вестника». По этому поводу Серебренников писал: «Я старался сделать ее [газету] чисто эмигрантским органом, освещающим нужды, дела и успехи русской эмиграции за границей. К сожалению, мое начинание встретило большую оппозицию: стали говорить — зачем общине тратить деньги на газету. Это роскошь; лучше накормить на эти деньги лишних бедняков... и т.д. При мне газета выходила раз в неделю, теперь она появляется раз — два в год. Все же появляется, значит, существует. Обычно она появляется перед советским праздником 7 ноября. Теперь она вышла к 15-летию юбилею советчины»⁵⁴.

Сохранить потомкам. Анализируя события, происходившие в России во время революции и гражданской войны, Серебренников обратил внимание на то, как мало документов сохранилось об этом времени. Даже те немногие, которые уцелели, постепенно уничтожались. В свое время в Иркутске он приложил немало сил, чтобы сохранить документы, посвященные первой мировой войне. Эту же идею он думал реализовать и в Китае. «В поисках какой-нибудь опоры для научной работы, — вспоминал Иван Иннокентьевич, — я надумал связаться с Национальным Географическим обществом в Америке и написал в адрес этого общества, в Вашингтон, большое письмо. Не буду говорить о деталях этого письма, скажу только: в нем я сообщал, что в настоящее время русские беженцы рассеяны по всему Китаю, что таковые имеются в отдаленных уголках и Маньчжурии, и Кореи, и Внутренней Монголии, и в

⁵⁰Объединение эмиграции // Вестн. Рус. нац. общины в Тяньцзине. — 1928. — 13 авг.

⁵¹Нашим читателям. // Вестн. Рус. нац. общины в Тяньцзине. — 1928. — 26 нояб.

⁵²НИЛА. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925 — 31): Рукоп. (Эмигрантская газета). Л. 179.

⁵³НИЛА. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925 — 31): Рукоп. (Уход от общественной деятельности). Л. 186.

⁵⁴НИЛА. Serebrennikov I.I. Дневник, запись от 3 ноября 1932.

⁴⁸НИЛА. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925 — 31): Рукоп. (Встреча с журналистом). Л. 137.

⁴⁹Комплект подшивки этой газеты, который собирал И.И.Серебренников, находится в библиотеке Гамильтон Гавайского университета (Hamilton Library, University of Hawaii). Отдельные экземпляры в НИЛА.

Китайском Туркестане, и близ границ Тибета и собственно Китая. Среди этих русских беженцев немало лиц со средним и высшим образованием и даже со специальной подготовкой к научным занятиям (восточники). Я указал далее, что можно было бы воспользоваться этим рассеянием здесь русских с целью сбора некоторых научных материалов: фотографических, ботанических и этнографических, и что для этого нужны средства и некий организующий центр, каковой я берусь создать.

Я получил ответ, в котором мне сообщалось, что возбужденный мною вопрос передан на рассмотрение такого-то отдела Общества — и на этом все дело закончилось. Оглядываясь теперь на прошлое, я не могу понять, почему Национальное Географическое общество не приняло моего предложения. В нем не было ничего утопического. Оно было вполне осуществимо и не требовало больших затрат. Не воспользовавшись моей идеей, Общество лишило меня интересной работы, а себя — интересных коллекций»⁵⁵.

Одновременно с документами о гражданской войне и эмиграции И.И. Серебренников предлагал собирать материалы и по китаеведению. Несмотря на то, что откликов почти не последовало, Иван Иннокентьевич стал сам коллекционировать фотографии. Многие снимки он делал сам аппаратом «Кодак», купленным в 1921 г. в Пекине. За годы эмиграции Серебренниковыми было собрано около 30 фотоальбомов, которые помогали им иллюстрировать их работы. Серебренников сетовал, что его проекты по сбору документальных материалов и по использованию специалистов русской эмиграции в Китае очень редко получали осуществление, и не по его вине.

Связи с земляками в зарубежье. Деятелей сибирского областничества разбросало по всему свету, но они продолжали общаться друг с другом. Поэтому выход в свет первого номера журнала «Вольная Сибирь», напечатанного в 1927 г. в Праге, был встречен с воодушевлением. Обрадованный Серебренников написал письмо редактору И.А. Якушеву, которого хорошо знал по совместной деятельности в Иркутске. В ответ тот предложил ему прислать для журнала рукопись.

И.И. Серебренников вел переписку с Г.Д. Гребенщиковым из Америки и Г.И. Чертковым из Японии. Последний помог ему издать на японском языке статью «К пересмотру сибирских вопросов». Ее опубликовал токийский журнал «Сибирь» в 1928 г. Вскоре вышла другая статья. На новые предложения Серебренникова о сотрудничестве Чертков ответил: «Ваши статьи носят антибольшевицкий характер, а такого рода статьи здесь можно помещать только в небольших и небогатых органах прессы. Большие буржуазные богатые издания избегают печатать подобные статьи»⁵⁶.

В 1928 г. И.И. Серебренников принял предложение стать на общественных началах представителем Русского заграничного исторического архива (РЗИА), находящегося в Праге. Туда он стал отправлять все эмигрантские издания и рукописные материалы, касающиеся революции и гражданской войны на Дальнем Востоке. В этот архив он переслал безвозмездно и львиную долю своего личного собрания»⁵⁷. Он писал в июле 1931 г. в Прагу: «Письма

⁵⁵НЛА. Serebrennikov I.I., box 10.

⁵⁶НЛА. Serebrennikov I.I., box 10. Цит. по: Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925 — 31): Рукоп. (Связи с Прагой и Токио). Л. 164.

⁵⁷НЛА. Serebrennikov I.I., box 10. См. об этом: Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925 — 31): Рукоп. (Русский загранич. историч. архив). Л. 182 — 183.

сдаю на хранение в Р.З.И. Архив на срок не менее пяти лет. По истечении этого срока, если в России будет установлен нормально-правовой государственный строй, Р.З.И. Архив обязуется переслать за свой счет мой личный архив в Сибирь, в г. Иркутск, в распоряжение Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества»⁵⁸. Во время болезни И.И. Серебренникова с 1 июля 1938 г. его обязанности представителя архива стала выполнять Александра Николаевна. Забегая вперед, надо отметить, что Пражский архив в 1945 г. перевезли в Москву. В одной из своих записей Иван Иннокентьевич писал, что он не возражает против того, чтобы его архив оказался в Москве. Ему всегда хотелось, чтобы как можно больше людей могло познакомиться с его собранием. Думается, он понимал, что в то время увидеть его коллекцию могли очень немногие.

Сотрудничество с Гуверовским институтом. Тогда же началось сотрудничество И.И. Серебренникова с Гуверовским институтом войны и мира. Адрес этой организации он узнал у переводчика В.О. Клемма, который переводил в Пекине на английский язык воспоминания бывшего управляющего КВЖД Д.Л. Хорвата. «Я тотчас же, — вспоминал Серебренников, — написал письмо проф. Фишеру, с предложением своих услуг по собиранию интересующих его материалов и получил любезный ответ, причем профессор указал, что его, в частности, интересуют в данный момент материалы по истории гражданской войны в Сибири. Это письмо внушило мне мысль засесть за составление моих мемуаров о годах революции и гражданской войны в Сибири (1917–1919 гг.) В дальнейшем времени у нас завязалась регулярная переписка, продолжавшаяся до самого вступления Америки в войну с Японией, т. е. до конца 1941 г. Если я не ошибаюсь, уже летом 1929 г. я обработал имевшиеся у меня материалы по советизации Внешней Монголии и написал статью на эту тему. Эту статью я сам перевел на английский язык, и, после того, как она прошла стилистическую корректуру моего приятеля мистера Мора, я отправил ее в Америку, в адрес профессора Фишера, с просьбой устроить ее где-нибудь в американской прессе. В результате его любезного содействия статья моя, в несколько сокращенном виде, была напечатана в нью-йоркском журнале «Foreign Affairs», выходявшем четыре раза в год. Я получил затем два экземпляра этой книги (апрель 1931 г.) и чек на 75 американских долларов»⁵⁹. Это была первая статья Серебренникова, опубликованная на английском языке.

Американские ученые. И.И. Серебренников искал всякую возможность расширить сотрудничество с коллегами в других странах. Он знал многих, кто интересовался Китаем, изучал Сибирь и Дальний Восток. Всем им Иван Иннокентьевич оказывал большую помощь. Осенью 1930 г. И.И. Серебренников познакомился с профессором Мичиганского университета Ч.Ф. Ремером, «который объяснил мне, что он в настоящее время ведет обширное исследование на тему об инвестировании иностранных капиталов в Китае, и что он собрал уже достаточно полные материалы об американских, французских, японских, бельгийских и иных капиталах, кроме русского. Он не знает рус-

⁵⁸НЛА. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925 — 31): Рукоп. (Письмо в Вашингтон). Л. 164.

⁵⁹НЛА. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925 — 31): Рукоп. (Связи с Америкой). Л. 190 — 191.

ского языка и русской экономической литературы, и потому его сильно затрудняет вопрос об инвестировании русского капитала в Китае; не смогу ли я помочь ему в этом отношении? Я ответил, что в Тяньцзине за отсутствием справочной литературы трудно выполнить вообще подобного рода работу, это во-первых; во-вторых, насколько я знаю, в русской экономической и синологической литературе не имеется исследований на интересующую профессора тему, и поэтому являются большие затруднения, но я могу все же попытаться выполнить его задание, если он даст мне, в письменном виде, желательную для него схему»⁶⁰.

Поскольку И.И. Серебренников всегда старался тщательно анализировать взаимоотношения России, Китая, Японии и других стран, обращая при этом внимание на роль российской эмиграции⁶¹, он блестяще справился и с новой трудной задачей. В монографии Ремера появился соответствующий раздел со ссылкой на русского исследователя⁶². Свои материалы И.И. Серебренников опубликовал на русском языке в шанхайском журнале «Парус» в конце 1933 г., назвав статью «Русские интересы в Китае». Затем ее отпечатали отдельной брошюрой тиражом 200 экземпляров⁶³.

Большую исследовательскую работу И.И. Серебренников проделал для профессора Йельского университета Ч.П. Хоуланда. Он также переписывался с ученым из Института тихоокеанских связей Э.К. Картером, профессором экономики Э.М. Паттерсоном и другими.

Жизнь в эмиграции: близкие и друзья. В своем дневнике И.И. Серебренников оставил такую запись: «Жить скучно. Будто и на людях, а чувствуешь себя, как в пустыне. Я не имею в Тяньцзине ни одного близкого мне человека, друга, товарища. От эмиграции в массе я далек, как не близок и к ее общественным руководителям. Все эти руководители — болотные, заскорузлые люди: ни о чем с ними не поговорить, не поспорить. Для многих из них ясна первопричина всего случившегося: все устроили жида или масоны, или те и другие вместе. Для таковых я, конечно, социалист и потому человек мало приемлемый»⁶⁴. По этой причине Серебренниковы ограничивали общение весьма тесным кругом людей, которые поддерживали их в трудную минуту и помогали коротать время отдыха.

Интересными собеседниками Иван Иннокентьевич считал католического священника и поэта Д.В. Колпинского, ботаника и краеведа И.В. Козлова. Довольно часто Серебренниковы слушали пластинки у Е.Е. Борисова, служащего Китайской таможни. К ним часто заглядывали семейные пары З.И. и И.Я. Антуфьевы, Н.А. и И.Н. Головки-Улазовские, О.П. и Н.Ф. Злоказовы, Е.Н. и В.Н. Лавдовские. Политические пристрастия связывали И.И. Серебренникова с А.А. Пуриным, Г.А. Чертковым, Е.Е. Яшновым, которые часто останавливались у них в доме.

Ближих друзей Иван Иннокентьевич не имел, более общительной была Александра Николаевна. Ее близкими подругами была Е.С. Курбатова и Е.В.

⁶⁰НЛА. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925 — 31): Рукоп. (Профессор Ремер). Л. 236.

⁶¹Серебренников И.И. Тихоокеанская проблема с экономической точки зрения // Вольная Сибирь. — 1930. — № 9. — С. 47 — 63.

⁶²Remer C.F. Russian Investments in China // Remer C.F. Foreign Investments in China. — New York: The Macmillan Company, 1933. — P. 554 — 618.

⁶³НЛА. Serebrennikov I.I., box 6, folder 51. Письмо редактора Д. Густова от 3 января 1934.

⁶⁴НЛА. Serebrennikov I.I. Дневник, запись от 21 апреля 1932.

Амбразанцева, вышедшая замуж за друга их семьи Л.Н. Кукуранова. Их молодая квартирантка Лида Страндберг (урожд. Колчанова) скрасила немало минут одиночества. Бывая в Пекине, Серебренниковы обязательно встречались со О.Л. и Я.Ф. Зверевыми. И.И. Серебренников часто беседовал также с профессором И.Н. Веревкиным, бывшим генералом, ставшим бухгалтером С.Н. Розановым и др.

Несмотря на то, что И.И. Серебренников допускал резкие замечания по поводу политических пристрастий некоторых евреев-выходцев из России, у него было немало друзей из еврейской общины: супруги М.Я. и В.М. Перцель и многие другие.

Просветительство. Уроки с учениками, как и общественная деятельность, не занимали много времени, и Серебренниковы имели возможность посвящать себя журналистике. В этой работе они видели возможность выйти на новый уровень просветительства. На первых порах печататься было трудно. По мнению И.И. Серебренникова, дальневосточным авторам было невозможно пробиться в русские издания Европы. С недоверием относились к статьям И.И. Серебренникова и в «Заре». Переехав в Тяньцзинь, Серебренников не очень хотел печататься в местной газете «Наш путь», которая при редакторе П. Разумове велась весьма непрофессионально. Его материалы стали появляться в этом издании, лишь начиная с 1927 г., когда редактором стал П.И. Зайцев, а газета переехала в дом, где жил Серебренников. О своих публикациях Иван Иннокентьевич писал так: «Не знаю, как принимала эти фельетоны публика, но сам я был не очень доволен ими: я чувствовал, что они были написаны мною немножко “под Зоценко”, советского талантливого юмориста, который мне очень нравился. Мне же хотелось в своих фельетонах вырваться на самостоятельную дорогу. Кажется, я напечатал всего до десятка фельетонов под разными псевдонимами»⁶⁵.

А.Н. Серебренникова также опубликовала немало статей. Начиная с 1934 г., она читала лекции на курсах Отечестваведения, была членом культурно-просветительской комиссии объединенного Русского эмигрантского комитета. На организованных этой комиссией Литературно-музыкальных «вторниках» она также выступала с лекциями, в основном на темы языкознания и литературоведения: «Об искажениях и словотворчестве в русском языке», «Славянские языки, народы и государства» и др. Большим успехом пользовалась ее лекция, посвященная И.А. Бунину.

Китаеведение. Серебренниковы никогда не говорили о себе как о знатоках Дальнего Востока. Наоборот, они подчеркивали, что их роль сводится к популяризации востоковедения. Публикация статей являлась для Серебренниковых способом донести до эмигрантской общины знания о культуре и истории их новой родины — Китая.

И.И. Серебренников тщательно следил за литературой, старался использовать любую возможность купить или прочитать новую книгу о Китае. Его часто можно было видеть перебирающим книги на развалах книжных лавок. О том, что супруги внимательно прочитывали все купленное, свидетельствует огромное число рецензий, опубликованных ими. И.И. Серебрен-

⁶⁵НЛА. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925 — 31): Рукоп. (Мои фельетоны) Л. 167. Список псевдонимов И.И. Серебренникова см. в приложении.

ников увлекался и библиографией. В своей интересной работе «Синологическая деятельность Русской духовной миссии в Пекине»⁶⁶ он, в частности, использовал библиографию советского китаеведа П.Е. Скачкова. Затем эту статью напечатали отдельным оттиском.

После знакомства с экономикой Китая внимание И.И. Серебренникова привлекла история религии в этой стране. Разобравшись с основными верованиями китайцев, Иван Иннокентьевич стал обращать внимание на практическую сторону религиозных обычаев, в основном на семейные праздники, что постепенно привело его к этнографическому анализу. Для этого Серебренников пытался изучать китайский язык. На обзорной лекции, которая состоялась 10 октября 1928 г., Серебренников поделился своими находками со слушателями, а чуть позже, значительно дополнив лекцию новым материалом, опубликовал ее⁶⁷. В ней он рассказывал о чисто народных верованиях, роли злых духов, амулетов и талисманов, иероглифомагии и фольклоре. Через год Серебренников публикует вторую статью, в предисловии к которой пишет: «Охватить, понять и описать многообразие китайских религиозных воззрений, сложившихся на протяжении многих веков жизни страны, со всем разнообразием чтимых божеств, — задача огромной сложности. Но эта задача может быть значительно облегчена, если из поля зрения исследования выделить как самостоятельный объект познания народный культ и иметь в виду при описании только тех из божеств и мифических духов, которые наиболее занимают народное воображение»⁶⁸. И.И. Серебренников сетовал, что редакция сократила его статью, исключив интересные наблюдения. Выписывая англоязычные газеты, выходившие в Китае, И.И. Серебренников вырезал интересные на его взгляд наблюдения о быте и религиозных предрассудках. Сделав вольные переводы, он опубликовал серию очерков, которые затем были изданы книжным магазином «Знание»⁶⁹.

История Китая. Увлечись историей Китая, И.И. Серебренников стал писать рассказы на китайские темы, которые носили в основном историко-этнографический характер. Первый рассказ этой серии «На поле битвы» увидел свет в 1930 г. на страницах шанхайской газеты «Слово». Потом были напечатаны «В Храме Неба», «Возмездие», «Проделки чуя», «Блуждающие души», «Красные пики», «Свадьба городского бога», «Четырнадцатая наложница» и «Отвоеванное благополучие». Интерес читателей к этим и другим публикациям привели автора к мысли издать их отдельной книгой. В январе 1941 г. издательство «Наше знание» напечатало этот труд И.И. Серебренникова под названием «К истории Азии». Это был сборник очерков, статей и рассказов из истории Китая, Маньчжурии, Монголии и Сибири, написанных в разное время и в основном увидевших свет на страницах газеты «Возрождение Азии» в 1938–1940 гг. Автор не претендовал на научность их содержания. Наоборот, он подчеркивал: «Настоящий сборник ставит своей целью популяризацию исторических материалов, накопившихся в русской и иностранной литера-

туре относительно истории Китая и прилегающих к нему стран. Некоторые очерки в сборнике представляют лишь краткие переложения соответствующих работ русских и иностранных авторов; другие носят компилятивный характер, будучи написаны на основании исторических источников; третьи, являясь компилятивными, содержат иногда оригинальные суждения и исторические построения самого автора»⁷⁰.

И.И. Серебренников дал нумерацию этой книге — первый том. К сожалению, второй том так и остался в рукописи. Он также мечтал написать для русской эмиграции популярную историю Китая, учебник для востоковедов. В сентябре 1941 г. Иван Иннокентьевич сделал заявку на издание новой книги, которую он назвал «Душа Китая», но и она не увидела свет.

«Великий отход». Встречаясь изо дня в день с участниками гражданской войны, слушая их рассказы о событиях, которые привели к вынужденному исходу, Иван Иннокентьевич задумал большую работу о последствиях гражданской войны. Он стал собирать разрозненные материалы, дневники, письма, брать интервью у людей, бывших свидетелями и участниками тех событий. Некоторые записи разговоров разворачивались в целые рукописи. Таким образом, он обработал воспоминания полковника В.Ю. Сокольниковского⁷¹, Д.П. Першина⁷², бывшего китайского наемника В.А. Зубца⁷³, офицера Оренбургского казачьего войска А.И. Ефимова и многих других. Некоторые из воспоминаний были отправлены в Гуверовский институт, другие — в Прагу, часть так и осталась неиспользованной.

В 1936 г. И.И. Серебренников выпустил тиражом 290 экземпляров книгу «Великий отход». В предисловии к ней он написал: «Наша скромная задача — дать лишь некоторый материал для будущих историков русской революции, поставить некоторые вехи для их работы, а главное, опубликовать в печати сведения, относящиеся к трагическому скитанию остатков белых армий по бесконечным просторам Центральной Азии — сведения, еще мало известные широкой публике. Мы с любовью и охотой выполнили этот труд, чтобы еще лишний раз воскресить в памяти наше, белое, героическое прошлое, выдвигая его блестящие стороны, не скрывая теневых»⁷⁴. Этой работой Иван Иннокентьевич как бы написал обширное предисловие к общей истории русской эмиграции в Китае. Иллюстрациями для книги послужили картины художника-эмигранта П.И. Сафронова⁷⁵, участника этих событий, редкие фотографии и портреты.

И.И. Серебренников планировал издать «Великий отход» и на английском языке. Об этом он вел переговоры с пекинским книжным магазином «The Booksellers». К ноябрю 1936 г. В.О. Клемм сделал перевод рукописи. Но по разным причинам осуществить это издание не удалось.

В конце 1936 г. Серебренников сильно заболел, перенес сложную операцию по удалению желчного пузыря, а в середине 1937 г. его разбил паралич. Но и прикованный к постели, он не прервал своей педагогической и литературной деятельности⁷⁶.

⁷⁰Серебренников И.И. К истории Азии: Сб. ст., очерков и рассказов из истории Монголии, Маньчжурии и Сибири. Т. 1. - Тяньцзинь: Наше знание, 1941. — С. [1].

⁷¹НИЛА. Sokolnitskii, V. 1 folder (Кайгородовщина): (Обраб. И.И.Серебренникова).

⁷²НИЛА. D.P.Pershin. 3 ms. boxes

⁷³НИЛА. Zubet V.A. (На службе в Китайской армии. — Рукоп.): (Обраб. И.И.Серебренниковым). 1 ms. box, 249 с.

⁷⁴Серебренников И.И. Великий отход: Рассеяние по Азии белых армий, 1919-1923. - Харбин: Изд-во М.В.Зайцева, 1936. — С. 6.

⁷⁵В 1947 вместе со своей коллекцией И.И.Серебренников отправит две картины П.И. Сафонова в Гуверовский институт.

⁷⁶Именно этот трудный жизненный период Серебренникова, который был зафиксирован в его дневниковых

⁶⁶Серебренников И.И. Синологическая деятельность Русской духовной миссии в Пекине: Библиогр. очерк // Кит. Благовестник. — 1941. — № 4. — С. 26 — 42; № 5. — С. — 31 — 40; № 6. — С. 47 - 50. С посвящением памяти протопресвитера о. П. Рождественского.

⁶⁷Серебренников И.И. Китайские народные поверья // Вестн. Маньчжурии. — 1929. — № 4. — С. 70 — 80.

⁶⁸Серебренников И.И. Миф и религиозный культ Китая (Поверья, обычаи, обряды) // Вестн. Маньчжурии. — 1930. — № 4. — С. 68.

⁶⁹Серебренников И.И. Текущий китайский фольклор и китайские суеверия. — Тяньцзинь: Знание, 1932. — 49 с.

Воспоминания. В первые годы жизни на чужбине Серебренников не планировал писать воспоминаний. Но позже, когда улеглись впечатления, он все же занялся этой работой. Первая статья, посвященная его деятельности в Сибирском правительстве, увидела свет в Праге⁷⁷. Толчком к этому стала его работа над книгой «Великий отход». Нахлынувшие воспоминания теснили грудь, хотелось высказаться, найти ответы на вопросы — кто прав, кто виноват.

Первый том воспоминаний И.И. Серебренникова посвящен событиям революции и гражданской войны. «Моя цель, — писал он, — представить в настоящей работе почти в кинематографическом порядке отдельные картины, иногда, быть может, и мало связанные между собою, но особенно ярко запечатлевшиеся в моей памяти или представляющие, с моей точки зрения, тот или иной бытовой интерес. Я не буду делать различия между большими и малыми эпизодами, считая, что и малые эпизоды порою хорошо характеризуют собою ту атмосферу, в которой рождаются крупные события...»⁷⁸

Второй том воспоминаний вышел в начале декабря 1940 г. В предисловии И.И. Серебренников отметил: «Настоящий том «Моих воспоминаний» представляет непосредственное продолжение тома первого, изданного в начале 1937 г. в Тяньцзине, и содержит описание моего бегства из Сибири в 1920 г., затем скитания мои по городам Северного Китая за последующие три — четыре года и мои первые путевые впечатления от знакомства с новой страной. Конечно, в своих описаниях и повествованиях я уделил много внимания жизни русских эмигрантов, поселившихся в Северном Китае, и их первоначальному устройению здесь. Мне думается, что в таком виде этот том «Моих воспоминаний» может представить, помимо общего интереса, некоторый материал для изучения расселения русской эмиграции в Китае»⁷⁹.

Иван Иннокентьевич подробно описал свою жизнь в Харбине, Пекине и Тяньцзине. Он постарался органично совместить собственные наблюдения с небольшими, порой энциклопедически лаконичными справками о жизни русских общин в этих городах. Тираж книги составил 400 экземпляров. Из них сто он получил в виде гонорара. Одновременно с работой над воспоминаниями И.И. Серебренников опубликовал ряд статей в русской периодической печати Китая. Библиография его трудов занимает десятки страниц.

Поэзия. Иван Иннокентьевич обладал аналитическим умом, а Александра Николаевна была отличным стилистом, имела художественный вкус. Неудивительно, что она увлекалась поэзией и с 1937 г. стала заниматься переводами произведений китайских поэтов, опубликованных в английских изданиях. В апреле следующего года начались переговоры с типографией «Идеал-пресс» («Ideal Press») об издании сборника, посвященного китайской поэзии. Деньги на него собрали по предварительной подписке. В августе 1938 г. Серебренниковы сдали рукопись в печать, а в октябре получили 200 экземпляров книги «Цветы китайской поэзии», которая имела большой успех. Типография оформила книгу в китайском стиле: папка была переплетена шелком с костяными застежками. В предисловии авторы отмечали: «Насколько мы знаем, антология китайской поэзии на русском языке впервые предъявляется вниманию

записях и записях его жены, приведен в данном издании.

⁷⁷Серебренников И.И. К истории Сибирского правительства // Вольная Сибирь. — 1929. — № 5, прил.: Сиб. архив. (№ 1). — С. 5 — 22.

⁷⁸Серебренников И.И. Мои воспоминания... — Т. 1... — С. 14.

⁷⁹Серебренников И.И. Мои воспоминания... — Т. 1... — С. [1].

читателя. Мы должны заметить, что, за малыми исключениями, китайские стихотворения и песни были нами переведены белыми стихами, так как это обстоятельство позволяло нам сохранять большую близость к подлинникам. Подлинниками для нас, как не синологов, к сожалению, служили не оригинальные китайские стихи, а переводы их, сделанные английскими, немецкими и французскими переводчиками, отчасти и русские переводы прозой»⁸⁰.

Книга получила хорошие отзывы как в Китае, так и в Европе. «Следует отметить высокое достоинство стихотворного перевода, — писал известный поэт Арсений Несмелов, — достоинство несомненное! Как убедился и сам читатель на примере приведенных нами образцов, стих везде выразителен, упруг и ритмически оправдывает тему. Каждому культурному русскому человеку ясно, какое огромное значение может иметь этот труд для нашего понимания сокровенных глубин китайской души. Кроме того, конечно, антология эта является и ценным вкладом в русскую переводную художественную литературу»⁸¹.

С апреля 1938 г. за скромный гонорар А.Н. Серебренникова стала публиковать свои статьи в газете «Возрождение Азии». Свет увидели «Забытые поэты», «Русская женщина в мировую войну», исторический рассказ «Полина Гебль», очерки «Вино и Китай», «Дети и детское словотворчество» и многие другие. Кстати, газета отказалась печатать статьи Серебренниковых на политические темы, так как они не были написаны в духе безусловной поддержки японской оккупации Китая.

В этой же газете А.Н. Серебренникова дебютировала со своим стихотворением «Земля родная». Всего она опубликовала около 200 стихотворений, в том числе обработанных ею произведений китайских, японских, корейских, монгольских и тюрко-татарских поэтов. Нередко ее стихи перепечатывались в периодических изданиях Харбина, Шанхая и др. В марте 1942 г. поэтесса приняла участие в конкурсе русских поэтов, где за стихотворение «Зимней ночью» получила четвертую премию.

Была у А.Н. Серебренниковой мысль продолжить выпуск поэтических антологий, обратившись на этот раз к японской поэзии. «Имея в своем распоряжении, — писала она, — более 150-ти уже обработанных стихотворений японских поэтов, старинных и современных, я задалась целью выпустить из печати сборник этих стихотворений; это была бы первая антология японской поэзии на русском языке. По соглашению с журналом «Луч Азии», я отослала готовый для сборника материал в его распоряжение. Но, к сожалению, редакция журнала продержала его около двух лет. Тогда по моей просьбе харбинские друзья передали материал сборника «Из японской поэзии» в журнал «Восточное Обозрение», выходящий в Дайрене в издательстве Южно-Маньчжурской железной дороги (Минтецу), и там было решено напечатать этот материал в виде большой статьи в мартовском номере за 1945-й год»⁸². Но журнал неожиданно прекратил свое существование, и антология Серебренниковой так и не увидела свет.

Книги на заказ. Мемуарная литература — особый жанр, и не всем удается проявить себя, описывая свои ощущения в прошлом. В Китае было немало людей, которые хотели бы поделиться своими воспоминаниями, но не у всех имелись способности для такой работы. Именно по этой причине к Се-

⁸⁰Автор. Предисловие // Серебренников И.И. Мои воспоминания... — Т. 1... — С. 3.

⁸¹Несмелов А. Отзыв // Харбин. заря. — 1939. — 19 янв.

⁸²ИЛА. Serebrennikov I.I., box 3.

ребренниковым обратился за помощью известный дальневосточный предприниматель И.В. Кулаев. Его мемуары были написаны очень безграмотно, с множеством ошибок. Серебренниковы занялись их обработкой и подготовкой к печати в 1937 г. и блестяще справились со своей задачей. «Мы можем прочитать в экономических трудах, — писал Серебренников, — что, положим, в Сибири за такие-то годы было добыто столько-то пудов золота, но часто за этими цифрами мы не видим и не чувствуем подлинной жизни, не знаем, сколько горя, страданий, разочарований, разбитых надежд принесли эти годы отдельным сибирским золотопромышленникам и как были вознаграждены, порою совершенно неожиданно, большим золотым потоком немногие счастливые; нам остается неизвестной при этом борьба интересов и страстей, приводившая иногда к преступлениям и судебным процессам. Короче говоря, нам, лицам сторонним от практической жизни, остается неизвестным то, что мы назвали бытом этой жизни»⁸³. Особенно интересны мысли Кулаева о жизни русской эмиграции. Книга вышла в 1938 г. в Тяньцзине⁸⁴, но из-за японской оккупации Китая почти весь тираж был уничтожен.

Большую работу проделал И.И. Серебренников по просьбе князя В.И. Гантимура (1906–1998)⁸⁵. В Китае жило немало представителей этой известной семьи, оставившей большой след в истории русского Дальнего Востока. Серебренников стал собирать сведения об этой семье, и в сентябре 1940 г. книга увидела свет⁸⁶.

Во время тихоокеанской войны. Вторая мировая война нарушила уже устоявшуюся жизнь Серебренниковых. Хотя болезнь Ивана Иннокентьевича значительно ограничила их возможности, эмигрантские организации и друзья помогали преодолевать невзгоды. Война прекратила всякие связи с Европой. Несмотря на оккупационный режим и цензуру японских властей, культурно-общественная жизнь русской эмиграции продолжалась. С одной стороны, Центральный антикоммунистический комитет российских эмигрантов в Северном Китае, подобие Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ), ограничивал демократические свободы эмигрантов, но с другой, он помогал культурной жизни эмиграции. Именно при его финансовой поддержке были изданы второй том воспоминаний И.И. Серебренникова и его сборник «К истории Азии».

На страницах многих газет и журналов, выходивших в Китае, продолжала мелькать фамилия Серебренниковых. К июлю 1943 г. супруги закончили составление уникального отрывного календаря, который напечатало издательство «Наше знание». В нем было помещено много востоковедческих статей о Японии, Китае, Монголии, Маньчжурии и Сибири, произведения китайской, японской и корейской поэзии, обработанные А.Н. Серебренниковой, кроссворды и шутки. Александра Николаевна подобрала много примеров из русской словесности. За долгие годы педагогической деятельности она собрала большой материал по практической грамматике русского языка, составила оригиналь-

ные упражнения по этимологии, а также сборник объяснительных диктантов.

Подведение итогов. И.И. Серебренников несколько раз подводил итоги своей деятельности, в основном, к юбилейным датам. Так, в 1940 г., отмечая 20-летие пребывания в эмиграции, он напечатал тиражом 100 экземпляров краткую биографию. В ней юбиляр отмечал: «Все напечатанные труды И. И-ча уже и теперь могут составить до двух десятков томов. Имеются еще, кроме того, и неопубликованные его материалы»⁸⁷.

В марте 1941 г. И.И. Серебренников торжественно отметил 40-летний юбилей литературной деятельности. В Тяньцзине образовали комитет для чествования юбиляра. На торжественном заседании выступила Александра Николаевна. Были много писем и телеграмм из разных уголков Китая, где жили русские. «Почти четверть века, — писал из Пекина знакомый Серебренниковых Я.Ф. Зверев, — как прервалась Ваша работа на ниве нашей Руси, и это время Вы только страдали; страдая, все же находили в себе силы работать для нее. То, что Вы оба оставались верны отчизне, неся за это тяжелый крест, это уже заслуга немалая»⁸⁸. Многие выступления отмечали большую роль А.Н. Серебренниковой. Юбилейные кружки были также организованы в Шанхае и Пекине. Не обошли стороной эту дату и русские периодические издания. Журнал «Китайский Благовестник» писал: «О трудах и работе И.И. Серебренникова можно написать много, и это будет сделано особо, так как размер журнала не позволяет вместить все, что необходимо сказать о его литературной деятельности»⁸⁹.

Последние годы в Китае. Окончание второй мировой войны привело выходцев из России к расслоению на эмигрантов и советских граждан, стал возникать взаимный антагонизм, даже ненависть. Несмотря на то, что Серебренниковы всегда оставались в рядах русских эмигрантов, они не чуждались общения со знакомыми, имевшими советские паспорта, находя этому оправдание.

Русские газеты и журналы почти перестали выходить. В связи с этим перестали публиковаться и Серебренниковы. Тем не менее, Иван Иннокентьевич продолжал работать над воспоминаниями. Одновременно он составил «Занимательную книгу», в которой собрал всякие головоломки, загадки, кроссворды, логические упражнения и т.д. Отсутствие новой литературы Серебренников восполнил чтением советских изданий — журналов «Огонек», «Смена» и т.д., а в дневниках стали появляться соответствующие критические замечания.

Все это время Иван Иннокентьевич старался ходить понемногу по комнате с помощью костылей, но с декабря 1946 г. он перестал вставать с постели. И все же его интеллектуальная деятельность не прекратилась: он не перестал мечтать о новых книгах, думал через И.К. Окулича, жившего в Канаде, издать второй том «К истории Азии». Одной из его последних важных работ, подготовленной по просьбе Музея русской культуры в Сан-Франциско, была справка об истории периодической печати в Тяньцзине⁹⁰.

В конце декабря 1948 г. Серебренниковы начали распродавать свое имущество. Часть личной библиотеки они передали еврейскому клубу «Кунст». На следующий год они пожертвовали свою учебную литературу школам и библиотекам русского Тяньцзиня. Была продана квартира, наступила тяжелая жизнь на чемоданах. В ожидании разрешения на выезд из Китая Серебренниковы переезжали из одного

⁸³Серебренников И.И. Предисловие // Кулаев И.В. Под счастливой звездой: Воспоминания. — М.: Рус. путь, 1999. — С. 7-8.

⁸⁴Кулаев И.В. Под счастливой звездой: Воспоминания / Лит. обработка и предисл. И.И. Серебренникова. — Тяньцзинь: Наше знание, 1938. — 306 с.

⁸⁵Dolgoplova Z. Владимир Иннокентьевич Ган-Тимур. — The University of Melbourne, 1987. — 12 с. - Библиогр.: с. 12 (12 назв.); Дмитриевский Н.И. Памяти князя В.И. Гантимура // Австралиада. — 1998. - № 15. — С. 27 — 28: портр.

⁸⁶Серебренников И.И. Князь Гантимур: Ист. очерк. — Шанхай: Изд. В.И. Гантимура, тип. «Far Eastern Times», 1934. — 20 с.

⁸⁷Серебренников И.И. И.И. Серебренников: Биограф... — С. 18.

⁸⁸ИИА. Serebrennikov I.I., box 8, folder 47 (Письмо Я.Ф. Зверева от 5 марта 1941).

⁸⁹К сорокалетию литературной деятельности И.И. Серебренникова // Кит. благовестник. — 1941. — № 3 (март). — С. 42.

⁹⁰ИИА. Serebrennikov I.I. Дневник, кн. 19, окт. 1948.

отеля в другой.

«Белая бабочка». Иван Иннокентьевич Серебренников скончался 19 июня 1953 г. в Тяньцзине. Вот как описала его смерть Александра Николаевна: «В среду 17-го [июня 1953 г.] муж не приходил в себя и пробыл без сознания до самой смерти, 19-го, в 12 1/4 часа утра. Я безотлучно была около него, сидела, не раздеваясь, в кресле три ночи, и вместе со мной дежурила Зина, мой верный друг. В пятницу 19-го он стал умирать. Я, Зина и сестра Лиза Курбатова стояли в полном молчании в ногах его постели и следили за его агонией. Вот он стал дышать все тише и реже; потом дыхание остановилось. “Еще не конец, — шепнула мне сестра Лиза, — подожди немного”. Еще два — три слабых вдоха долетели до нас, и опять дыхание остановилось. “Конец”, — сказала Лиза. И в этот же миг взвилась из-под изголовья мужа высоко кверху белая бабочка — и исчезла»⁹¹.

Позже, приехав в Сан-Франциско, под сокращенным псевдонимом Б.П. (без подписи) А.Н. Серебренникова опубликовала некролог, который закончила такими словами: «Высоко честный и прямой человек, за всю жизнь не сказавший ни слова неправды, Ив. Инн. был необыкновенно добр, и его спокойное, искреннее дружелюбие всегда привлекало к нему сердца всех его знавших. Общительный, гостеприимный, он находил время, среди своих трудов, поддерживать многочисленные знакомства и всегда вносил большое оживление в общество своей добродушной веселостью, остроумием и находчивостью. Никогда, ни в глаза, ни за глаза, Ив. Инн. не говорил ни о ком дурно, всегда был склонен видеть в человеке только лучшее и прощать ему его ошибки. Одним из первых он спешил туда, где требовались помощь, поддержка, участие»⁹².

«Америка будет моей третьей родиной». После смерти мужа Александра Николаевна некоторое время прожила в Китае. Через несколько лет она с трудом покинула Китай и 20 января 1955 г. переехала в Европу, а затем в Америку. Все это время она продолжала вести семейный дневник. Вот последние строки: «10 января 1956 г. Утро было ясное, на востоке розовела заря, заря моей новой жизни. Я внутренне горячо поблагодарила Господа за Его помощь мне в достижении моей цели. Автобус шел больше часа до города, я с жадным интересом смотрела по сторонам; мне нравились выкрашенные в белую краску дома Сан-Франциско, придававшие ему светлый, нарядный вид. Деревья и кустарники зеленые, зеленеет трава — какой контраст с холодным Нью-Йорком. На этом я заканчиваю ведение моих дневников. Я достигла теперь цели в жизни. Мне больше некуда стремиться «географически». Америка будет третьей моей родиной. Уже до конца моих дней. Я должна теперь только стараться выполнить те задачи, которые стоят передо мной и ради которых я сюда приехала. Да поможет мне Господь в этом!»⁹³

Задачами, которые ставила перед собой А.Н. Серебренникова, было привезти в порядок семейный архив и издать некоторые работы мужа. С первой задачей она блестяще справилась. Издание же работ осуществить не удалось.

В последние годы Александра Николаевна работала корректором в газете «Русская жизнь», которая издавалась в Сан-Франциско. Время от времени на ее страницах появлялись статьи-воспоминания Серебренниковой о жизни в Китае. Она скончалась 12 апреля 1975 г. в Сан-Франциско. В некрологе друзья

⁹¹НЛА. Serebrennikov I.I., box 4.

⁹²Б.П. Выдающийся сибиряк: Памяти друга // Рус. жизнь. — 1958. — 24 июня, портр.

⁹³НЛА. Serebrennikov I.I., box 4.

писали: «Во всех пришедшихся на ее долю трудностях А.Н. сохранила непоколебимое мужество, энергию и бодрость духа. Эти качества она проявила и в последние свои годы, терпеливо перенесла постигшие ее тяжелые недуги и неуклонно продолжая свою литературную деятельность»⁹⁴.

А.Н. Серебренникова похоронена на Сербском кладбище в Кольме, вблизи Сан-Франциско. Место погребения Ивана Иннокентьевича неизвестно. Уже после отъезда Александры Николаевны из Китая по требованию властей друзья перенесли его прах за город, но вскоре и это кладбище перестало существовать.

И.И. и А.Н. Серебренниковы мечтали о том времени, когда их собрание, накопленное за многие годы, вернется на родину. К сожалению, этого не произошло до сих пор. Но отраднo, что творчество Серебренниковых год от года становится все более знакомо россиянам⁹⁵. Уже опубликованы статьи о его жизни⁹⁶, переизданы в России некоторые произведения Ивана Иннокентьевича Серебренникова⁹⁷. А сейчас, с изданием дневников, можно говорить о настоящем возвращении супругов Серебренниковых на Родину.

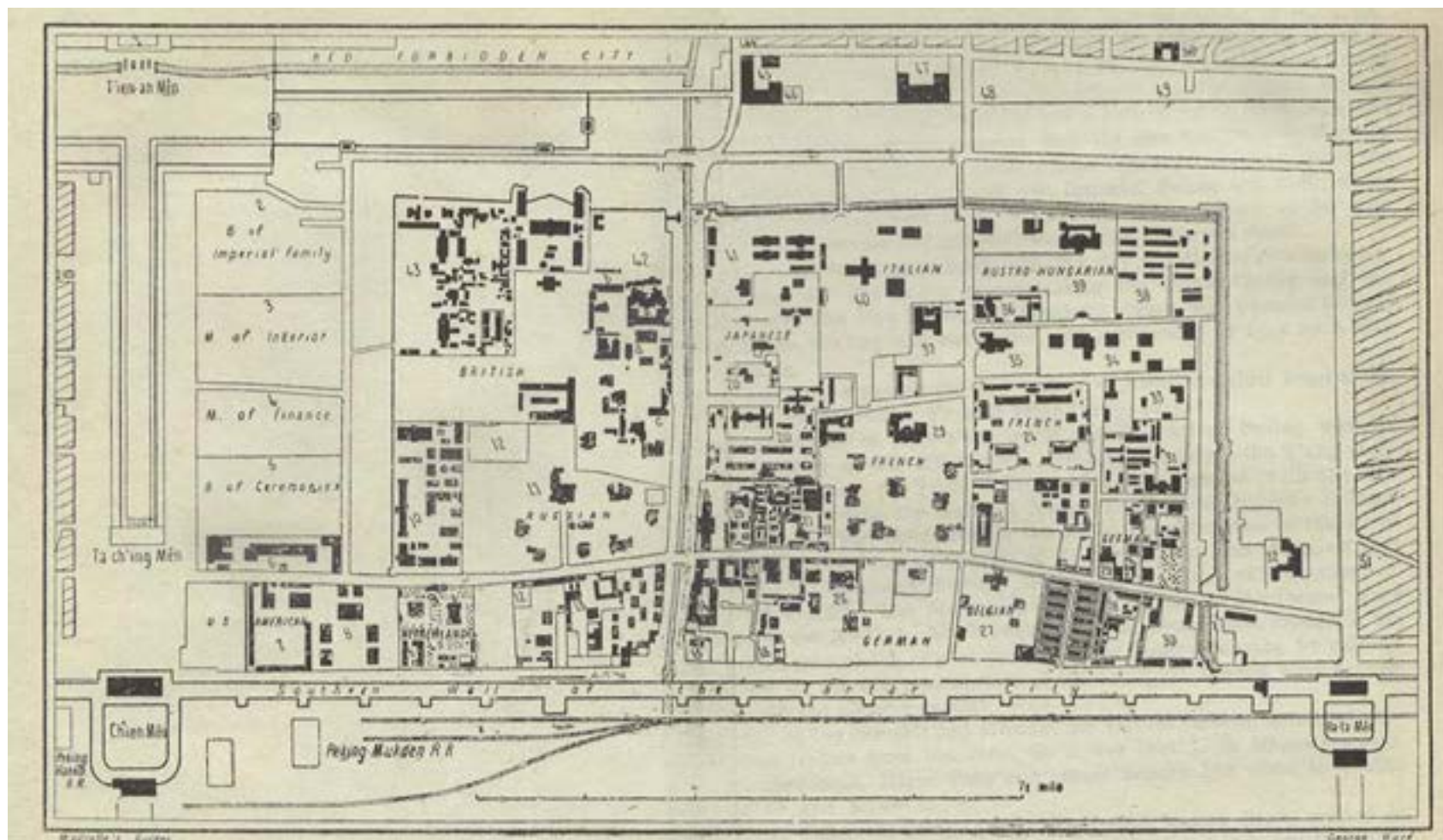
И.И. и А.Н. Серебренниковы в своем кабинете. Тяньцзинь.

⁹⁴К кончине А.Н. Серебренниковой: (Некролог) // Рус. жизнь. — 1975. — 23 апр.

⁹⁵Основные публикации И.И. Серебренникова в Сибири и за рубежом // Земля. — Иркутск, 1992. — 28 дек.

⁹⁶Хисамутдинов И.И. Серебренниковы из Тяньцзиня // Записки Русской академической группы в США. — Нью-Йорк, 1994. — V. 26. — P. 295 — 316; Он же. И.И. и А.Н. Серебренников - ученые бессребреники // Проблемы Дал. Востока. — 1996. — № 5. — С. 154 — 162 и др.

⁹⁷Серебренников И.И. Гражданская война в России: Великий отход / Сост. и предисл. В.А. Майера. — М.: ООО «Изд-во АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2003. — 695 с.

PEKING. — LEGATION QUARTER

<p>1. Tzû-chin Ch'eng.
 2. Tsung-jên Fu.
 3. Li-pu.
 4. Tu-chih-pu (formerly Hu-pu).
 5. Li-pu.
 6. French Hospital (St-Michel).
 7. U. S. American Guard.
 8. U. S. American Legation.
 9. Netherlands Legation and { a. Minister,
 Guard } b. Guard.
 10. Russian Guard.
 11. Russian Legation.
 12. Russo-asiatic Bank.
 13. Banque de l'Indo-Chine.
 14. Hôtel des Wagons-lits.
 15. German Post Office.
 16. Russian Post Office.
 17. Hongkong and Shanghai B. C.
 18. Yokohama Specie Bank.</p> | <p>19. Spanish Legation.
 20. Japanese Guard.
 21. Japanese Legation.
 22. French Post Office.
 23. French Legation.
 24. French Guard.
 25. French Catholique Church (St-Michel).
 26. German Legation.
 27. Belgian Legation.
 28. German Guard.
 29. Deutsch-Asiatische Bank,
 30. Stores.
 31. German Lazaret.
 32. Hopkins Memorial Hospital.
 33. Electric Station.
 34. Imperial Maritime Customs, Residen-
 ces and Head Offices.
 35. Peking Club.
 36. Imperial Post of China, Secretary's
 Office.</p> | <p>37. Inspectorate General of Imperial Ma-
 ritime Customs.
 38. Austro-Hungarian Guard.
 39. Austro-Hungarian Legation.
 40. Italian Legation.
 41. Italian Guard.
 42. British Legation { a. Minister,
 b. 1st Secretary,
 c. 2nd Secretary,
 d. Church.
 43. British Guard.
 44. Portuguese Legation.
 45. Chinese Post Office.
 46. Hôtel de Peking.
 47. Peking Han-k'ou R. R., Head Office.
 48. International Banking Corporation.
 49. Mexican Legation.
 50. Telegraph Office.
 51. Hôtel du Nord.</p> |
|--|---|--|

Январь – февраль 1932 г.

Записи Александры Николаевны Серебринниковой

16 января. Ездили на рикшах в Южный Город — это самая оживленная торговая часть Пекина.

Сначала проезжали улицами *Посольского квартала*, неизменно таящими в себе для меня очарование «заграницы»; потом окунулись в кипучую, шумную жизнь китайских улиц Южного Города. Это были уже не впечатления, а сумбур впечатлений: пестрота, яркие краски, цветные фонари, качающиеся у входов в лавки, нестерпимо сильный, ослепляющий свет электрических и ацетиленовых ламп в магазинах, на улицах, возле лотков с товарами уличных продавцов. Непрерывные выкрики, шум и гул тысячной китайской толпы... Ничего похожего никогда, нигде не приходилось нам ни видеть, ни слышать! Я чувствовала себя оглушенной, одурелой, но в то же время была очень довольна: новизна впечатлений радовала меня.

Посольский квартал (Дипломатический квартал, Legation Quater, 东交民巷) находится в южной части Манжурского города, непосредственно примыкая к стене, отделяющей этот квартал от Китайского города. В нем помещаются миссии, иностранные банки, некоторые магазины и пр.ц

17 января. Продолжаем наше знакомство с Пекином. Гуляли сегодня за стеной, окружающей его со всех сторон, потом поднялись на самую стену. Седой древностью веет здесь от всего кругом. Под стеной — канал. Сейчас он подо льдом, который отблескивает от солнца сине-серыми тонами стали. По льду китайские мальчики и девочки катаются на санях особого устройства. Один мальчик, стоя на санях, управляет движением при помощи длинного шеста, как на лодке.

19 января. О.[льга] П. Фигуровская любезно предложила мне поехать со мной по пекинским магазинам, так сказать, ознакомить меня с ними. Побывали мы во многих магазинах. Один особенно понравился мне: очень обширный, с улицы украшен богатой позолотой и резьбой. Внутри множество столов и стульев. Мы сели на стулья, и продавцы начали приносить и раскладывать перед нами на столах всевозможные сорта китайских шелков, ситцы, дрель¹ и т.п. У меня глаза разбежались на шелка: различная расцветка, тонкость и в то же время добротность их были замечательные. «Вы можете и ничего не купить, только посмотреть» — сказала мне О.[льга] П., — все равно они не обидятся».

Но я все же купила несколько ярдов² отличного темно-синего шелка за очень дешевую плату, и наши продавцы проводили нас до дверей с низкими поклонами.

В европейских магазинах все дорого, и не все можно достать. Очень дорого обувь.

20 января. Видела китайские похороны — богатые и бедные. Первые очень торжественны и даже величественны: гроб массивный, огромный, напоминает корабль. Это впечатление усиливается еще и оттого, что его влекут на особых шестах 30 человек, и он мерно колыхается, точно плывет над землей. Впереди гроба несут затканые узорами и цветами полосы шелковых материй на древках, — нечто вроде наших хоругвей. Бросают на землю белые бумажные кружки, мелькающие, как снег. Несут красиво реюющие в воздухе белые бумажные ветви. Родственник, идущий за гробом, все в белых одеждах. Кроме «хоругвей» несут множество шелковых больших фонарей, украшения в виде пагод с шелковыми кистями и т.п. Множество провожающих.

Бедные похороны печальны: очень мало людей за гробом, нет ни фонарей, ни «хоругвей». Простой некрашеный гроб, и гудит над ним китайская похоронная труба заунывным мрачным воем.

30 января. Пропустила несколько дней, ничего не записывала. Много работала по корректуре, писала письма. Приходилось корректировать и вновь поступающие в типографию печатные заказы. В свободное время опять знакомились с достопримечательностями древней китайской столицы, куда забросила нас судьба. Посетили *дворцовый музей* — бывший когда-то дворец богдыханов³. Впечатление — колоссальное. Еще как только вступили мы во внутренний двор, невольное восхищение коснулось сердца. Перед нами была совершенно античная площадь, большие плиты, которые заросли теперь тра-

вой. Мраморная ограда окружала ее. По углам площади стояли массивные прекрасной работы бронзовые курильницы. Дыхание веков, казалось, веяло здесь над нами, витал дух былой великолепной жизни дворцов, замыкавших собою эту тихую, ныне пустынную площадь... А в одном углу ее приютился ресторанчик, где старичок-китаец предлагал туристам горячий душистый китайский чай и незатейливые сласти.

Мы вошли внутрь главного дворцового строения. Нас сопровождал гид-китаец, объяснявший по-английски все, что мы должны были увидеть там. Мы побывали в тронном зале. Столбы, поддержавшие его потолок, являются настоящими произведениями искусства. Одна комната занята драгоценными предметами: нам показали статую Будды из чистого золота, золотые чаши, наполненные рубинами и изумрудами. Видели мы два старинных воинских богдыханских костюма — каждому по 500 лет: один весь обшит кораллами, другой — украшениями из слоновой кости. Восхищались мы также многочисленными вазами, драгоценными и своей художественностью, и материалом, из которого они сделаны: золото, серебро, тончайший, почти прозрачный фарфор, великолепно расписанный.

Какое искусство, какая великая красота во всех этих произведениях древнего китайского гения! Недаром говорили нам, что Китай — страна тысячелетней высокой культуры.

1 февраля. Побывали мы в китайском театре — кажется, его название «Новый мир». Это здание в несколько этажей, где размещаются рестораны, чайные, кино и на самой верхушке театр. Перед входом в театральный зал стоят два громадных зеркала. Мы подошли к одному из них и от неожиданности отпрянули назад: зеркало отразило наши фигуры невероятно раздав-

Запретный город (紫禁城, Цзыцзиньчэн, буквально: «Пурпурный запретный город»; в наши дни обычно именуется 故宫, Гугун, буквально: «Бывший дворец») — самый обширный дворцовый комплекс в мире (961 x 753 метров, 720 тыс. м², 980 зданий). Находится в центре Пекина, к северу от главной площади Тяньаньмэнь и восточнее озёрного квартала (резиденции современных руководителей страны). Главный дворцовый комплекс китайских императоров начиная с династии Мин и до конца династии Цин, то есть с 1420 по 1912 годы; на протяжении всего этого времени служил как местом жительства императоров и членов их семей, так и церемониальным и политическим центром китайского правительства. Отсюда Поднебесной правили 24 императора династий Мин и Цин.

¹ Дрель — легкая ткань вроде марли.

² Ярд — британская и американская единица измерения. 1 ярд равен ^{91,44} см.

³ Богдыхан — неофициальное название китайского императора у русских в XIV–XVII вв.

шимися в ширину и укороченными, с лицами, карикатурно расплывшимися в широкий, плоский блин. Другое зеркало, наоборот, показало вместо нас тощих, вытянутых в длину гигантов. То и другое было очень забавно, и мы от души посмеялись.

Театр был полон: шла какая-то пьеса, на которую китайская публика очень живо и непринужденно реагировала смехом и громкими восклицаниями. Пьеса сопровождалась музыкой: оглушительными трубами и барабанами, которых мы, с непривычки, не могли долго выдержать и ушли, чтобы подняться еще на крышу театра и посмотреть с нее на Пекин. Нам говорили ранее, что вид оттуда замечательный. И, действительно, нам открылась грандиозная панорама всего города и замыкающих его довольно высоких гор на фоне лиловых и розовых красок наступившего заката. Это было чрезвычайно красиво.

3 февраля. Посетили *монгольский храм Юн-ха-гун*, где находится семисажженная статуя Будды, сделанная, как говорят, из одного древесного ствола. Какой же высоты должно было быть это дерево! Статуя великолепна, вы чувствуете, глядя на нее, всю грандиозность Божества. Складки одежды на ней, ее украшения, ожерелья и пр. сделаны с величайшим искусством и правдоподобием. Жаль, что храм, где помещается статуя, слишком мал для нее: Будде там тесно, его колоссальная голова находится под самым потолком, и нам нужно очень сильно откидывать назад свои головы, чтобы разглядеть его на такой высоте. И вдруг глянут на нас его огненные глаза на выразительном до живости лице — впечатление настолько сильно, что даже отшатнешься невольно.

Есть в храме и другие статуи богов и богинь, обыкновенного человеческого размера. Одна обратила на себя мое особое внимание: женская фигура в развевающейся одежде, позади нее летящие облака. Столько экспрессии в этой фигуре, легкость, устремление, движение. Почти видишь, как разлетаются складки одежды, как плывут и колыхаются облака. Замечательно!

Мы обошли все отделения храма. Их много во внутреннем дворе, но ничего особенного в них нет. Покидая храм, мы еще постояли перед семисажженным Буддой и, по предложению дежурящих там монахов-буддистов в оранжевых шелковых одеяниях, зажгли несколько свечек из сандалового дерева у подно-

Тибетский буддийский храм Юнхэгун (雍和宫) — храм, называемый «Дворец мира и гармонии, храм Ламы», «Юнхэ Ламасэри», или — распространённое — «Ламаистский храм». Является монастырём и храмом школы тибетского буддизма Гэлуг, располагается в северо-восточной части Пекина. Это — крупный и значимый монастырь. В архитектуре соединены китайский и тибетский стили.

жья статуи. За свечки мы дали два доллара. Приятный смолистый аромат их понравился нам. Легкие клубы дыма поднялись вверх, и из-за них опять глянули на нас выразительные громадные глаза этого титанического Божества, когда мы, уходя, от дверей еще раз оглянулись на него.

6 февраля. Сегодня мы совершили долгую прогулку: побывали в *Храме Неба*, о котором много слышали и который видели изображенным в красках на открытках и, в увеличенном виде, в окнах фотографических магазинов. Когда подъезжаешь на поезде к Пекину, величественные, гигантские очертания этого храма в виде трех суживающихся сверху синих кругов, видны из окна вагона еще задолго до въезда в Пекин.

То, что мы увидели сегодня, превзошло все наши ожидания. Волшебная сказка — иначе я не могу назвать картину, представившуюся нашим глазам. Мы вошли в открытые широкие ворота Храма Неба и очутились в обширной усадьбе, засаженной громадными туями и другими высокими деревьями. В стороны бежали дорожки-аллеи, виднелись лужайки, заросшие травой, сейчас еще сухой и желтой. Опять невольно подумалось: как хорошо тут летом! Мы пошли прямо по широкой длинной аллее и поднялись по ступеням вверх. И здесь, во всем своем великолепии, предстал перед нами этот овеянный древностью Храм, где когда-то китайские императоры совершали торжественные моления богам о благополучии и преуспевании страны в преддверии наступающего года.

Этот храм-алтарь расположен на прямоугольной площади, огороженной белой мраморной балюстрадой. Более двадцати ступеней, тоже из белого мрамора, ведут к нему. По бокам — мраморные столбики. Посредине подъема мрамор изрезан причудливыми китайскими рисунками, завитками, драконами — даже жалко попирать ногами эти художественные плиты. Три круга-спирали, опоясывающие храм, выложены синими черепицами, а верхушка увенчана позолоченным куполом. Все эти детали я заметила уже позднее — первые впечатления были так сильны и захватывающи, что я просто села на мраморную оградку возле храма и углубилась в молчаливое восхищение. Нас было человек шесть здесь, и все как-то притихли, не хотелось нарушать словами царствовавшую вокруг нас красоту и гармонию.

Храм Неба (天壇, 天坛) — храмово-монастырский комплекс в центральном Пекине, включающий единственный храм круглой формы в городе — Храм Урожая (это главный храм комплекса, часто называемый Храмом Неба). Занесен ЮНЕСКО в список всемирного наследия человечества. Площадь комплекса составляет 267 га. Тяньтань является одним из символов города.

Был чудесный день, теплый, даже жаркий. Небо сияло над нами безоблачной синевой. И при этом ярком солнце, под чистой небесной лазурью ослепительно белым казался мрамор, блестели золотом желтые черепицы крыш прилегающих дворцовых строений, красиво оттеняя синюю эмаль храмовых ярусов, темнели начинающей оживать под солнцем зеленой стройные, строгие кипарисы вблизи храма...

Все это чаровало, пленяло глаз — и умиротворяющим целительным бальзамом лилась в душу блаженная тишина этого уединенного, замкнутого от людей святилища.

8 февраля. Китайский Новый год. Яркое освещенная улица, множество цветных фонарей, гром хлопучек, ракеты, фейерверки, крики, смех, шум бесчисленных уличных толп... Признаюсь, меня с силой охватило ощущение необыкновенной праздничности — гораздо больше, чем в наш собственный Новый год. Поздно вечером услышали мы мерные удары в большой колокол — гулко, грозно и торжественно пронеслись они и замолкли. Нам сказали, что это колокол Ламаистского храма. Я прислушивалась к нему с почти благовеиным чувством: соприкосновение с чужой религией, с чужим Божеством — странно сказать — как-то мистически волнует меня.

Мы приглашены на обед к о[тцу] Василию Дэ, протодиакону миссийского Успенского собора.

13 февраля. Ездили в *Храм Земледелия*. Собственно, храмов никаких там нет, сохранился только старый заброшенный алтарь. Но летом там можно наслаждаться природой, так как вся территория этого Храма Земледелия (или Земли) представляет собой огромный парк.

Посетили *Храм Конфуция*, очень понравившийся нам. Он — строгого стиля, с массивными колоннами, весь темно-красный. В храме нет ни статуй, ни изображений богов; стоят только на подставках таблички с письменами. Большой двор выложен плитами, на которые падает тень от вековых туй: говорят, им не менее 700 лет.

Храм Земли (地壇, 地坛) — храм в Пекине, второй по величине из четырех главных храмов после храма Неба. Расположен в северной части города, возле ворот Аньдинмэнь, за пределами второй пекинской кольцевой дороги. Находится всего в нескольких сотнях метров к северу от Юнхэгуна.

Храм был построен в 1530 году, во времена династии Мин. Императоры династий Мин и Цин всегда присутствовали на ежегодном ритуале жертвоприношения небу в день летнего солнцестояния.

Обратный путь был нам испорчен совершенно. Мы пошли домой пешком — было нас четверо, и по дороге непрерывно лезли к нам китайские ребятишки, прося подачек.

14 февраля. Мы сделали хорошую прогулку по берегу канала. Лед на нем уже растаял, но вода сохраняет тот же сине-серый стальной оттенок. Плещутся в воде белоснежные гуси. Рядом — серая древняя стена.

20 февраля. Я и Е.И. Иванова ходили гулять вчера поздно вечером за пределами Миссии. Мы не боимся таких одиноких прогулок, здесь кругом совершенно спокойно и безопасно. Полная луна сияла на небе, было тихо. Мы проходили узкими глухими переулками, с безмолвными стенами китайских жилищ. Изредка попадались нам навстречу китайцы, двигавшиеся бесшумно в своих мягких матерчатых туфлях и где-то также бесшумно исчезавшие. И вдруг все это показалось мне сном, миражом: луна, стены, китайцы... Я даже остановилась на дороге и с недоумением огляделась кругом: где я? Куда занесло меня судьбой? Все было так нереально, странно и чуждо: я — в Китае, в Русской духовной миссии Пекина, города, который я всегда представляла себе где-то за тридевять земель и в который никогда не стремилась. Надо мной — чужое небо, и смотрит на меня чужая луна...

Думаю о далекой России, чувствую жалость ко всем нам, заброшенным сюда после всероссийского кораблекрушения. Вспоминаются строчки из чьего-то стихотворения:

Мы — пассажиры с разбитого брига,
Затертого льдом...

Храм Конфуция (北京孔庙) расположен вблизи (к западу) от Ламайского храма. Этот храм, посвященный Конфуцию, был построен во время династии Юань, в конце XIII-го столетия. Во дворе храма много старых кипарисовых деревьев и каменных памятников, представляющих обычно из себя плиты, поставленные на изваяния черепках. Здесь же хранятся, с древними письменами на них, особые памятники, сделанные из камня и напоминающие по внешней форме баранов (1000 г. до н.э.; это древнейшие сохранившиеся памятники китайской письменности).

Декабрь 1932 г. – февраль 1933 г.

Записи Ивана Иннокентьевича Серебринникова

23 декабря. В половине девятого, утром, мы с женой выехали в автомобиле на вокзал. Меня проводил туда и И.Н. Головкин-Улазовский. Я занял место во втором классе. Посидели вместе в вагоне, побеседовали; потом я простился с женой и с Улазовским. Поезд тронулся в 9 ч[асов] 15 минут. К моему удовольствию, в поезде оказались знакомые. Ко мне подсел Ровенский, молодой человек, владелец транспортной конторы в *Тяньцзине*. Его отца, старого ссыльного в Сибири, бывшего народовольца, я хорошо знал еще по Иркутску. Ровенский ехал на иностранные праздники в Пекин, погостить у комиссара почты Полетти. Оказывается, их жены — родные сестры. В беседе время шло незаметно.

Подсел к нам ненадолго Заднепровский, в прошлом белый офицер, теперь владелец молочной фермы в Тяньцзине. Заднепровский — страстный охотник и не покидает охотничьего спорта и здесь, в Китае. Сейчас он совершенно один, без компаньонов, едет на охоту в провинцию Шэньси, примерно на две недели. Признаться, эта поездка меня удивила: как хочется таскаться так далеко, с ружьем, да еще одному, да еще и по Китаю.

В окно вагона я еще увидел старика Землякова, туркестанца, тоже ехавшего куда-то с нашим поездом.

Город Тяньцзинь (天津) расположен на берегу залива Бохайвань в 180 км к юго-востоку от Пекина. С прилегающими районами он образует самостоятельную административную единицу центрального подчинения. Тяньцзинь является одним из главных экономических центров Китая. Именно в этом городе постоянно жили супруги Серебринниковы.

*На фото Башня Гулоу или
Барабанная башня (天津鼓楼)*

В половине пути я вышел во время одной остановки поезда на перрон, чтобы немного подышать свежим воздухом, и встретил А.А. Орлова. Он ехал в Пекин для доклада архиепископу Симону о желании совета Православного братства Тяньцзиньской церкви иметь настоятелем последней о[тца] П. Рождественского.

В Пекин наш поезд прибыл по расписанию. Рикша быстро домчал меня от вокзала до квартиры Я.Ф. Зверева, где я был радушно встречен хозяевами. Зверевы живут в Посольском квартале.

В час дня я позавтракал у них, а в два уже был на приеме у зубного врача Баранова в Рокфеллеровском госпитале. Пришлось долго ждать своей очереди. Я заметил, что у Баранова прибавилось много важности. Он просмотрел мой последний рентгеноскопический снимок зубов и заявил мне, что выдергивать зуб почти нет необходимости, подтвердив этим отзыв тяньцзиньского дантиста немца Эдера. Это меня, можно сказать, обрадовало: за последнее время я стал сильно нервничать перед зубными операциями и теперь был доволен, что этих операций больше не будет.

Я обратил внимание на то, что Рокфеллеровский госпиталь переполнен публикой, чающей лечения, почти исключительно из китайцев. Что это означает? Подтверждает ли это хозяйственную депрессию, порождающую больных, или же все усиливающееся доверие китайцев к европейской медицине?

По выходу из Рокфеллеровского института (официальное название Peking Union College Hospital) я немного погулял по Хатамен-стрит, в районе напротив Посольского города. Эту улицу я нашел, увы! — почти в таком же виде, как я ее знал десять лет тому назад. В общем, Пекин все тот же.

Остаток вечера я провел у Зверевых, поужинав с ними. С Як[овом] Филипповичем, по обыкновению, много беседовали на истекшие, текущие и еще имеющиеся притечь политические темы.

Вечером, в 9 часов, мы с ним отправились к главе эмиграции Д.Л. Хорвату, продолжающему обитать, как и ранее, в доме бывшего Австрийского посольства. Генерал был дома. Он радушно встретил нас, предложил чашку чая. Беседовали о многом. Между прочим, в этой нашей беседе я попытался выяснить давно интересовавший меня вопрос о том, кто же именно

Рокфеллеровский госпиталь (Peking Union Medical College, 北京协和医学院) был основан в 1906 г. американскими и английскими миссионерами, и финансировался за счет Фонда Рокфеллера (Rockefeller Foundation). На сегодняшний день госпиталь остается одной из лучших медицинских школ в Китае.

Зверев (псевдоним Фофанов, Хрущев), **Яков Филиппович** (1882?, Пермь – дек. 1952, Сан-Франциско). Бывший эсер. Жил в Пекине. Председатель-распорядитель товарищества «Восточное хозяйство». Автор статей в журнале «Возрождение Азии». В последние годы жил в Сан-Франциско. Жена Ольга Львовна и сын Юра.

вернул в 1918 году адмирала Колчака с его пути из Америки в Месопотамию и направил его в Харбин. И из полученных мной разъяснений я узнал, что виновником сего обстоятельства был не кто иной, как сам генерал Хорват. Он не пожелал возглавлять собою накопившиеся в 1918 году в полосе отчуждения Кит[айской] Вост[очной] жел[езной] дор[оги] Белые силы и искал возглавителя. Его выбор остановился на адмирале Колчаке как весьма популярном лице. Последовали переговоры Хорвата с российским посланником в Китае князем Кудашевым. Оба они, т[о] е[сть] ген[ерал] Хорват и князь Кудашев, ездили вместе к английскому посланнику в Китае. Последний телеграфировал в Лондон, и английское правительство дало разрешение Колчаку отправиться в Харбин.

Вернулись мы домой от Хорвата часам к 10-ти вечера и долго еще затем сидели и беседовали на разные темы. Зверев рассказал мне немало интересного о местных русских резидентах, о русских женах иностранцев и т.д. Между прочим, у Элдера, богатого англичанина, ближайшего друга и советника маршала Чжан Сюэляна, жена — русская, в прошлом, кажется, танцовщица одного из мукденских баров¹, дочь едва ли не стрелочника Кит[айской] Вост[очной] ж[елезной] д[ороги], но тем не менее красивая и эффектная женщина. Супруги Элдер занимают ряд фешенебельных комнат в Hotel de Peking. Говорят, что они проживают не менее десяти тысяч долларов в месяц. М[ада]ме Элдер намеривается купить себе у Я.Ф. Зверева соболий мех и заплатить за него 11500 долларов. Таковы-то дела человеческие.

24 декабря. Ночь у Зверева провел не очень хорошо. Что-то не спалось на новом месте. Утром я отправился в Немецкий госпиталь и при любезном содействии О.Л. Зверевой записался на прием к профессору Кригу. До приема, который должен был быть в 12 часов, отправился я бродить по улицам Маньчжурского города, полюбоваться той пестрой красотой, которой отличаются торговые улицы этого города. Зашел я в фешенебельный

¹...одного из мукденских баров... — Мукденский дворец – резиденция первых императоров Маньчжурской династии Нурхаи и Абахая в Шаньяне, позднее дворцовый комплекс.

Хорват, Дмитрий Леонидович (25 июля 1859, Кременчуги Полтавской губ. – 16 мая 1937, Пекин). Родился в семье херсонского помещика. Участник войны с Турцией (1877–78) Был генерал-лейтенантом и Верховным уполномоченным правительства П.В.Вологодского на Дальнем Востоке (1919). Занимал должность Советника общества КВЖД в Пекине (1921–24). Являлся главой эмигрантских организаций на Дальнем Востоке (с 1930).

Во время похоронной процессии перед его гробом несли 42 награды. Проводить Дмитрия Леонидовича в последний путь пришли не только русские и иностранцы, но и десятки тысяч китайцев. Хорват единственный, кто не имея духовного звания, был похоронен у одной из стен Храма Мучеников Пекинской духовной миссии.

Кудашев, Николай Александрович (1868 – дек. 1921, Франция), князь, камергер. Окончил СПб. университет. Являлся 1-м секретарем Российского посольства в Токио (1902–05) и помощником секретаря Российского посольства в Константинополе (1905). В дальнейшем занимал должность 1-го секретаря в Вашингтоне (1906), а затем стал 2-м секретарем в Турции (1908). Являлся поверенным в делах посольства в Австро-Венгрии (1913). В Первую мировую войну был начальником дипломатической канцелярии Верховного главнокомандующего. С 9 июня 1916 по 23 сентябрь 1920. занимал пост чрезвычайного посланника и полномочного министра в Пекине. Был действительным статским советником. Из Китая уехал во Францию (2 января 1921), где умер.

Hotel de Pekin и побывал здесь в книжном магазине «The China Bookseller», владельцем коего состоит француз Vetch. В магазине этом разыскал я бухгалтера, моего старого пекинского знакомого В.И. Розанова. Встретились дружески.

В магазине множество книг о Китае. В Тяньзине я ничего подобного не видел. Я был поражен вообще тем обстоятельством, что так много выходит теперь новых книг о Китае. Кажется, иностранцы лучше знают сейчас Китай, чем сами китайцы.

Ровно к 12 часам я был в госпитале. Не без волнения я направился на прием к проф[ессору] Кригу. Он начал исследовать меня, постукивать, послушивать и затем измерять давление крови. Окончив измерение, он быстро вскочил и убежал к своему письменному столу. Мне сказали, что я могу одеваться. В своей приемной комнате Криг сказал Ольге Львовне:

— Его нужно положить в госпиталь на испытание. При его возрасте нормальное давление крови не должно превышать 130, а у него — 200. Этак, он может кончиться в любой момент.

Признаюсь, это открытие ошеломило меня. Дело оказалось серьезным. Пришлось согласиться лечь в госпиталь. Было только одно маленькое препятствие: завтра иностранное Рождество, дня два госпиталь не будет работать полным ходом — не лучше ли мне обождать? Но после некоторых колебаний я все же решил лечь туда сегодня же, не откладывая в долгий ящик. С этим решением я и вернулся к Зверевым.

В 4 часа дня я уже перебрался в госпиталь, где занял комнату № 3 с оплатой в 12 долларов в сутки, надеясь перейти потом в более дешевую комнату, шестирублевую, как только таковая освободится. Авансом я внес за свое лечение в кассу госпиталя 100 долларов. Итак, в первый раз в своей жизни за все свои пятьдесят лет я оказался в госпитале.

К вечеру мне уже принесли какую-то темного цвета микстуру, кажется, что был йодистый калий, и еще что-то в растворе, затем таблетка «Animda». Так началось мое лечение. Часов в 8 вечера меня навестил Як[ов] Фил[иппович] и просидел у меня около часа. В 9 часов я лег спать, но долго не мог уснуть: провозился часов до 12. В голову лезли разные думы. Невольно вспомнил я, как моя добрая жена настойчиво отправля-

Grand Hôtel de Pékin (北京飯店) в 30-х считался одним из лучших отелей на Востоке. Был построен в 1917. Отель располагал 200 комнатами с ваннами. В гостинице был чайный зал, в котором утсраивались танцы каждую ночь, и свой оркестр, который играл классическую музыку во время ужинов. В брошюре 30-х годов также рассказывается о «просторном саде на крыше, откуда открываются прекарные виды на Запретный город, Посольский квартал и 50 миль вокруг».

На сегодняшний день это здание известно как Block В или среднее строение гостиничного комплекса Grand Hotel Beijing.

ла меня «к немцам» в Пекин. Я упирался. Она настаивала. Своим женским сердцем она предчувствовала, что со мной творится что-то неладное, что нужно скорее ехать к докторам:

— Немцы поставят тебя на ноги, — говорила жена, — вот увидишь!

Дай Бог, чтобы это случилось, — думаю я теперь.

Был иностранный сочельник. Где-то вдали слышалась музыка — исполнялись какие-то торжественные церковные гимны. Где это было, я не мог понять.

25 декабря. Иностранное рождество. Проснулся я около 9 часов утра. Вскоре вошла ко мне немка, сестра милосердия, и приветливо спросила меня:

— Haben Zie gut geschlafen?²

— Gut³, — ответил я.

— Хао бу хао?⁴ — спросила она еще и по-китайски.

— Хао!⁵ — ответил я.

До утреннего завтрака я успел одеться и побриться. Мне принесли пориц (овсяную кашу), полную тарелку, пару яиц всмятку, компот из яблок, масло, варенье, тосты и два кусочка кекса. Для меня, непривыкшего к утреннему завтраку, этого было более чем достаточно. Я, однако, съел все с большим аппетитом. Я невольно подумал про себя:

— Вот так больной!

Утром зашел посмотреть на меня проф[ессор] Криг и разрешил мне гулять на свежем воздухе, когда я захочу. Это меня очень порадовало. Вскоре пришло первое письмо из Тяньцзиня от жены. Дома все было благополучно.

На моем столе появилась новая коробка с лекарствами. Nitro sederan — это предназначалось для уколов, чтобы снизить давление крови. Обед был обильный и тоже очень понравился мне.

Часа в 4 дня я перешел в более дешевую комнату № 6. Понемногу осмотрелся. Я увидел, что госпиталь с 1922 года, когда я жил в Пекине, увеличился разными пристройками, пожалуй, более чем в три раза. В нем теперь до 120 комнат для больных, и почти все заняты. Две трети пациентов — китайцы, треть — европейцы. Было счастьем для меня, что мне удалось захватить дешевую комнату.

Днем совершил прогулку по *Morrison street*. Она стала как будто несколько наряднее и живее, чем была раньше.

По-видимому, все мое лечение на первое время будет состоять в снижении давления крови.

— Мы можем это сделать, — сказал мне сегодня д[октор]р Стикфорд, — но это будет медленно.

Служебный персонал госпиталя мне нравится: все вежливы и предупредительны.

26 декабря. Утро до обеда пробыл в госпитале. Около часу дня меня навестил д[октор]р Криг. Измерили давление крови, оказалось уже меньше — 180. После обеда гулял по ближайшим улицам. Вечером прогостил у меня, с 5 до 7 ч[асов], Я.Ф. Зверев. Он рассказал мне, что в этом госпитале некоторое время

²Haben Zie gut geschlafen? (нем.) – Как вы себя чувствуете?

³Gut (нем.) – хорошо.

⁴Хао бу хао? (кит.) – Хорошо себя чувствуете?

⁵Хао! (кит.) – Хорошо!

тому назад лечился и здесь же скончался Н.П. Пумпянский, социалист-революционер, известный в летописях революционной борьбы в Сибири. В последние годы он был на службе у большевиков и получал 1000 иен жалования в месяц. Умирая, он не скрывал того, что служил большевикам только ради «шкурных интересов», и заявил, что не верит в успех коммунистического эксперимента. По словам Я.Ф. Зверева, Пумпянским были написаны мемуары, которые после его смерти были положены на хранение в сейф одного из местных банков.

Место, освободившееся за смертью Пумпянского, было занято проф[ессором] Устряловым. Кажется, это дипломатическое представительство Кит[айской] Вост[очной] ж[елезной] д[ороги] при Маньчжугу в Чанчуне.

27 декабря.

— Хао бу хао? — говорит мне утром сестра милосердия.

— Хао! — отвечаю я неизменно. Я уже начинаю привыкать к своему госпитальному бытию.

Утром шатался по городу. Зашел к Зверевым, где получил письмо от жены. После обеда у меня взяли кровь для исследования. Это исследование давно меня интересует. Какие-то это даст результаты?

Вечером снова побродил по городу, потом в госпиталь и за книги. С интересом читаю «Современники» Алданова. Порой становится скучно. Долго ли придется пробыть в госпитале?

28 декабря. Не понимаю хорошо плана лечения. Пока снижают давление крови. Может быть, это и весьма важно. Но почему нет дальнейшего исследования состояния моего здоровья? Почему не обращают внимание на состояние моей печени, ног? А, впрочем, может быть, я напрасно нервничаю. Всему придет свой черед.

После обеда я съездил в North China Language School, где имеется отличная библиотека с огромным подбором книг о Китае. В самом колледже книги можно читать беспрепятственно, хоть весь день, а для того, чтобы получать их на дом, надо добыть рекомендацию и внести 5 долларов залога. Я взял для

Ванфуцзин (王府井, в середине 1910-х гг. Ванфуцзе была ранее известна как улица Моррисона (англ. *Morrison Street*) в честь английского журналиста Джорджа Эрнеста Моррисона) — улица города Пекина, расположенная в районе Дунчэн (Восточный город). Одна из самых известных торговых улиц в Пекине. Иногда её называют «первая улица в Китае» (中国第一街). Большая часть улицы пешеходная и закрыта для проезда автомобилей и других транспортных средств. Длина не превышает 1000 метров.

просмотра труд англичанина Baddeley «Russia, China and Mongolia». Это огромный труд, в двух томах. Пожалуй, это единственная в мировой литературе работа по полноте исторических сведений, относящихся к первоначальным отношениям России с Монголией и Китаем. Просмотр книги доставил мне много удовольствия. Кажется, я разыщу в ней немало интересных и новых для меня материалов для моей статьи «Албазин и Албазинцы».

29 декабря. Вчера вечером долго не мог уснуть: одолевали разные пессимистические настроения на тему: старость не радость! Посмотрел утром на себя: много седины, совсем выгляжу старичком. Я чувствую, что преждевременно состарился благодаря моим болезням, которые начали одолевать меня с 1927 года. Надо все же выправляться. Лучше поздно, чем никогда. Давление крови показало сегодня 182. На моем столе появился еще один новый медицинский препарат (зачеркнуто: для впрыскивания, с содержанием 2% йода. — Прим. А.А. Хисамутдинова).

После обеда был снова в библиотеке North China Language School. Сделал ряд выписок и переводов из книги Baddeley.

30 декабря. По-видимому, анализ крови дал какие-то скверные для меня результаты. Д[окто]р Криг сказал сегодня мне, что мое лечение может занять четыре-шесть недель.

— Вопрос идет о лишних 20-30 годах жизни для вас, — добавил он.

Что-то долго нет писем из Тяньцзиня, от жены. Начинаю беспокоиться. Может быть, она не пишет, потому что собирается приехать сюда к Новому Году.

В 5 часов вечера ко мне зашел Зубец и принес мне для просмотра свою рукопись, страниц в 200, на тему «Моя служба в Китайских войсках».

31 декабря. Писем из Тяньцзиня все нет. Не понимаю, в чем дело. Начинаю, по своей нервозности, сильно тревожиться.

Пошел сегодня побриться в парикмахерскую «Аполлон» — она же и парфюмерный магазин, на *Legation Street*. Владелец её оказался моим земляком, иркутянином. Фамилия его Фомин. Он покинул Иркутск еще в 1912 году. Я разгова-

Пумпянский, Николай Петрович (1881 – 12.07.1932, Пекин). Сын политических ссыльных П.С. Поливанова и А. М. Пумпянской. Окончил гимназию, учился в Петербургском университете. Поднадзорный с 1901. Как эсер ездил по партийным делам в Швейцарию и Францию. Был выдан провокатором Татаровым. В 1906 примкнул к эсерам-максималистам, причастен к покушению на Столыпина, приговорен к 12 годам каторги. В 1917 эсер, председатель Забайкальского губернского и Читинского городского комитетов ПСР. Председатель Читинского Совета. Делегат I Всероссийского съезда Советов РСД, Демократического совещания, член Исполкома Всероссийского Совета КД, член Предпарламента. Член бюро фракции Учредительного собрания, участник заседания 5 января. Был в эмиграции. С 1919 уполномоченный Сибирского правительства на КВЖД. Затем состоял на советской службе в Харбине. Глава правления КВЖД в Мукдене. Социалист-революционер, известный в летописях революционной борьбы в Сибири. В последние годы он был на службе у большевиков и получал 1000 иен жалования в месяц. По словам Я.Ф. Зверева, Пумпянским были написаны мемуары.

ривался с ним. Оказывается, Фомин прожил 8 или 9 лет на Яве, где имел чайные плантации, уже несколько лет находится в Китае. Знает языки малайский, голландский, немецкий, английский, китайский.

— Ну, каков климат на Яве? — спросил я его.

— Ох, не говорите, — махнул он рукой. — Круглый год потеешь и день, и ночь. Я измучился. Отнялись ноги. Стал доходить до истерии. Однажды со мной произошла галлюцинация: вижу, валит крупными хлопьями снег, так прохладно, хорошо было, как у нас в Иркутске. Очнулся от галлюцинации — и разревелся, расплакался. Мы с женой после этого решили: будет! Надо менять место. Мы уехали в Харбин, где я прожил более года; ноги мои пришли снова в порядок, и здоровье поправилось.

Предприятие Фомина в Пекине работает, по-видимому, хорошо: за одно только помещение оно выплачивает 275 долларов в месяц.

Днем произошла неприятная встреча с русскими пьяницами-попрошайками. Один из них долго шел рядом со мною, клянчил на выпивку:

— Это наш, русачок, — говорил он мне и про меня. — Этот уж даст на похмелье.

Я дал попрошайке десять центов. Он остался недоволен.

— Чего мало даешь, давай больше!

Но все же отстал от меня.

1933-й год

1 января. Новый год встретил в постели. Как будто нарочно, уснул я вчера очень крепко в 9 часов и проснулся только около пяти утра. День провел по шаблону, уже сложившемуся у меня в моем госпитальном бытии. После обхода меня навещил о[тец] Василий Дэ, протодиакон Духовной русской миссии в Пекине, мой старый знакомый и друг.

Сегодня впервые совершил прогулку по городской стене Пекина, в пределах Посольского квартала.

Писем от жены все нет и нет.

Legation Street (Посольская улица) — улица, пересекающая Посольский квартал.

2 января. Наконец, пришли письма от жены. Дома все в порядке. Получил поздравление с Новым годом от И.Н. Головки-Улазовского. Жена собирается приехать сюда погостить денька на три-четыре к русскому Рождеству.

3 января.

— Хао бу хао?

— Хао, — отвечаю я сестре, и кажется, я, действительно, уже стал чувствовать себя много лучше.

Утром, гуляя, зашел к Зверевым и узнал здесь новость: японцы заняли Шанхайгуань. По этому поводу мы открыли дискуссию, в которой принял участие бывший в это же время в гостях у Зверева тяньцзинец Максимов.

После обеда я побывал в магазине «The China Booksellers», где знакомился с книжными новинками о Китае. Любопытный факт: при мне зашли в магазин молодые китаец и китаянка и спросили, нет ли в продаже Карла Маркса. Поистине, несчастные наивные люди, думающие, что Карл Маркс спасёт их от агрессии японского империализма! Побродил по огромному базару Дунь Ань Ши Чан, где мое внимание привлекла китайская книжная лавка. Присматривался, не найду ли русских книг, и нашел. Это были чудные издания Вольфа⁶, три книги, совершенно новенькие и чистенькие, в изящных переплетах: полное собрание сочинений Загоскина, затем описание Кавказа и описание Крыма; последние две книги с многочисленными иллюстрациями. За все три книги китаец спросил с меня 12 долларов. Это, конечно, дешево.

Вечером меня навестили И.Н. Веревкин, профессор одного из местных китайских университетов⁷, и Зубец. Последнему я изложил свое мнение относительно его рукописи, и затем мы беседовали до 9 часов вечера. Проводив гостей, я еще не ложился с полчаса. Вдруг в комнату мою заглянул неожиданно доктор Криг и сказал мне по-русски: спать, спать! Делать нечего, пришлось подчиниться приказанию.

4 января. Просидел все утро в госпитале. Измерение давления крови показало: 165. Получил счет госпиталя с 24 декабря по 1 января. Мне следует уплатить 81 доллар. Это выходит более чем по 10 долларов в сутки. Из них 6 за комнату и стол, 1 доктору и 3 на лекарство и анализы. Для меня это, конечно, дороговато.

5 января. Первую ночь провел неважно. Что-то не спалось. Может быть, это было к перемене погоды. У одного из врачей госпиталя, доктора Диппера, умерла дочь, девочка лет семи, от скарлатины. Не так давно от этой же болезни скончалась в госпитале другая дочь его, девочка 13 лет. За свою долгую медицинскую практику в Пекине д[окто]р Диппер, один из лучших врачей столицы Китая, вылечил от всяких болезней тысячи посторонних ему лиц, а своих дочерей спасти не мог. Такова судьба. Говорят, жена доктора в ужасном горе и едва ли перенесет обрушившиеся на нее несчастья.

По улице Хатамын 8 на днях произошел пожар большого дома, населенного русскими. В пламени пожара погибла одна русская женщина. Несколько других

⁶М.О. Вольф – русский издатель и книготорговец (Петербург, с 1853). Выпускал научную литературу (главным образом переводную), сочинения русских писателей, журнал «Вокруг света» (с 1861) и др. Товарищество «М.О. Вольф» существовало до 1918.

⁷... одного из местных китайских университетов... – имеется ввиду Бэйнинский университет.

⁸По улице Хатамын... — правильно Хадамэнь

русских получили увечья при прыгании из окон. Пожар начался из обувной мастерской, не так давно открытой какими-то русскими еврейчиками и застрахованной в крупной сумме. Невольно появляются думы о нарочитом и преступном поджоге.

Пекин полон слухами о предполагающемся военном вторжении японцев в Северный Китай.

6 января. Сегодня — наш русский Рождественский сочельник. С утра стояла отличная погода, со свежим бодрящим воздухом и обилием солнечного света. Я совершил хорошую прогулку в пределах Посольского квартала и на вокзале в 12 часов дня встретил жену, с ней же вместе приехал и И.Н. Головкин-Улазовский, никогда ранее не бывавший в Пекине и решивший теперь посвятить русские праздники ознакомлению с прежней столицей Китая.

Встреча наша, конечно, была радостная. Кажется, жена не ожидала, чтобы ее большой муж мог выйти на вокзал для ее встречи.

Приехавшие заехали к Зверевым, где и позавтракали. Я пообедал у себя в госпитале.

Часов около двух мы все трое отправились на прогулку на Morrison Street и порядочное время побродили по базару Дунь Ань Ши Чан, где можно найти и купить все, что нужно и не нужно.

После прогулки весь вечер, до восьми часов, жена пробыла у меня в госпитале, сообщила мне все тяньцзиньские новости, рассказала содержание писем, которые пришли ко мне за мое отсутствие в Тяньцзине. Я поделился своими впечатлениями о моем госпитальном житье-бытье в Пекине. Жена нашла, что я выгляжу теперь немного свежее и бодрее, чем это было ранее, и советовала мне запастись терпением и терпением, чтобы основательно подремонтироваться! Я обещал это сделать.

Рад я был и куче номеров шанхайского «Слова», которые были привезены для меня из Тяньцзиня. То-то будет у меня теперь чтения!

Переписала жена для меня кусочек стихотворного фельетона о нашем общем знакомом по иркутской жизни И.И. Попове⁹, бывшем редакторе известного в истории Сибири «Восточного обозрения»¹⁰. Это фельетон, принадлежащий перу остроумного Лоло (Мунштейна). Я хочу записать его здесь, чтобы сохранить на память сибирякам. Вот этот фельетон:

Иван Иванович Попов,
Один из наших убежденных
Освободителей «рабов»,
Давным-давно освобожденных...
Он произнести желает речь,
Чтобы в сердцах детей зажечь
Мечту о братстве и свободе...
(Еще была свобода в моде!)
Но в детский праздник в Рождество.
Никто не слушает его...

⁹И.И. Попов (Иван Иванович, иркутский редактор) — издатель, общественный деятель, народоволец. Гласный Иркутской городской думы 1898–1905.

¹⁰«Восточное обозрение» — литературная и политическая газета. Выпускалась с апреля 1882 г. по январь 1906 г. в Санкт-Петербурге (с 1888 г. издавалась в Иркутске).

Попов — занятная фигура,
Мишень для шутки, каламбура.
Красноречив, но на беду
Он с алфавитом не в ладу.
Сказать он хочет «В женском деле»,
Из уст выходит «В женском теле»,
Сказать желаем «Новый Год»,
А произносит «Новый Кот».
— Вот вам икрушки и конфетки,
Глядите, хватит тут для всех.
Телитесь же по-братски, тетки, —
И раздается звонкий смех.

По этому стихотворению мы с женой весьма живо представили себе И.И. Попова, который действительно, не мог произнести звонких согласных звуков. В свое время, проживая уже в Москве, он сотрудничал в журнале «Женское дело»¹¹. Я как-то, кажется, уже в 1915 году встретился с ним в Первопрестольной.

— Ну, как живете-можете, Иван Иванович, — спросил я его, — что поделываете?

— Да вот, все вожусь с «Женским телом», — ответил он мне.

Я, конечно, не мог не рассмеяться, услышав такой ответ.

Старые воспоминания! Так порой наши фельетонисты вызывают в памяти картины и образы прошлого. Неужели все мы — только уже в прошлом? Будущее отнято ли у нас? Хочется верить: еще нет!

7 января. Рождество Христово! Жена и ее спутник утром сделали свою первую прогулку для ознакомления с достопримечательностями Пекина. Они побывали и погуляли на городской стене Пекина в районе Посольского квартала и затем совершили прогулку к южным воротам Императорского города. Здесь они побывали в Храме-пантеоне предков маньчжурских императоров.

Обед для жены я заказал в госпитале, и, таким образом, мы пообедали вместе. После обеда жена и И[ван] Н[иколаевич] отправились на автомобиле на экскурсию по Пекину. Вечер жена провела у меня. Вместе поужинали. Так прошел у меня первый день праздника. С визитом за весь день я побывал только у Зверевых.

8 января. Утром жена, в качестве чичероне¹², сопровождала И[вана] Н[иколаевича] в поездках по осмотру Пекина. Я же побродил немного по окрестным улицам. На Morrison Street я встретился с генералом Томашевским, зашел на полчаса в его квартиру, которая оказалась вблизи от места нашей встречи. У генерала нашел некоторые интересные фотографии Колчака, Гайды и ген[ерала] Дитерихса и взял их для пересъемки.

После обеда мы все трое, т.е. я, жена и И[ван] Н[иколаевич] совершили на мотокаре¹³ поездку сначала в Бэй Хай, а затем и в Храм Неба. С вершины холма,

¹¹«Женское дело» — литературный журнал, издаваемый в Санкт-Петербурге с 1898 по 1900 гг., редактором-издательницей являлась А.Н. Пешкова-Толиверова.

¹²Чичероне — проводник, дающий объяснения туристам при осмотре достопримечательностей (устар.)

¹³Мотокар — автомобиль (англ. motorcar).

с террасы знаменитой Ламаитской дагобы в Бэйхае я долго любовался той чудесной панорамой, которая расстилалась прямо подо мною внизу, в южном направлении. Передо мною был, как на ладони, весь прославленный Запретный город Пекина с его чудесными дворцовыми строениями. Здесь, в этом городе, жена вчера осматривала восточную секцию дворцового музея. Среди множества интересных вещей, которые ей пришлось увидеть там, были и игрушки императора Пу И, теперь повелителя Маньчжурского государства. Увидят ли эти игрушки вновь своего хозяина здесь?

В Бэйхае мы сделали ряд фотографических снимков, которые, по моему мнению, должны бы оказаться интересными. Снялись мы с женой, между прочим, здесь у белой сосны.

Храм Неба, как и всегда, произвел на меня сильное впечатление своим торжественным уединением и гордой молчаливостью. Переваживая вечером свои пекинские впечатления, я пришел к заключению, что китайцы более осмысленно умели строить свои дворцы для своих богдыханов, чем европейцы для своих королей и императоров. Прежде чем попасть на прием к богдыхану, нужно было пройти по длинному каменному помосту, через ряд каменных ворот-арок, мимо триумфальных колонн, изваяний львов, попасть затем в первый двор Императорского города, затем во второй, третий и т.д. Я представляю себе, каким трепетом должны были наполниться сердца посетителей, когда они совершали таким образом свой путь к богдыхану. Это было совсем не то, чтобы подъехать прямо ко дворцу и затем сразу попасть на прием к какому-либо европейскому королю или императору. Не было тут должной подготовки соответственного настроения у шедшего на прием.

За сегодняшнюю поездку по Пекину я все же порядочно утомился.

9 января. Ночь провел хорошо. Спал крепко. Немного натрудил только себе ноги после вчерашнего лазания на холм Бэйхая.

Утром мы с женой закупили подарки для наших тяньцзинских друзей. В 4 часа проводил жену и И[вана] Н[иколаевича] на вокзал. Остался снова один, в Пекине. Дни, когда гостила здесь жена, пролетели как-то особенно быстро.

Ворота Тяньаньмэнь (天安门, Ворота Небесного Спокойствия) в Пекине являются символом Китая. Они изображены на китайском гербе. Вход в Запретный город (Гугун, Императорский город) через площадь Тяньаньмэнь (южная сторона).

10 января. В городе чувствуется тревога. В Посольском квартале можно видеть, как китайцы свозят сюда хорошо упакованные ящики с ценностями. Пожалуй, они боятся не столько прихода японцев сюда, сколько могущих прозойти грабежей китайских солдат. Мне передавали, что многие маньчжуры, особенно из числа обедневших теперь, выбираются из Пекина в Маньчжугу при содействии агентов некоей державы.

11 января. Навалилась скука. И нависли мрачные думы. Почти весь день пролежал в госпитале, в ничегонеделании. Даже не читал ничего.

12 января. Днем, после обеда, побывал в Пекинском клубе, где имел беседу с секретарем клуба г[осподином] Спешневым. В клубе имеется довольно большая библиотека, в которой немало книг по востоковедению.

13 января.

— Удивительный город — Пекин! Одна половина населения в нем ездит, другая возит, — сказал как-то мне один русский шутник.

Я невольно вспомнил об этой шутке, когда прочел сегодня в «The Peking Chronicle»¹⁴, что, по данным последней регистрации, в Пекине имеется 48195 рикш. Велосипедов в ходу — 82 614. Итого, значит, в пользовании четверть миллиона резиновых шин.

Вечером меня навестил И.Н. Веревкин, преподаватель двух местных китайских университетов, проживающий в Пекине с 1910 года. Он жалуется на боли в желудке и собирается лечь в госпиталь на исследование.

14 января. Утром у меня снова побывал Веревкин. Долго с ним я беседовал на разные темы. Разговорились с ним и на тему о китайских студентах, с которыми мой собеседник возится уже двадцать два года, и, Боже мой, каких только ругательств не высыпалось по адресу таковых. Китайские студенты — и лентяи, дармоеды, паразиты. Ничем серьезно не занимаются и не увлекаются. Даже модный среди них марксизм и коммунизм — это приблизительно то же, что модный галстук для неуча-петиметра, не более.

¹⁴«Peking Chronicle» — ежедневная газета в Пекине, выпускаемая с 1937 по 1947 гг.

Парк Бэйхай (北海公园) — императорский сад к северо-западу от Запретного города в Пекине. Первоначально заложен в X веке. Числится среди крупнейших китайских садов и содержит множество исторически значимых построек, дворцы и храмы. Во времена правления династий Ляо, Цзинь, Юань, Мин и до падения династии Цин в 1911 году был императорским парком. Это место было связано с Запретным Городом, но с 1925 года сад был открыт публике.

— Кончат университет, поступят на службу и через два — три года начнут воровать казенные деньги, — как-то заметил я своему собеседнику.

— Зачем через два года? Сразу же! — энергично поправил меня он.

Странно было слушать мне эти грозные филиппики¹⁵ против китайского студенчества из уст человека, советофильские настроения которого известны всему русскому Пекину!

15 января. Воскресенье. Утром с Л.Н. Кукурановым, бывшим лицеистом и анненковцем, теперь служащим American Express Company, совершил поездку по городу и побывал в *Национальной библиотеке Пекина*, не так давно здесь возникшей. Библиотека построена в районе Бэйхая, одном из живописных уголков Китая. Подъезд к зданию библиотеки отлично аранжирован. Само здание выдержано в китайском архитектурном стиле. Я подумал: наконец-то китайцы становятся настоящими патриотами своего отечества, коли начали украшать свою древнюю столицу такими чудесными зданиями, и в этом роде высказал свое замечание моему спутнику. Последний, однако, разочаровал меня, заявив:

— Все это построено по американской инициативе и на американские деньги. Затрачены большие средства. Со стороны китайцев были лишь хищения при постройке.

Это замечание вернуло меня к китайской прозе жизни.

Внутри здания также оказалось хорошо: просторно, чисто, светло. Отличные читальные комнаты, в коих мы нашли множество журналов и разного рода справочных изданий. Ради любопытства мы с Кукурановым просмотрели русский карточный каталог. Книг русских оказалось немного: может быть, всего две — три сотни. Были сочинения Потанина, Пржевальского, Позднеева и других русских путешественников по Азии. Среди русских книг по каталогу я нашел и свое «Сибиреведение».

К обеду я вернулся в госпиталь, довольный своей прогулкой, в хорошем расположении духа.

После обеда ко мне заглянул И.Н. Веревкин вместе с дежурной сестрой милосердия. Пришедшие сделали мне следующее предложение: в госпиталь привезли одного немца, некоего г[осподина] Люц, по профессии летчика, серьезно больного. Положить его некуда, так как все комнаты заняты. Поэтому не соглашусь ли я переехать в комнату к Веревкину, более просторную, чем моя, и поселиться вместе с ним. Это даст возможность принять нового больного. Я согласился, сразу же затем перебрался в комнату №19. По моим соображениям, мое новое положение должно было удешевить мое пребывание в госпитале.

Днем сегодня я еще успел побывать с визитом у В.И. Розанова, моего старого знакомого по моей жизни в Пекине еще в 1920/21 году. Розанов — это бывший студент Петроградского политехнического института, потом генерал гражданской войны в Сибири в 1918/19 году, гроза Минусинского края. Теперь же это мирный пекинец, бухгалтер книжной фирмы The China Booksellers. Он получает хорошее жалование, имеет деньги в запасе, милосердную жену и уютную квартирку в девять комнат.

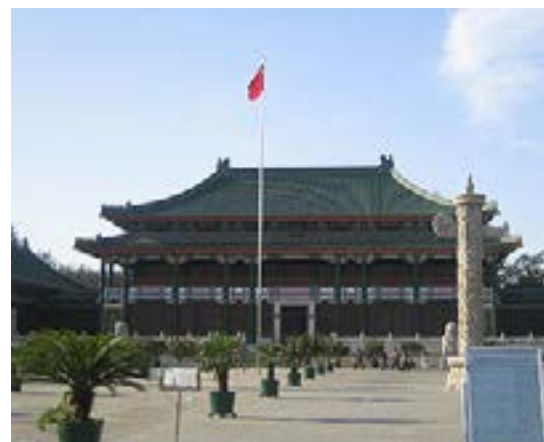
16 января. Вчера вечером долго беседовал с Веревкиным на китайские темы. Я больше слушал, чем говорил. От него я получил полные сведения о русских профессорах и преподавателях в пекинских университетах и колледжах. Сведения эти можно суммировать так. В Бэйпинском университете преподавателями состоят пятеро русских: И.Н. Веревкин, И.С. Бруннерт, П.П. Ребрин, К.И. Василевский и А.С. Остроумов; в Бэйцзинском университете — С.А. Полевой; в Цин Хуа университете — Ф.А.Ченцев (не так давно приехал в Пекин из Парижа) и Широкогоров; в North China Language School — Я.Я. Бранд; в Peking Union Medical College (Институт Рокфеллера) в рядах профессоров состоят Т.И. Курочкин, П.С. Судаков и А.Ф.Баранов. Для Гарвардского университета в Америке ведут здесь научную работу по вопросам санскритологии и буддизма барон Сталь-Гольштейн и его помощник Б.И. Панкратов. По словам Веревкина, Панкратов — весьма выдающийся монголовед, ориенталист вообще с громадной эрудицией, несомненное будущее научное светило.

Интересна судьба Баранова, профессора одонтологии Рокфеллеровского института. В не так давно прошлом он был едва ли не фельдшером одной из белых армий, отступивших в пределы Китайского Туркестана. Теперь это профессор лучшего медицинского учреждения во всем Китае, получает жалование, наверное, не менее чем раньше получал у нас (зачеркнуто: председатель совета министров. — Прим. А.А. Хисамутдинова) начальник губернии. Поневоле подумаешь: судьба играет человеком!

17 января. Мой соквартирант по госпиталю расстроен: рентген показал, что у него язва в желудке.

18 января. Побывал в библиотеке North China Language School, закончил выборку материалов об Албазине и албазинцах.

В городе чувствуется некоторое предпраздничное оживление: через неделю Китайский Новый год. Сегодня китайцы отправляют на небо своих кухонных богов, покровителей очага.

Национальная библиотека Китая (中国国家图书馆, National Library of China, NLC) — крупнейшая библиотека КНР.

Национальной библиотеке Пекина основана в 1909 как «Библиотека Столичных учительских палат». После Синьхайской революции (1911) «Столичные учительские палаты» переименованы в Пекинский университет, а библиотека в августе 1912 передана Министерству образования и открыта для посетителей. В 1916 г. на нее были возложены функции главной библиотеки страны. С 1928, после переезда на новое место — Пекинская Национальная библиотека.

¹⁵Филиппика — гневная обличительная речь, выступления против кого-чего-нибудь.

19 января. Утро просидел все дома. На улице — бело. За ночь выпал хороший снежок, еще первый в эту зиму в Пекине. Госпитальный бой¹⁶ пояснил нам, что этот снег устроил кухонный бог:

— Вчера люди отправляли его на небо и жаловались: стоит плохая погода, нет снега, много болезней. Небо смилостивилось и послало снег.

Бой, однако, прояснил нам, что он сам не особенно верит во все это, но люди думают так.

20 января. Сегодня я именинник. Получил много поздравительных писем. Вспомнил невольно, как ровно тринадцать лет тому назад в этот же день я оставил Иркутск, устроив себе печальный именинный подарок: изгнание из родной страны. Взгрустнул и поскучал.

Гуляя после обеда в Посольском квартале, зашел для консультации к зубному врачу Прэнтису. Он внимательно осмотрел мои зубы и рентген с них и дал точное и категорическое заключение: надо удалить одиннадцать зубов, все верхние и один нижний. Это заключение совпадает и с моим мнением. Это тоже именинный подарок, не из приятных. Кажется, я расплзаюсь по всем швам.

21 января. Заболел палец на левой ноге, причиной чего было неосторожное вырезание ногтя. Еще одна напасть.

22 января. От йодного лечения распух нос. Еще не легче.

23 января. Сижу второй день без прогулки. Кроме основных болезней лечу еще теперь еще и нос, и палец.

24 января. Мое лечение должно закончиться к 26-му января, как сказал мне проф[ессор] Криг. Боюсь, что больной палец задержит мой выход из госпиталя.

25 января. Давление крови показало опять 190, т.е. немного менее, чем было при поступлении в госпиталь. Криг сказал мне, что главное не в давлении крови, сколько в сильном расширении сердца. По-видимому, я лечусь еще и от склероза. Еще новые открытия.

26 января. Сегодня — Китайский Новый год. На улицах тихо, не слышно хлопушек, не чувствуется поэтому и праздник. Пятый день сижу безвыходно в комнате.

27 января. Еще на день оставили в госпитале.

28 января. Еще держат. Давление крови — 170. Надоело. Начинаю сильно нервничать.

29 января. Воскресенье. Криг осмотрел палец. Заявил, что завтра я смогу выписаться из госпиталя и поехать в Тяньцзинь.

¹⁶Бой — мальчик, молодой человек (англ. boy).

30 января. Ночь почти не спал. Начал собираться с утра в дорогу. На прощальной беседе с Кригом в три часа дня он сообщил мне, что у меня оказалась еще одна болезнь, и он назвал ее. Услышав страшное слово, я побледнел. Со мною едва не случился нервный удар. Не может быть, это ошибка!! Мне захотелось стремглав выбежать из госпиталя.

В 4 часа 25 мин[ут] я выехал из Пекина и в 8 часов вечера был у себя дома в Тяньцзине.

Январь 1935 г.

Записи Ивана Иннокентьевича Серебринникова

3 января 1935. Надумал завтра съездить на неделю в Пекин. Пекинские впечатления буду заносить в записную книжку, оттуда потом придется переложить их в этот дневник. Так я это делал и ранее в подобных случаях. В Пекине я думаю немного отдохнуть, развлечься, и по пути сделать кое-какие дела.

4 января. Выехал в Пекин с утренним поездом в 9 часов. Доехал до древней китайской столицы вполне благополучно. В Пекине остановился у Я.Ф. Зверева. Приняли меня хорошо, хотя я и был бесплатным гостем. Никаких видимых знаков неудовольствия я не заметил. За обедом я рассказывал хозяевам тяньцзинские новости, а они мне — пекинские. Долго беседовали и после обеда. После обеда я гулял по Посольскому кварталу, где не заметил никаких изменений, зашел к зубному врачу М.Г. Краце, старый знакомый мой еще по Тяньцзиню. Поболтали. Наступил вечер. Стало темно уже, когда я пришел в «Grand Hotel des Wagons Lits», где остановились Рерихи. Самого *Н.К. Рериха* я не застал в отеле, но меня принял его сын, Юрий Николаевич. Угостил чаем. Долго беседовали на разные темы, но отца его я так-таки и не мог дожждаться.

Вечер провел дома, т[о] е[сть] у Зверевых.

Рерих, Николай Константинович (27 сент. 1874, СПб – 13 дек. 1974. Нагара, долина Кулу, штат Пенджаб). Приезжал в Харбин к брату агроному В.К.Рериху (30 мая 1934) с сыном Юрием и прожил около полугода, совершив несколько поездок по Маньчжурии. В экспедиции по степи Барги совершили харбинцы Т.П.Гордеев, В.И.Грибановский и А.А.Костин. Выступил с публичными лекциями в ХСМЛ и в кружке «Чураевка». На внеочередном заседании Клуба естествознания и географии прочитал доклад «Гималайский институт» (10 июня 1934), член-корреспондент клуба. Провел Баргинскую экспедицию с Т.П.Гордеевым и др. (с 1 авг., около месяца). Опубликовал несколько статей в газете «Заря».

5 января. В условленное время, в 11 часов утра, я был снова в отеле Вагон-Ли, и на этот раз был принят уже Н.К. Рерихом. Он сообщил мне, что мою докладную записку о производстве некоторых этнографических работ в Китае отправил в музей его имени в Нью-Йорк¹, с тем, чтобы она потом была представлена в Смитсоновский [Смитсоновский] институт².

Много говорили по поводу травли художника в японских газетах, издаваемых на русском языке в Харбине и Тяньцзине, т[о] е[сть] в «Харбинском времени» и «Возрождении Азии». Н[иколай] К[онстантинович] рассказывал мне о том, как его посетил секретарь Японского посольства в Пекине. Этот японский дипломатический чиновник, принес с собой кучу вырезок, из японских газет, делал переводы из них, в доказательство якобы дружелюбного отношения японцев к Рериху, и указал, что его травят русские газеты. Рериху, кажется, пришлось предъявить японцу номер «Харбинского времени», где черным по белому было напечатано «японская газета на русском языке». Японец смутился и обещал произвести дальнейшее дознание.

— По поводу травли меня в японских газетах, — сказал Н[иколай] К[онстантинович], — заявлены протесты в Париже и в Вашингтоне; кроме сего, я распорядился, чтобы все мои 86 учреждений, разбросанных по всему свету, так же посылали протесты в Токио, и не сразу, а в некоторой последовательности одно за другим.

Жаловался Н[иколай] К[онстантинович] мне и на то, что получает разные анонимные письма, то с угрозами, то с разными выдумками.

А о своих лично делах я мог мало говорить с Рерихом, так как, кроме меня, у него все время присутствовал еще один молодой человек, некто Яковловский, и я не хотел поднимать при нем разговора о своих научных

¹ Музей Рериха в Нью-Йорке (Nicholas Roerich Museum) — старейший в мире центр, представляющий живопись Николая Константиновича Рериха и распространяющим репродукции его картин и многочисленные книги о нем, о его жизни и творчестве.

² Смитсоновский институт — одно из старейших государственных научно-исследовательских и культурных учреждений США, основан в 1846 в Вашингтоне на средства английского ученого Дж. Смитсона (J. Smithson). В составе Смитсоновского института: астрофизическая обсерватория, Национальный зоологический парк, Национальная галерея и др.

На фото старый русский храм миссии, в котором покоятся останки великих князей. На дорожке — митрополит Иннокентий.

Русская духовная миссия в Пекине — церковно-политическое представительство Российской церкви и государства, действовавшее в Пекине в XVII–XX веках.

Деятельность Миссии была организована в соответствии с внутри- и внешнеполитическими интересами и задачами России. Она играла важную роль в установлении и поддержании российско-китайских отношений, была центром научного изучения Китая и подготовки первых русских синологов. Из-за отсутствия дипломатических отношений между обоими государствами служители миссии в течение длительного времени являлись неофициальными представителями российского правительства в Китае.

предположениях.

После обеда, часа в 4, я побывал с визитом у генерала Д.Л. Хорвата, у которого пил чай. Генерал выглядел бодро и крепко. Разговаривали, между прочим, и о Рерихе, это теперь модная тема в Пекине. Он спросил меня, каковы мои впечатления о Рерихе. Я ответил, что до сих пор я не могу еще составить определенное впечатление об этом знаменитом нашем соотечественнике.

— Представьте себе, что я также не смог сделать этого, — сказал мне генерал, — разговариваешь с ним и чувствуешь, словно стена какая-то между нами висит.

Визитами к Рериху и Хорвату я и закончил свой деловой день. Во встречах и беседах с пекинцами я увидел и узнал, что Рерихом интересуются и в дипломатических кругах, получают телеграммы, собираются справки. По-видимому, особенно интересуются им в дипломатических миссиях: японской, американской, британской и французской. В чем дело, — никто не знает. Публика заинтригована.

6 января. Воскресенье. Канун Рождества Христова. В 10 часов утра поехал в *Русскую духовную миссию*, Бэй-Гуань, как называют ее китайцы. С этой миссией у меня связано множество воспоминаний, оставшихся после первых лет моей жизни в Пекине, в 1920–22 годах. Я почти тринадцать лет не был здесь, и поэтому я с некоторым волнением подъезжал на рикше к ее миссийским владениям.

Вот они старо-знакомые стены, здания, деревья, как будто все также как было ранее. Я прошел прямо в домовую церковь, где шла обедня. Обедню служил владыка, епископ Виктор, в сослужении многочисленного духовенства. Пел китайский хор. Рядами стояли китайские мальчики, однообразно и чистенько все одетые, видимо, ученики школы. Среди публики молящейся — русские и китайцы.

Я простоял всю обедню. После обедни прошел во двор миссии. Здесь меня обступили некоторые китайцы, узнавшие меня по моей старой жизни в

Фото сделано в честь 250-летия Русской духовной миссии, 1935 г.

миссии. С ними прошел в типографию, которою когда-то заведовал. Тут, на дверях конторы, все еще висит писанное моею рукою и мною подписанное объявление о том, что вход в контору, в часы занятий, посторонним лицам воспрещается.

Владыка Виктор пригласил меня к нему в покои на чашку чая. За чашкою чая были в гостях у епископа, кроме меня, еще некто Василевский, в прошлом морской офицер, а теперь, кажется, профессор одного из китайских университетов Пекина, и *иеромонах Нафанаил (в миру Поршнеv)*.

Беседа шла о разных миссийских делах и планах епископа.

Василевский предложил мне вернуться домой на его автомобиле. Я с охотою согласился. Предварительно мы, однако, съездили на Русское кладбище³, находящиеся за городскою стеною у Ань-дин-мынских ворот, где мой спутник собирался возложить венки на одну могилу. Я никогда ранее не бывал на кладбище, и теперь воспользовался случаем, чтобы, хотя бегло осмотреть его. Это и удалось мне сделать. Видел ту часовню — церковь, где находится склеп с гробами великих князей, умученных большевиками в Алапаевске. Князь Палей, сын Великого Князя Михаила Александровича, по просьбе матери, придан земле. Над его могилою — скромная каменная плита, с надписями на ней по-русски и по-французски⁴.

В 2 часа дня я вернулся домой. Вечером по приглашению В.А. Зубца, я побывал в отеле Вагон-Ли, где мы слушали концерт, и пили чай.

О Зубце публика в Пекине отзывается неважно. М[ожет] б[ыть], виною этого — некоторая легкомысленность моего знакомого.

Вечер — дома. Хозяева зажгли елку, прибыло еще трое гостей. Хозяйка угостила нас всех превосходным ужином, а затем и кроушоном.

³Русское кладбище, находящиеся за городскою стеною у Ань-дин-мынских ворот, где мой спутник собирался возложить венки на одну могилу. Я никогда ранее не бывал на кладбище, и теперь воспользовался случаем, чтобы, хотя бегло осмотреть его. Это и удалось мне сделать. Видел ту часовню — церковь, где находится склеп с гробами великих князей, умученных большевиками в Алапаевске. Кладбище не сохранилось. (Примечание И.И. Серебряникова)

⁴Надгробия не сохранились, местонахождение утеряны. (Примечание А.А. Хисамутдинова)

Розанов, Василий Иванович. Учился в СПб политехническом институте. Участник 1-й мировой войны и гражданской войны, генерал-майор. Представитель правительства А.В. Колчака в Приморье (сентябрь 1919 — январь 1920). Выступил против генерала Гайды (1919). В эмиграции жил в Пекине, бухгалтер книжной фирмы The Booksellers. 5-й председатель пекинского отдела Анतिकоминтерна (с дек. 1941).

Иеромонах Нафанаил (в миру Поршнеv) (1899?, СПб. — дек. 1942, Пекин). Офицером-артиллеристом участвовал в гражданской войне. Архимандрит, наместник (заместитель начальника) Пекинской духовной миссии.

7 января. Рождество Христово. Как-то странно у нас, русских, живущих в Китае, раздвигаются русские Рождественские праздники. Если в семье все служат в иностранных фирмах и конторах, и дети учатся в иностранных колледжах, то все получают двухдневный, а иногда и трехдневный, праздничный отпуск в иностранное Рождество, и, наоборот, должны идти на службу или на учебу в русское Рождество. Получается не то не се, или хочешь, не хочешь, празднуй иностранное Рождество.

Невольно эти мысли пришли мне в голову, когда я захотел сегодня сделать праздничный визит моему старому знакомому, *В.И. Розанову*, бывшему генералу белых войск в Сибири.

Мне Зверевы сказали:

— Не забудьте, что он сегодня на службе.

Розанов служит бухгалтером во французском книжном магазине, находящемся в «Grand Hotel de Pekin». Хозяин этого магазина — молодой энергичный француз, Mr. Henry Vetch, женатый на русской. Несколько лет тому назад на этом же месте держал книжный магазин русский еврей, Режин, вел дело крайне неудачно, просядил несколько десятков тысяч долларов, и продал его Вечу. Веч повел дело настолько успешно, что сейчас имеет уже весьма солидный капитал. Вот что значит, уметь вести дело.

Я поехал в отель, чтобы там повидаться с Розановым, а по пути позондировать почву относительно издания моей работы «A Great Retreat».

Розанова я, действительно, застал на службе. После обычных приветствий и расспросов, я приступил к делу и стал спрашивать Розанова относительно возможности издания моей работы. Собеседник ответил мне приблизительно следующее:

— Mr. Vetch совершенно не интересуется историей белого движения в России. Вот если бы Вы написали, что-нибудь о Китае, взяли бы и разработали какую-либо специальную китайскую тему, то можно было бы вступить с ним в беседу.

Признаться сказать, такая информация меня огорчила, тем более, что и Я.Ф. Зверев, прекрасно осведомленный в пекинских делах, говорил мне приблизительно тоже самое, что и Розанов.

Во время нашего разговора с Розановым, появился сам Веч. Мы поздоровались. Я был знаком с ним еще с 1921 года. Веч спросил меня: Что я поделываю? Пишу ли что-нибудь? Я сообщил ему, что написал одну работу, которую назвал «Великий отход» и вручил ему содержание этой работы, написанное мною по главам на английском языке.

Веч заинтересовался, прочел внимательно мою бумагу и затем спросил меня:

— Желаете ли Вы, чтобы я издал Вашу работу?

— О да, конечно, — ответил я.

Далее последовали вопросы чисто практического свойства, и я обещал послать Вечу перевод первой главы моей работы и сообщить мои условия. Так, дело как будто благоприятно повернулось для меня.

Я внимательно осмотрел магазин Веча, и, признаться сказать, такого множества книг по Китаю и другим дальневосточным странам я нигде ранее не встречал.

Не так давно магазин Веча выписал и получил разных книг — антиков по дальневосточным странам почти на 12.000 долларов. Покупка была совершена через посредство советской организации «Международная книга»⁵. Я видел часть этих антикварных редкостей: здесь были книги на английском и французском языках XVII–XVIII веков. Как-то больно стало мне, когда я смотрел на это разбазаривание русских книжных сокровищ.

Розанов пригласил меня побывать у него сегодня же на квартире. Условились, что я буду у него в два часа дня. Я сделал этот визит. Потом побывал у Красулина, тоже моего старого пекинского знакомого.

Вечер провел дома. У Зверева собралось большое «парти»⁶: стояли столы для бриджа и маджана. Было человек 30 гостей. Вновь был приготовлен хороший ужин. Среди приглашенных были: генерал Хорват с супругою, профессор Брандт, генерал Томашевский, и пр[очее] и пр[очее].

Лет 14 тому назад и Зверев, и Розанов, и Красулин приехали в Пекин голодранцами, — теперь они имеют деньги и живут отлично. Устроились хорошо в Пекине и многие другие русские. По сравнению с Тяньцзинем, стараются многие жить на иностранный лад и вообще «фасонят». Конечно, есть и беднота.

8 января. Днем с Ю.Н. Рерихом прогулялись по базару Дун-Ань-шичан по Morrison Street. Купили некоторые книги. Я купил за 50 центов книгу Всеволода Иванова «Мы», и за 2 доллара русско-китайский словарь Попова (у Веча этот словарь продается за 20 долларов).

9 января. Утром ходил по врачам для консультации по моим зубным болезням: побывал у врачей: Пректиса и m[ada]me Краце, а также в учреждении Рокфеллера. На завтра решил отправиться в Тяньцзинь, к пенатам.

10 января. Утром поехал к Рерихам проститься, но Н[иколай] К[онстантинович] повидать не смог, был занят какою-то посетительницею. Был принят Юрием Николаевичем. Условились совместно, обоюдными усилиями, написать одну работу, в которой наметили дать живые характеристики выдающихся монгольских деятелей, выдвинувшихся за последние 20-30 лет.

В 4 часа 30 минут я выехал в Тяньцзинь. В 8 часов вечера был уже дома, и вел разговоры с женою о моих пекинских впечатлениях. На часик забежал ко мне И.Я. Антуфьев.

11 января. Дома, в Тяньцзине, особых новостей не нашел. Сенсация дня — это новый какой-то выверт о[тца] Сергия Чана, который заявил, что Нанкинское правительство поручило ему принять в свое ведение Русскую духовную миссию в Пекине. Он, называет ее уже Китайскою духовною миссией. Есть ли это очередной блеф «неистового» Чана, или же тут кроется что-либо более серьезное, покажет недалекое будущее.

⁵«Международная книга» — организация, основанная в 1923 г. Являлась единственным экспортером советских и импортером зарубежных изданий. Осуществляла продажу и конфискованной литературы из бывших помещечьих библиотек.

⁶...большое «парти»... — вечеринка (англ. party).

Май 1935 г.

Записи Ивана Иннокентьевича Серебринникова

7 мая 1936 года. Выехал я в Пекин с утренним поездом в 6 часов 45 минут утра вместе с С.А. Плахотиным. Оба мы отправились в бывшую столицу Китая с намерением полечиться там в известном Рокфеллеровском госпитале и избавиться от насевших на нас недугов.

Ехали мы в III-м классе. Признаться, за все 15 лет моей жизни в Китае, я первый раз, на этом небольшом перегоне от Тяньцзиня до Пекина ехал в 3 классе. В вагоне, где мы сели по случаю раннего утреннего времени, было сорно, не подметено и душно: пассажиров было полно, среди них много японцев молодых и старых мужчин и женщин. Доехали до Пекина без особых приключений. При въезде в город мы с Плахотиным разъехались: я отправился на квартиру своего старого приятеля Я.Ф. Зверева, родом пермяка; Плахотин же в район улицы Хатамын, чтобы подыскать себе комнату в одном из русских бардинхаузов¹, которых в этом районе довольно много. В 11 часов утра мы условились встретиться в госпитале.

У Зверева меня приняли радушно, и отвели для моего жилья отдельную комнатку.

В 11 часов утра мы с Плахотиным были уже в госпитале. Госпиталь был переполнен народом и напоминал суетливый муравейник. Я бывал в нем и ранее, но никогда не видал в нем такого множества публики как встретил теперь. Чем можно объяснить такое явление? Тем ли, что високосный 1936-ой год принес народу много болезней, или тем, что слишком возросло доверие китайского народа к европейской медицине?

Последнее предположение как будто не вызывает сомнений в его правильности. Да, азиаты почувствовали доверие к европейской медицине; в то время, как мы, европейцы, теряем веру в свою медицину и не прочь положиться на азиатские врачевания — назовем ли последнее мы тибетским, китайским, или еще как-нибудь...

Вот и я лично, разочаровавшись в наших русских докторов, практикующих в Тяньцзине, готов идти за помощью к монгольскому ламе, лечащему теперь в

¹Бардинхауз — пансион, гостиница (англ. boarding house).

Пекине генерала *В.Д. Карамышева*, пораженного тяжкою болезнью — раком горла, или к розенкрейцерам, применяющим какие-то свои методы лечения, м[ожет] б[ыть], пронесенные ими через тьмы веков из того же премудрого Востока, или еще куда-нибудь, где эту целительную помощь можно будет найти...

Попасть на прием к докторам по III-му классу оказалось нелегким делом. Выяснилось, что по зубным болезням я могу быть принят завтра же, в час дня, а по внутренним лишь 25-го мая, в 9 часов утра. Такой оттяжки, такого позднего приема мы никогда и не мыслили себе. Конечно, м[ожет] б[ыть], можно было бы протестовать, пошуметь, найти протекцию и т[ак] д[алее], но мы как-то смиренно согласились со всем тем, что нам сказали в госпитале. С.А. Плахотин решил сегодня же или завтра вернуться в Тяньцзинь и затем приехать снова в Пекин, в начале июня. Я же надумал остаться в Пекине, надеясь перемену места и обстановки поправить свои нервы, тем более, что гостеприимные Зверевы предложили мне пожить у них, не стесняясь днями.

Выйдя из госпиталя, мы с С.А. отправились в один русский пансион, чтоб навестить здесь больного генерала *В.Д. Карамышева*, моего старого знакомого. Этот пансион оказался не так далеко, вернее, совсем близко от госпиталя, на улице Сан Тьяо Хутунг. На этой улице расположился ряд русских бордингхаузов, живущих, видимо, на счет тех русских жильцов, которые приезжают в Пекин полечиться в Рокфеллеровском институте. В бордингхаузе г[оспо]жи Торчинской генерал снимал большую комнату, сразу налево от входа в квартиру.

Признаюсь, я с некоторым волнением стучал в двери комнаты, где жил генерал: я знал, что генерал был сражен смертельною болезнью, и что его положение было признано безнадежным и в Рокфеллеровском госпитале. ...Но вот явился монгольский лама, который сделал вызов европейской медицине — и взялся лечить больного раком, притом опасно больного, ибо опухоль расположилась на шее, угрожая сонной артерии. В Тяньцзине уже распространились слухи, что ламское лечение дало хорошие результаты, что больному стало значительно легче и он начал выходить на улицу и т[ак] д[алее].

Карамышев, Владимир Дмитриевич (1881 – 24 мая 1936, Пекин). Жена Ольга Алексеевна. Генерал-майор. Участник русско-японской войны, награжден орденом Святого Георгия. Жил в Пекине и в Тяньцзине, участвовал в общественной жизни, начальник штаба фашистской организации в Тяньцзине. Служащий в товариществе «Восточное обозрение (1921), затем сторож.

Владыка Виктор (в миру Святин, Леонид Викторович) (2 авг. 1893, Верхнеуральск Оренбургской губ. – авг. 1961). Окончил Оренбургскую духовную семинарию с отличием, учился в Казанской духовной академии. В 1916 г. призван в армию. После окончания Тифлисского военного училища отправлен на Кавказский фронт, где стал командиром роты. Участник гражданской войны (армия генералов Белова, Бакича и атамана Дутова). Монах (20 июня 1921). Учился в Восточном институте во Владивостоке (1921-22). Настоятель церкви в Тяньцзине (1922-32). Архимандрит (1929); Епископ Шанхайский (с 21 окт. 1932). Начальник 20-й Российской православной миссии в Китае (постановление Архиерейского собора от 14 июля 1932). Провел торжественное празднование 250-летия Российской духовной миссии в Китае (1935), издал сборник. Архиепископ (с 1936). Арестован китайскими властями (19 окт. 1946). Упразднил миссию, передав имущество посольству СССР в Пекине (1956). Управляющий Краснодарской и Кубанской епархией. Митрополит (с 1961).

На наш стук в дверь, к нам выглянула жена генерала, Ольга Алексеевна, и сказала, чтобы мы подождали немного, так как у больного сейчас находится лама, который делает перевязку. Значит, мы пришли удачно, т[ак] к[ак] сможем повидать и ламу; о котором идут такие большие разговоры теперь и в Тяньцзине и в Пекине.

Ждать нам пришлось около получаса. При входе в комнату я, прежде всего взглянул на генерала. Он заметно похудел; будучи ранее весьма полным, он не выглядел теперь все же уж очень осунувшимся. Мне показалось, что и цвет его лица не говорил об очень худом. На шее у генерала была повязка; голос его звучал хрипло.

Мы обменялись приветствиями и приличными случаю фразами. Генерал познакомил меня с ламой. Это был монгол средних лет с приятным выражением лица, умными, бойкими глазами; одет он был чисто, нося китайский костюм. К сожалению, лама мог объясняться только по-монгольски и по-китайски; я же не знаю ни того, ни другого языка.

Я узнал, что он является главным ламой известного в Пекине ламайского храма — Юнхочун'а. Я решил воспользоваться случаем и попросил ламу освидетельствовать мое здоровье. Он стал внимательно выслушивать мой пульс сначала на левой, потом на правой руке. Выслушивал долго, иногда поворачивая ухо к моей руке, словно прислушиваясь. Кончив выслушивание, лама показал мне рукою на мой живот и сказал, что у меня тут что-то неладное, и что завтра он принесет мне лекарство.

Из беседы с супругами Карамышевыми я имел возможность убедиться в том, что они верят сильно в ламу, как целителя, убеждены, что дело идет к поправке, и через месяц времени генерал, здоровый вернется в Тяньцзинь.

К часу дня я вернулся к себе домой в квартиру Зверевых. Пообедал, лег отдохнуть.

В четыре часа дня ко мне зашел Плахотин, и мы трое — я, Плахотин и Зверев — решили нанять автомобиль и съездить навестить *владыку Виктора* в Русскую духовную миссию. Владыка принял нас радушно, угостил чаем, показал нам интересный фотографический альбом, подарок шанхайской паствы, разрешил осмотреть его покои и домовую церковь. Повидали мы и соборную церковь, где я с особенным вниманием осмотрел старинную икону св. Николая, принесенную албазанцами в 1685 году в Пекин из Албазенского острога на реке Амур.

Навестили мы старика-монаха Авраамия (бывшего земского начальника Спуфа); побывали на пасеке г[осподина] Грудинского; побывали в типографии миссии, где не заметили никакой работы, и затем вернулись домой, пробыв в поездке более двух часов.

На прощанье, владыка подарил мне два экземпляра юбилейного номера «Китайского благовестника», украшенного многочисленными иллюстрациями.

Вечерний чай пили у Зверева. За чаем завязалась интересная беседа. В беседе я узнал от Я[кова] Ф[иллиповича] кое-что новое о художнике Н.К. Рерихе, не так давно побывавшем в Китае, в частности в Тяньцзине и Пекине. И то, что я услышал и узнал, говорило не в пользу художника. Он будто бы не соизволил лично проститься со своими русскими сотрудниками по последней его экспедиции в Монголии, — просто послал им через третье лицо билеты до Харбина и только, прибавив, что они ему более не нужны. Это одно «будто бы».

Другое, будто бы знаменитый музей имени Рериха в Нью-Йорке, представляющий из себя колоссальное здание в 24 этажа, является просто коммерческим предприятием, старающимся под знаком музейности, избежать подоходного налога (ибо музеи налогом не облагаются).

Третье: являясь очень богатым человеком, Н.К. Рерих будто бы нисколько не помогает своему родному брату [В.К. Рериху], по профессии агроному, живущему в данное время в Харбине и очень нуждающемуся.

Довольно этих «будто бы». Образ Н[иколая] К[онстантиновича] в моих глазах значительно потускнел от всех этих рассказов. Конечно, все должно подлежать проверке. Самое интересное: Рерих заказал В.И. Иванову рекламную брошюру о себе. Этот заказ был осуществлен через «журналиста» Фридендера за тысячу долларов, причем последний передал Иванову за работу будто бы только 500 долларов, а 500 удержал сам, как свою законную комиссию. Брошюра была переведена на английский язык в Пекине и должна появиться в печати, кажется, в Америке.

8 мая. Ночь спал неважно. Было много впечатлений за день, и они, видимо, рассеяли мой сон.

Часам к 12-ти дня я заехал к моему старому пекинскому знакомому, некому Красулину, и попросил его, в качестве переводчика, побывать со мною в квартире ген[ерала] Карамышева и переговорить там с монгольским ламою о моей болезни. Красулин любезно согласился исполнить мою просьбу.

Ровно в 12 часов мы были уже в квартире Карамышева. Я, через Красулина, рассказал лама о своих болезнях; лама же сообщил мне, что у меня не в порядке почки и отпустил мне для лечения 14 порошков, рассказав, как надо их употреблять. Порошки имели серо-зеленоватый цвет, к семи из них был надбавлен еще порошок красноватого цвета.

Я не знал, что мне следовало заплатить лама за его порошки и освидетельствования моего здоровья. Генерал, заметив мою нерешительность, подсказал мне:

Рерих, Владимир Константинович (19 апр. 1882, СПб – 1951, Харбин). Брат Н.К.Рериха. Окончил гимназию К.И.Мая в СПб и естественно-научное отделение (агроном) Санкт-Петербургского университета. Служил в Главной конторе сельскохозяйственного склада в Переселенческом управлении в Омске (1918). Особоуполномоченный министерства снабжения и продовольствия при Оренбургской армии (1919). Интендант при Конно-Азиатской дивизии (1920). Приехал из Монголии в Маньчжурию (1921). Агроном в Харбине.

Фридендер, Арнольд Павлович (11 апр. 1890, Дерожня Подольской губ. – 18 авг. 1960, Манхаттан-Бич, Калифорния). Окончил китайско-монгольское отделение Восточного института во Владивостоке (1918). В эмиграции жил в Пекине, где занимался предпринимательской и общественной деятельностью. Арестован китайскими властями, осужден на 6 лет тюрьмы. Освободившись, выехал в США (1958). Публиковал статьи в газете «Русская жизнь» о коммунистической власти в Китае, готовил книгу.

— Десятка есть?

— Не могу платить так много! — ответил я.

— Заплатите пятерку, — шепнула мне Ольга Алексеевна, жена генерала.

— И этого не могу, — сказал я, — и, вытащив из кошелька четыре доллара, я заплатил их лама.

Я понял, что Карамышевы искали случая угодить лама, ибо в руках последнего находились жизнь и смерть генерала...

Подошел и Плахотин. Лама послушал его пульс и сказал, что он здоров и нет ему надобности лечиться от чего-нибудь. Плахотин, кажется, остался доволен таким диагнозом ламы.

В час дня я был в Рокфеллеровском госпитале, и в 3 часа дня был принят доктором Барановым, который осмотрев мои зубы, сказал мне, что нет надобности в дальнейшей экстракции зубов.

Остаток дня пробыл дома. Было очень жарко и душно. Я чувствовал себя очень усталым, больше лежал и читал книги.

9 мая. Утром, за час до чая, я принял с некоторым волнением первый ламский порошок. Запив его теплою водою. Порошок показался мне пахучим и каким-то гжучим...

Утром посетил с визитом В.О. Клемма, б[ывшего] чиновника русского министерства иностранных дел, и М.Я. Домрачева, правителя канцелярии Главы русской эмиграции на Д[альнем] Востоке, т[о] е[сть] генерала Д.Л. Хорвата, по-прежнему занимающего великолепный особняк бывшего Австро-Венгерского посольства в Китае.

С В.О. Клеммом я беседовал по поводу перевода моей книги «Вел[икий] отх[од]» на английский язык и издания ее издателем Вечем в Пекине. В[асилий] О[скар]ович сообщил мне, что он для пробы перевел первую главу моей книги и, вместе с своим отзывом, представил ее на рассмотрение Веча. В отзыве г[осподин] Клемм высказал мнение, что, вероятно, моя книга может найти спрос на английском рынке; гарантировать ее успех он, все же, не может.

Иванов, Всеволод Никанорович (7 нояб. 1888, Кострома — 9 окт. 1971, Хабаровск). Окончил Костромскую гимназию (1906) и Санкт-Петербургский университет (1911). Участник 1-й мировой войны. Работал в газетах Омска, Владивостока и Харбина. Эмигрировал в 1922 г. Близок к атаману Г.М.Семенову и С.Д.Меркулову. Редактор газеты «Гун-Бао». Жил в Тяньцзине. Один из основателей (осень 1935) в Тяньцзине кружка китаеведения (позднее Общество изучения Китая), 1-й редактор китаеведческого журнала «Вестника Китая» (№ 1 — март 1936). Редактор газеты «Наш путь». Почетный член содружества «Понедельник». Гражданин СССР (с 1931). В Шанхае тесно сотрудничал с В.Чиликиным. На просоветские позиции перешел в мае 1936 г. Работал в газете «China Daily Herald» (до 12 окт. 1937), публиковался в газете «Новости дня» (1936-37), затем стал главным редактором журнала «Мой журнал» (с 7 нояб. 1937), выступал на шанхайской радиостанции «Голос Родины». Вернулся в СССР (февр. 1945), жил в Хабаровске, занимался литературной деятельностью. Член Союза писателей СССР.

Я решил, после этого разговора с г[осподином] Клеммом, побывать у г[осподина] Веча, издателя и хозяина самого большого книжного магазина в Пекине.

У М.Я. Домрачева я просидел с полчаса, впервые познакомившись с этим деятелем дальневосточной эмиграции. С Домрачевым я беседовал об обстоятельствах смерти Д.Н. Першина. Условились в 3 часа дня съездить на квартиру, где жил покойный, и посмотреть оставшиеся после него вещи.

Домрачев был очень внимателен ко мне, произвел на меня впечатление пришибленного жизнью русского интеллигента, не забывшего о том, что как-то в годы революции, ему удалось стать «его превосходительством». Я слышал, что он порядочно и запивает.

От Домрачева я направился с визитом «к самому», т[о] е[сть] генералу Д.Л. Хорвату; застал его дома; был сразу же принят.

Генерал, первым делом, посмотревши на меня, сказал:

— Вы похудели, и, может быть, потому и помолодели. Сколько Вам лет?

— Пятьдесят три, — ответил я.

— Вы могли бы быть моим сыном, сказал генерал с улыбкою мне.

Я посмотрел на Хорвата и тоже улыбкою ответил ему, и подумал про себя:

— А генерал — молодец; прекрасно сохранился; и отлично себя чувствует, а я перед ним..., я, в прошлом сибирский богатырь, чувствую себя стариком, разбитым разными болезнями.

О, если бы порошки ламы могли вернуть мне мое прежнее здоровье — дорого бы я дал за них!...

От генерала Хорвата я вернулся к часу дня домой и с аппетитом пообедал. Мои гостеприимные хозяева угостили меня отличным обедом — имея хорошего повара, они вообще кушают вкусные обеды и ужины.

Отдохнув с часик после обеда, я отправился снова к М.Я. Домрачеву, и, вместе с ним, поехали потом на рикшах в «бординг» Егорова, в котором, в одной из подвальных комнат скончался Д.П. Першин.

Хозяина застали дома, он пил пиво в компании с какими-то молодыми

людьми; его пансион оказался переполнен постояльцами. Комната, где скончался Д[митрий] П[етрович], сдана новому жильцу и закрыта на замок. Потому я не смог ее посмотреть. В узком коридоре стояли корзины с вещами и бумагами Д[митрия] П[етровича]. Я попросил вскрыть и показать мне ту корзину, в которой были книги и бумаги покойного. Все оказалось набросанным в корзину в полном беспорядке, и трудно было в чем-нибудь разобраться тут — не было времени, да и не совсем было в подвальном помещении светло. М.Я. Домрачев распорядился Егорову привезти корзину с бумагами Д[митрия] П[етровича] ко мне. Тот пообещал это сделать. Я же, с разрешения Домрачева, изъясил из этой корзины пять книг, среди них книгу проф[ессора] Владимирцева о Чингиз-хане, Богданова — по истории Бурятского народа, и Огородникова — по истории Сибири, и еще несколько монгольских фотографий... Супруги Егоровы порассказали мне много любопытного о последних годах жизни Д.П. Першина (они знали его хорошо и по жизни в Калгане), о том, что трудно было ладить с стариком, который стал несносен за последние годы: колотил порою китайскую прислугу, не любил никаких возражений и указаний и т[ак] д[алее].

Похоронили его, по их словам, хорошо, служили на девятый день панихиду и т[ак] д[алее]. Надо еще заплатить за место на кладбище.

Особо ценные вещицы Д[митрия] П[етровича] хранились Егоровым в особом небольшом чемоданчике. Содержимое его он показал мне: я заметил одного бурхана² (деланного из желтого металла, довольно массивного). Другой бурхан мне не бросился в глаза — надо сказать, все это я оглядел слишком мимолетно.

Вернулся домой к вечернему чаю, и остаток дня провел дома. День был жаркий и душный: самочувствие было неважноецкое — когда я ужинал, сильно «жгло» мой левый бок, и я едва досидел до конца ужина. За час до ужина я принял второй порошок, запив его хуин-цзю, т[о] е[сть] желтым рисовым китайским вином.

Рано улегся спать.

²Бурхан — в монгольской традиции скульптурное изображение будды, бодхисаттвы или другого персонажа буддизма.

Клемм (фон), Василий (Вильгельм) Оскарович (1861–1938, Берлин). Дипломатический советник Д.Л. Хорвата. Жил в Харбине и Пекине. Драгоман при министерстве иностранных дел Китайской республики (до окт. 1924). 1-й председатель Пекинского отдела Анτικοинтерна (дек. 1937 – апр. 1938).

Веч (Vetch, Henry). Издатель книг. Купил у русского еврея книжный магазин, находящийся в «Пекин-отеле» в Пекине. Был женат на русской женщине Евреиновой Елене. Выслан китайскими коммунистами.

Домрачев, Михаил Яковлевич (15 сент. 1890, Оренбург — 25 янв. 1958, Сан-Франциско). Окончил Московский археологический институт. Во время гражданской войны был близок к М.К. Дитерихсу. Во Владивостоке учился в Восточном институте (1921). Участник Земского собора (1922) и Монархического съезда (Париж, 1929). Начальник канцелярии Д.Л.Хорвата (1930-36). Жил в Шанхае, адвокат. Секретарь Шанхайского Благотворительного комитета (1940-44). Через Тубабао эмигрировал в Сан-Франциско

Першин (псевдоним Даурский), **Дмитрий Петрович** (9 янв. 1856, Иркутск — 4 апр. 1936, Пекин). Учился в Московском реальном училище. Хранитель музея Сибирского отдела Русского Географического общества в Иркутске. Служил в акцизном ведомстве. Многолетний председатель Иркутского общества помощи учащимся-бурятам. Чиновник особых поручений при Иркутском генерал-губернаторе Л.М.Князеве, отвечал за вопросы экономических отношений с Монголией (с 1912). Основал Монгольский национальный банк в Урге.

10 мая. Воскресенье. Утром побывал у В.А. Зубца и узнал, что он и еще двое молодых людей: Романовский и Спешнев, образовали в Пекине «United Crafts Company» и теперь работают понемногу, зарабатывая некоторую толику средств то на том, то на этом...

Денег на издание его рукописи «На службе в Китайской армии» Зубец еще не нашел (нужно найти-то всего 90 долларов). Нужно бы помочь ему в этом.

11 мая. Жена аккуратно пишет мне каждый день, поэтому я в курсе наших тяньцзиньских дел. Я тоже аккуратно, раз в день, отправляю ей письмо. Утром сделал прогулку. Зашел в табачный магазин Скиотиса, где состоит на службе грек Спиридис, высоко образованный человек, знаток русской литературы. Будучи старым знакомым Спиридиса, я разговорился с ним. Он, узнав, что вышла из печати моя новая книга «В[еликий] о[тход]», изъявил желание приобрести ее.

После прогулки, часам к 11 утра я был уже дома. В это время зашел ко мне с ответным визитом генерал Д.Л. Хорват. Вскоре подошел и Я.Я. Брандт, известный русский синолог. Сидели, беседовали о разных делах; в беседе принял участие и мой хозяин Яков Филиппович Зверев.

В два часа дня я отправился в «Hotel de Peking», где находится книжный магазин француза Веча. Веч имел со мною беседу об издании им моей книги «Великий Отход» на английском языке. Он соглашался издать ее, при условии, если я дополню книгу значительным введением и необходимыми примечаниями к собственным именам, встречающимся в книге. Он ставил условия, мало для меня выгодные, но я вынужден был согласиться, не имея за собой твердой почвы, чтобы отстаивать крепко свои интересы. Окончательное обсуждение вопроса было отложено нами до завтра.

В пять часов вечера я сделал визит В.И. Розанову, бухгалтеру книжного магазина Веча, в прошлом генералу Гражданской войны в Сибири³, от него вернулся домой и более уже не выезжал никуда.

³В литературе даются неправильные сведения о нем, как о: Розанов Сергей Николаевич (1869-1937), Медона, Франция, Генерал-лейтенант (1917).

Зубец, Владимир Александрович. Участник гражданской войны. Принимал участие в Шаньдунской армии. Печатался в эмигрантских газетах и в журнале «Рубеж». Для И.И. Серебряникова написал свои воспоминания о службе в качестве наемника у китайцев, затем продал ее в Гуверовский архив. В последние годы жил в Швеции, где и скончался в начале 1980-х.

Романовский, Борис Александрович. Предприниматель в Пекине, совладелец фирмы «United Crafts Company».

Спешнев, Алексей Николаевич (1899–1973). Жил в Пекине. Музыкант. Совладелец компании «United Crafts Company». Репатриировался в СССР. Был женат на Ольге Николаевне (1902–1988). Сын Николай — востоковед.

Вечер провел дома. После ужина мы побеседовали с Яковом Филипповичем почти до полуночи. Собеседник он — очень умный и интересный. Пермяк родом, Я.Ф. Зверев не получил почти никакого образования; вел в Камско-волжском районе большие лесопромышленные операции. Был известен в Пермском крае по своей общественной и политической работе. Его политические симпатии принадлежали в свое время партии социалистов-революционеров. В этой партии он был известен под псевдонимом Хрущова. Я[ков] Ф[илиппович] весьма начитан, осведомлен во всех изгибах мировой политики и, несомненно, обладает большим природным умом и талантами комбинатора. Он и в Пекине сумел занять видное положение среди местной русской эмигрантской колонии и также обеспечить свой базис материального существования. Живет он с семьей (жена и пасынок) отлично, не нуждаясь, — причем никто из пекинцев путем не знает, как и чем он существует, чем промышляет.

— Я не люблю рассказывать русским, — как-то сказал мне Я[ков] Ф[илиппович]. — чем и как живу. Обязательно перебьют дело и напортят. Как-то выписывал я мануфактуру из Чехословакии и продавал здесь. Узнали об этом, перебили мне дорогу — и испортили дело.

В квартире Я[кова] Ф[илипповича] получается много газет: если считать все русские и иностранные газеты вместе, то ежедневно ему доставляется пять газет — одна пекинская, три тяньцзиньских и одна шанхайская (советский «Новый Мир»).

12 мая. Во вчерашней ночной беседе с Я[ковом] Ф[илипповичем] я выяснил его точку зрения по отношению к японским намерениям относительно русской эмиграции на Д[альнем] Востоке. Мой собеседник высказал взгляд, что надо идти на встречу этим намерениям, и в бюро эмигрантов вводить лучших людей эмиграции, именно для того, чтобы туда не попали худшие элементы... Я узнал, что состав такого Бюро для Пекина уже обсуждался здесь по запросу из Дайрена, и что в Бюро могут войти в Пекине Я.Я. Брандт, В.И. Розанов, г[оспода] Елачич, Максимов и другие.

Бранд, Яков Яковлевич (9 нояб. 1869, Саратов – 25 янв. 1946, Пекин). Окончил восточный факультет СПб. университета (1892). В 1894 поступил на службу в министерство Императорского двора, затем перешел в министерств о финансов. Заведующий пекинским отделом КВЖД (с 1901). Старейший профессор Китайского института русского языка и литературы. Автор работ о Китае.

Я узнал также, что Я.Ф. Зверев посылает статьи в «Возрождение Азии», где он печатается под псевдонимом «Фофанов». Статьи эти все на антибольшевицкие темы. Подозреваю, что статьи пишет для него С.А. Елачич, бывший редактор какой-то газеты в Самаре. Все эти новости меня порядочно-таки удивили.

Утром сегодня я побывал у В.О. Клемма и узнал от него, что он желает получить за перевод моей книги на английский язык двести долларов.

Признаться сказать, это дешево; я ожидал большей цифры. Правда, это будет перевод, так сказать, черновой. Дальнейшая стилистическая отделка перевода будет принадлежать одному иностранцу, которому издатель Веч будет также платить деньги. Я письмом сообщил Вечу об условии В.О. Клемма.

Перед обедом, я успел съездить на базар Дун-Ань-Ши-Чан, где осматривал букинистические лавки — соблазнил и за один доллар приобрел себе три книжки Советского журнала «Новый Восток»⁴.

Пообедали. Лег отдохнуть и так крепко уснул, как давно уже со мною не бывало. После вечернего чаю сделал визит С.А. Елачичу, затем погулял в пределах Посольского квартала...

Ламские порошки продолжаю принимать, хотя и чувствую, что мне даже как будто стало не лучше, а хуже. Слишком уж они жгучи. Смущают меня замечания моих знакомых, которые скептически относятся к моему лечению у ламы.

— Смотрите — будьте осторожны! Как бы он совсем не угробил Вас! — в таком роде были эти неприятные замечания. Веры в ламу эти замечания, во всяком случае, не вселяли в меня.

13 мая. С утра — пасмурно. Пахнет дождем. На душе — тяжело. Какая-то большая тяжесть давит на тебя.

Утром побывал у Веча и, после продолжительной беседы, подписал с ним предварительное соглашение об издании моей книги «Великий отход» на английском языке. Это соглашение состояло всего из шести пунктов, примерное содержание коих заключается в следующем:

1) Я (г[о] е[сть] г[осподин] Веч) оплачиваю двумястами долларов перевод на английский язык Вашей книги; перевод делает В.О. Клемм.

2) Я оплачиваю стоимость приготовления фотографий и карт для книги суммой, которая не должна превышать двадцати долларов.

3) Вы напишите общее введение к книге, которое должно будет объяснить, что привело к «Великому Отходу». Вы даете также примечания к тем местам книги, где найдет это необходимым г[осподин] Клемм.

4) Если по окончании перевода Вашей книги я решу не издавать ее, Вы имеете право предложить этот перевод для издания всюду, где хотите; и, если это издание состоится, вы должны будете вернуть мне \$ 220.00, затраченных мною на перевод книги и снабжение ее фотографиями и картами, и новый издатель обязуется дать мне бесплатно двадцать экз[емпляров] Вашей книги.

⁴«Новый Восток» — журнал, периодический орган Научной ассоциации востоковедов при ЦИК СССР, издававшийся в Москве в 1922-30 (всего вышло 29 книг).

5) Если по окончании перевода Вашей книги, я решу издать ее, то Вам будет уплачиваться royalty⁵ в размере 10% с продажной цены; при чем royalty будет выплачиваться Вам только тогда, когда первыми продажами будут покрыты все расходы по изданию книги. По изданию книги нами будет заключено формальное соглашение, по закреплению за мною издательского права, не ограничивающегося только первым изданием книги.

6) Если в течение шести месяцев по окончании перевода книги, я не решу издавать ее, и не заключу формального соглашения с Вами, согласно п[ункта] 5-го сего условия, Вы имеете право обратиться к другому издателю...

Остаток дня провел дома. Чувствовал себя плохо. Очень беспокоит меня крепкий желудок.

Прием ламских порошков решил приостановить. Их осталось всего на два приема.

По слухам, ген[ерал] Карамышев чувствует себя лучше. Русские же врачи предсказывают скорую кончину ему.

14 мая. Усомнившись в успехе ламайского лечения порошками, я возложил свои надежды на лечение американца Mr. Lindsey, - лечение, очевидно,работанное вековой практикой розенкрейцеров. Рассказы m[аdа]ме Петровой (которые я еще слышал в Тяньцзине) о том, что г[осподин] Зенкевич в Циндао эту «систему лечения» поставил на ноги одного чеха, очень страдавшего от высокого давления крови и безнадежно лежавшего в постели, побуждали меня испытать Rosicrucian treatment.

Верил ли я в это лечение?

Я не был настроен против — малейший успех стократно усилил бы мою веру — я был пассивен и ждал результатов: лечение на расстоянии пока не дало мне никаких видимых знаков улучшения состояния моего здоровья.

В 10 часов утра я был у ворот Американского посольства и показал пропуск часовому. Меня пригласили пройти во двор и предложили присесть и немного обождать. Минут через 10 появился Lindsey, одетый в форму американского солдата (он механик Американской морской радиостанции в Пекине) и приветливо поздоровался со мною.

Говорили мы по-английски; я довольно сносно понимал своего собеседника. Мы прошли в столовую солдат, и здесь сели в кресла для беседы. Я рассказал своему собеседнику о своих недомоганиях, и мы условились встретиться сегодня же для первого сеанса лечения, в четыре часа дня, в частной комнате, которую Lindsey снимает в одном из русских бордингаузов в Пекине...

Lindsey — еще молодой человек, лет 32-х, по внешности производит довольно приятное впечатление...

В четыре часа дня я ждал уже американца у ворот нашей усадьбы. Он оказался аккуратен, не заставил себя ждать, и, взяв рикш, мы отправились в сторону Natamen Street, где в одном из переулков Lindsey держал для себя комнату.

В беседе со мной, уже у себя в комнате. Линдсей объяснил мне, что все здоровье человека зависит от правильного кровообращения и качества крови, а также от хорошего баланса нервной системы.

⁵ Royalty — авторский гонорар

Мы начали сеанс лечения. Я снял пиджак и сел на стул. Линдсей встал позади меня и стал прощупывать пальцами мои спинные позвонки, начиная от шеи. Прощупав какие-то особые места (вероятно, сплетения нервов), он долго надавливал на них довольно ощутительно пальцами и сам производил в это время какие-то упражнения с глубоким вдыханием — словно набирался какой-то невидимой мне силы, которая, пользуясь моими нервами, должна была оказать благотворное влияние на мое здоровье.

Во время сеанса лечения Линдсей показал мне письмо Н.П. Баженова к нему из Шанхая. Это письмо (я видел его мельком) содержало описание моих болезней и указания на то, как следует их лечить. Я заметил на письме даже какие-то анатомические чертежи.

Надавливая пальцами на спину, Линдсей спрашивал меня, не чувствую ли чего-нибудь особенного на кончиках пальцев моих рук. Я отвечал, что ничего особенного не ощущаю.

Условились, что завтрашний сеанс лечения будем производить в моей комнате, в квартире Зверевых, с 9 до 10 часов вечера.

На прощание Линдсей дал мне для ознакомления кое-какую розенкрейцерскую литературу⁶. Я спросил своего нового врача, что будет стоить мне лечение, и что буду я должен заплатить ему, и получил ответ, что лечение — бесплатное, и чтобы я в этом отношении несколько не беспокоился.

Остаток дня провел дома. Было скучно.

15 мая. Видимо, мои письма из Пекина к жене носили меланхолический характер, и от нее я получил сегодня ободряющее письмо.

Утром побывал у Веча и получил от него двадцать долларов на изготовление фотографий и карт к моей книге.

Вечером побывал у *Л.Н. Кукуранова*, бывшего лицеиста, анненковца, теперь служащего American Express Company.

6...розенкрейцерскую литературу... — Розенкрейцерство (орден розенкрейцеров, розенкрейцеры, «Орден Розы и Креста») — теологическое и тайное мистическое общество, предположительно основанное в позднее Средневековье в Германии Христианом Розенкрейцером. Содержит Учение, «построенное на древних эзотерических истинах», которые «скрыты от обыкновенного человека, обеспечивают понимание природы, физической вселенной и духовного царства», что отчасти символизируется эмблемой Братства — Розой, распускающейся на Кресте. Розенкрейцеры ставили перед собой задачи всестороннего улучшения Церкви и достижение прочного благоденствия государств и отдельных лиц

Кукуранов, Лев Николаевич (2 нояб. 1892 – 1 авг. 1988, Сан-Франциско). Окончил Александровский лицей. Участник гражданской войны в войсках Анненкова. Переводчик. Жил в Пекине и Тяньцзине. Служащий American Express Company. Оказал помощь Серебренниковым в переводе китайских поэтов.

Курочкин, Тимофей Иванович. Родился в Благовещенске. Доктор медицины. Профессор бактериологии Пекинского международного колледжа (институт Рокфеллера– Peking Union Medical College), лечащий врач И.И. Серебренникова (1936). Сотрудник Бостонского университета.

После ужина, с 9 до 10 часов, состоялся второй сеанс лечения. Насколько я понимаю, розенкрейцеры имеют что-то общее в основах своего лечения с теософами. Происхождение своего братства ведут от времен древнего Египта.

16 мая. Утром сделал прогулку в пределах Посольского квартала, зашел к М.Я. Домрачеву, который любезно сделал для меня подарок — девять автографов разных лиц — это для моей коллекции автографов.

Пришло письмо от жены. Она, заметив мое упадочное настроение, написала, что в воскресенье, 17 мая, приедет сюда, в Пекин.

17 мая. Воскресенье. Ходил на вокзал встречать жену с утренним поездом, но жена не приехала.

Пасмурно. Вот-вот пойдет дождь. По случаю плохой погоды, чувствовал себя плохо. Был четвертый сеанс лечения. Кое-что прочел из литературы розенкрейцеров, которую Линдсей почти каждый день подбавляет мне.

18 мая. Погода с утра прояснилась, и вместе с тем улучшилось и мое самочувствие.

19 мая. Утром сделал довольно большую прогулку пешком, наблюдал учение японцев на глясисе⁷ перед стенами Посольского квартала, побывал на базаре, где купил фунт свежей клубники-виктория.

Линдсей, в беседе со мной, услышав от меня имя Н.К. Рериха, по какому-то случайному поводу сказал, сказал мне, что Рерих принадлежит к ордену розенкрейцеров, имея высокую степень посвящения...

Это было новостью для меня.

20 мая. Лучше ли мне от сеансов нового лечения. По правде сказать, я не чувствую заметной перемены к лучшему. Единственное, что я заметил — это как будто мои ноги начали бодрее двигаться.

Линдсей говорит, что улучшение должно быть, но оно будет нарастать медленно.

По-видимому, надломлена моя нервная система — отсюда «жжение» в боку и боли в руке. Как же выправить ее?

21 мая. Побывал с визитом у *Т.И. Курочкина*, русского доктора, теперь профессора бактериологии в Рокфеллеровском медицинском колледже (его официальное наименование — Peking Union Medical College). В квартире Курочкина встретился и познакомился с ветеринарным врачом Бинерацким. Беседовал. Пил чай.

Доктор Кур[очкин] не очень лестно отзывался о врачах. («Они Вам заморочат голову»), сам выглядел очень нервным.

Надежда получить от него диагноз моей болезни рухнула: я не решился настоять на своем желании.

7...на глясисе... —на откосе; в геоморфологии наклонная выровненная поверхность в предгорьях (франц. glacis)

22 мая. Познакомился с немцем (или эстонцем), г[осподином] Аммендэ⁸. Его брат был известный журналист, сотрудник Лиги Наций, написал о Советской России на немецком языке книгу, которая, кажется, имела такое название: «Почему Россия должна голодать?»

Аммендэ купил и прочел мою книгу «Великий отход» и порекомендовал мне один экз[емпляр] этой моей книги отправить в Лондон, в адрес Георгия Панова с просьбой к последнему — наладить издание моей книги на немецком языке.

Мой новый знакомый, видимо, расположился ко мне. Вечером он снова заехал ко мне и оставил для просмотра «Атлас Монгольской народной республики», изданный в Улан-Баторе в 1933 году. Просматривая атлас, я сделал из него для себя ряд выписок.

Вечером последовал восьмой сеанс лечения.

23 мая. Я.Ф. Зверев уехал дня на два в Тяньцзинь, выехав туда еще вчера вечером.

Утром мы с Аммендэ съездили на рикшах к проф[ессору] Полевому, смотрели у него советскую литературу, которую он держит для продажи. Литературы этой оказалось маловато. Я для себя не нашел ничего интересного. Аммендэ же купил целых три книги; из них она [так в тексте] была «Советы в Китае» (перевод с немецкого), другая — сказки Азербайджанских татар; третья — собрание работ этнографа Штернберга «Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны». Последнюю, как очень интересную, я увез домой для просмотра. От Полевого Аммендэ завез меня к себе в пансион, где он живет и угостил меня обедом.

Днем побывал в Русской библиотеке Д.А. Черкасова, познакомился с ее хозяином, произведшим на меня неплохое впечатление; оставил ему на продажу мою книгу «В[еликий] О[тход]», и две брошюры: «Русские интересы в Китае» и «Текущий Китайский фольклор».

Заметного улучшения в состоянии своего здоровья все еще не ощущаю.

24 мая. Воскресенье. Сидел почти весь день дома, читал, знакомился с книгой Штернберга; очень скучал. Сильно потянуло домой в Тяньцзинь

К вечеру вернулся из Тяньцзиня Я[ков] Ф[илиппович]. Новостей особенных не привез, рассказал, что весь русский Тяньцзинь интересуется ходом болезни генерала Карамышева.

Сегодня вечером взял последний сеанс лечения у Линдсей, поблагодарил последнего и обещал ему написать о результатах его лечения, а также о том, что мне скажут в Рокфеллеровском госпитале. Простились мы довольно сердечно. Кое-что из розенкрейцеровской литературы я решил увезти в Тяньцзинь, чтобы там, на досуге с нею ознакомиться.

25 мая. Утром, в 9 часов, я уже был в Рокфеллеровском госпитале, и был принят доктором — молодым китайцем около 11 часов. Я показал доктору письменную историю моих болезней, изложив ее по-английски. Доктор основательно выслушал и выстукал меня, измерил давление крови —

⁸...Г[осподином] Аммендэ... — Амменде (Аменде). По национальности немец (или эстонец). Журналист. Жил в Пекине и Калгане.

измерение дало цифру 220, — и сказал, что спокойствие и диета могут снизить эту цифру, лекарств для этого не следует употреблять (это было ново для меня). Я указал доктору, что у меня «жжет» бок, что болит рука, и мучат меня запоры; услышал от него ответ в том смысле, что против запора он даст мне лекарство (микстуру); и что, если наладится деятельность желудка, жжение и боль у меня пройдут сами собою. Доктор затем назначил мне дополнительное исследование моей крови и моих глаз.

Исследование глаз, точнее глазных кровеносных сосудов было произведено д[окто]ром Судаковым у меня в 2 часа дня.

В три часа дня я сидел уже дома. Мой хозяин, Я.Ф. Зверев, отправился навестить В.Д. Карамышева. В начале пятого, он вернулся домой, страшно озабоченный и взволнованный. Я спросил его:

— Что случилось?

— Только что умер Владимир Дмитриевич, можно сказать на моих глазах. Я застал его еще в живых. Когда я вошел в его квартиру, он взглянул на меня, хотел сделать какой-то жест рукою, в роде приветствия; но рука упала вниз; генерал протянулся и глубоко вздохнул, и его не стало. Я бросился к пульсу, но пульса больше не было. Теперь надо налаживать похороны, помочь его убитой горем жене; она без денег, надо сообщить об этом в Тяньцзинь и вызвать брата жены покойного Г.А. Потопаева.

Печальная новость страшно поразила меня: так жестокая действительность отрезала все надежды на успех ламского врачевания!

С покойным генералом я был знаком с 1921 года, когда я, под его началом, нес свою службу в товариществе «Восточное просвещение», ведая типолитографией Русской духовной миссии. Он был причастен к литературе. Около десяти лет тому назад вышла в Тяньцзине из печати на английском языке его книга «Монголия и Западный Китай». Затем, ряд его очерков о Монголии печатался в газете «Peking and Tientsin Times». Покойный был одним из героев Порт-Артурской осады и получил за эту осаду боевое отличие — офицерского Георгия. Его рассказ из времен Порт-Артурского сидения «Белые Помочи», вышедший как-то в Тяньцзине на русском языке отдельной брошюрой, произвел впечатление сенсации в Японии и вызвал его дружбу-побратимство с японским генералом Хасебэ (героем взятия Харбина). Японофильские тенденции покойного были вне сомнений. Он принадлежал к числу сторонников атамана Семенова и принадлежал к партии фашистов, являясь начальником штаба тяньцзиньской организации этой партии. Ревностный антибольшевик В.Д. Карамышев мечтал о походе с его японскими друзьями на Советскую республику. Последний раз в Тяньцзине, покойный генерал был у меня в гостях в январе месяце этого года, с повязкою на шее (он еще не знал, что у него раковая опухоль). Мы много беседовали по текущим вопросам.

— Нет, я не задумываясь пойду с оружием в руках на советчиков. Я не дорожу своею жизнью. Пусть по переходе границы меня убьет пуля. Я умру, по крайней мере, на своей родине.

Мечтам генерала не суждено было осуществиться.

Я послал вдове покойного письмо с выражением моего соболезнования ей по поводу постигшей ее тяжелой утраты.

Май 1935 г.

26 мая. Около 12 часов дня побывал еще раз в Рокфеллеровском госпитале, где от д[окто]ра Судакова получил рецепт на очки.

Вдова ген[ерала] Карамышева и ее брат решили отвезти прах почившего генерала в Тяньцзинь и там предать его погребению.

Июнь 1935 г.

Записи Ивана Иннокентьевича Серебринникова

22 июня. В Пекин я приехал в вагоне III-го класса, и опять, как и 7 мая, вместе с С.А. Плахотиным, направлявшимся в бывшую столицу Китая для лечения.

В Пекине я остановился в квартире В.А. Зубца и сейчас же пустился в разъезды по делам. Побывал прежде всего у владельца книжного магазина и издателя, француза г[осподина] Веча, собирающегося издать на английском языке мою книгу «В[еликий] О[тход]», но не застал его: он на днях уехал по своим делам в Шанхай. Я передал его бухгалтеру, В.И. Розанову, фотографии и карты к моей книге и дал необходимые пояснения к ним, затем я отправился к переводчику В.О. Клемму — здесь узнал, что почтенный В[асилий] О[скарлович] уже перевел шесть глав моей книги. Я вручил ему заново написанное мною введение к книге. По пути зашел к Домрачеву, правителю канцелярии ген[ерала] Хорвата — от него получил три автографа для моей коллекции. Далее я направился к Я.Ф. Звереву. От последнего я узнал, что Аммендэ уже уехал вчера в Калган — налаживать там помещение для летнего проживания. Он обещал написать, когда там все будет готово. У Зверевых я отдохнул немного и позавтракал.

В 2 часа дня я поскакал на рикше к Плахотину, которого дома не оказалось. Я разыскал его в Рокфеллеровском госпитале, условились с ним — поехать в 5 часов вечера в *Бэй-хай*, посидеть там на берегу озера и попить чайку на свежем воздухе. Это намерение наше мы привели в исполнение. В чудном парке Бэй-хая мы прекрасно провели время — поужинали и попили китайского душистого чая.

Вечер провел дома.

23 июня. Ночь провел сносно. Встал рано.

На сегодня у нас с Плахотиным намечена поездка на *горячие источники Таншан*¹, находящиеся в верстах в 50-ти от Пекина к Северу. На Таншан раз в день ходит автобус. Признаться сказать, я с большим волнением сел в 10 часов утра на автобус, не зная, как я, чувствуя себя больным, выдержу поездку.

¹...на горячие источники Таншан... — Таншань — город в северной части Китая, провинция Хэбэй.

Когда мы выехали за городскую стену, я смог убедиться, что дорога — тряская, местами меня довольно основательно подбрасывало на моем сиденье, тем более, что мы захватили на автобусе задние места, где трясло сильнее. Я стал бояться, выдержу ли я благополучно свое путешествие. Однако, бодрился, сколько мог. Дорога шла среди полей, минуя иногда китайские деревни, и не представляла собою ничего интересного. Единственно, на что я обратил внимание, это на остатки высокого земляного вала (верстах в 2-х к северу от Пекина), который когда-то служил северной стеною столицы Хубилая-хана, знаменитого *Канбалыка*, описанного Марко-Поло. Разглядывая из окна автобуса поля и поселки, я думал: вот здесь когда-то существовал и русский военный поселок, где были поселены русские воины, охранявшие трон Чингисхайдов в Китае.

Вдали все время маячили горы, замыкающие собою с севера пекинскую котловину.

В начале 12-го часа мы остановились перед Таншанским отелем, на усадьбе которого располагаются горячие источники. Мы бегло осмотрели гостиницу, состоящую из ряда зданий. Самые дорогие номера здесь стоят семь долларов в сутки, при готовом столе. В номере — три комнаты: спальня, уборная и ванная, где имеется бассейн с горячей водой из источника. Дешевые номера — четыре доллара в сутки, но без ванны. Имеется два специальных помещения с ваннами, где можно принять ванну за 60 центов. Посреди двора сооружены два мраморных резервуара, наполняемые горячей водой из источников. Кажется, эти резервуары имеют в данное время только показательное значение — можно видеть в них горячую прозрачную воду, со дна коей беспрерывно поднимаются кверху пузырьки с газом.

Я устал с дороги, и потому расположился на отдых в обеденном зале гостиницы, где заказал себе чаю, а Плахотин отправился осматривать находящийся при гостинице парк. Вернувшись с прогулки, он рассказал мне, что парк производит хорошее впечатление, довольно большой, и что, кажется, в нем имеются и дачи, которые можно снимать на лето.

Насколько я знаю, Таншан в старые времена представлял собой *одну из летних резиденций китайских императоров*. Находящиеся здесь мраморные

резервуары сооружены богдыханом Канси в 1650 году, т[о] е[сть] приблизительно в то время, когда на Ангаре был построен Иркутский острог, а на Амуре Албазинский. Сохранились такие резервуары в Сибири, — они считались бы величайшею древностью; в Китае же можно сказать про них, что они построены сравнительно недавно.

Голод — не тетка, и посему мы заказали себе обед, при чем потребовали не европейские кушанья, а китайские. Таких подали нам не очень много, как я ожидал, но достаточно для того, чтобы насытиться. Некоторые кушанья понравились очень мне.

День был жаркий, припекало весьма солнце сверху; казалось, что шла теплота и снизу, из-под почвы, изобилующей горячими водами. Поэтому было вдвойне тепло.

Часа в два мы пошли в ванное помещение, и приняли, каждый в отдельной комнате, по горячей ванне, в небольших четырехугольных бассейнах. Вода была настолько горяча, что я боялся в нее окунуться. Прогревал в ней только свои ноги и руки.

Народу в отеле мало. Кажется, дело поставлено тут неважно. Не видно распорядительности. Нет врача. Нет нужной рекламы и осведомления. Ниоткуда не видно, что это за горячие воды, какого они химического состава, от каких болезней помогают.

В три часа дня мы отправились из гостиницы, снова на автобусе, домой. На этот раз постарались захватить передние места, и нас менее трясло теперь.

Через два часа я был уже дома, никуда больше не выходил, и решил рано лечь спать.

От жены пришло уже письмо. Надеюсь и впредь получать их каждый день. Эти письма бодрят меня.

Поездкою в Таншин я остался очень доволен. Все же посмотрел одно новое для меня место в Китае. Жаль только немного денег, которые я затратил на эту поездку (взад и вперед, с чаем и обедом, и ванною, она обошлась мне в четыре доллара).

Бэйхай (北海) — городской округ в Гуанси-Чжуанском автономном районе КНР.

Город Бэйхай находится на самом юге Китая, на северо-восточном побережье Тонкинского залива. Он расположен в благодатном субтропическом климате и известен солнечной погодой, исключительной чистотой воздуха и изумительной красотой природы. Здесь находятся Серебряный пляж, который входит в список лучших туристических объектов Китая, а также чудо-остров Вэйчжоу, окруженное горами озеро Синдао и уникальный заповедник красных деревьев «Морской лес».

Первый горячий источник горы Таншань (汤山一号温泉).

Термальный источник горы Таншань существует более 1500 лет. Он является одним из четырех самых известных горячих источников Китая наряду с пекинским источником Сяотаншань, Гуандунским источником Цунхуа и Ляонинским источником Танганцзы. Первый источник горы Таншань находится в живописном районе Нанкина. На его территории расположены такие известные озера как Тайху, Поянху, Дутинху, Хунцзеху.

24 июня. Сегодня — праздник Драконового Бота. С утра погода пасмурная. Почти весь день просидел дома. Побывал только у Я.Ф. Зверева, в Русской библиотеке Черкасова и в солдатском клубе УМСА.² где позавтракал. Этот клуб — американское учреждение; в нем подают вкусные фруктовые пироги.

Читал сегодня книгу «Наследие Чингис-хана»...

25 июня. Побывал вечером в Центральном парке, который я очень люблю. Попил здесь чаю, сидя за столиком на берегу озера, заросшего лотосами, потом направился в ресторан, где готовят европейские кушанья. Заказал себе жареную рыбу. Дали довольно большой кусок с картофелем, хлеб, масло и варенье — и за все это я заплатил всего только 35 центов. Не дорого. Это был мой ужин.

От Аммендэ никаких известий нет.

Пришло письмо от жены. Она энергично готовится к поездке в Калган.

26 июня. Утром, с Я.Ф. Зверевым, побывал у проф[ессора] С.А. Полевого, «стоящего на большевизанствующей» линии — посмотреть Советскую литературу на его небольшом книжном складе. Я купил здесь проект Советской конституции с портретом «вождя народов» Сталина. К обеду я успел уже просмотреть эту конституцию: оказалась она сплошной «липою».

Решил побывать в Русской духовной миссии — так называемой по-китайски Бэй-гуани, и отправился туда в 4 часа дня. Путешествие было рикша-трамвайное, так сказать азиатски-европейского свойства.

Путешествие в миссию всегда вызывает у меня ряд воспоминаний: я когда-то (в 1921 г[оду]) прожил здесь почти целый год, и здесь впервые начали формироваться мои китайские впечатления. В ее стенах произошли наши с женою встречи со многими интересными людьми...

Владыка Виктор принял меня в своих покоях весьма радушно и тепло, напоил меня чаем, подарил мне ряд книг и журналов, сводил меня на экзамены в китайскую школу. В школе я увидел десятка три китайчат, писавших

²ХСМЛ (УМСА) — Христианский союз молодых людей.

На фото канал, защитный ров и часть реконструированной городской стены

Ханбалык — название столицы империи Юань, современного Пекина. Тюркское название города «Ханбалык» переводится как «Обитель хана»; Марко Поло транскрибировал его как Камбала.

В 1274 после монгольского вторжения началось строительство нового ханского дворца взамен сожженного. План застройки города следовал классическим китайским конфуцианским канонам — «Чжоуским ритуалам» (周禮): по 9 вертикальных и горизонтальных осей; слева — поклонение предкам, справа — поклонение Небу и т. д.

После основания династии Юань в 1271 году Хубилай-хан переименовал город в Даду — «великую столицу». Предыдущая резиденция великого хана, Шанду, приобрела статус летней. В обеих этих столицах за время своего пребывания в Китае подолгу бывал венецианский купец на службе у Хубилая Марко Поло.

русскую диктовку. Я обошел все парты и посмотрел на все тетради — и что меня удивило — все китайчата отлично, в смысле каллиграфическом, писали диктант. Способные хлопцы!

Из миссии я вернулся домой с хорошими впечатлениями.

Дома нашел письмо-экспресс от жены. Жена получила в Тяньцзине письмо от Аммендэ, в котором он извещает нас, что мы можем уже завтра выехать в Калган.

Китайские власти перестали временно выдавать визы на Калган. Как быть? В крайнем случае, поедем без визы. Не знаю, как скоро сможет управиться жена со своими делами и приготовиться к поездке.

27 июня. Вечером меня навестил мой старый знакомый, Л.Н. Кукуранов, воспитанник Александровского лицея, бывший партизан отряда атамана Анненкова, в данное время служащий в «American Express Company». Он сводил меня в ресторан Шикина, где угостил отличным ужином, изобиловавшим разными деликатесами, до черной икры включительно. Памятуя свое высокое кровяное давление, я ел очень осторожно и мало, налегая преимущественно на овощи и фрукты

Шикин — еще совсем молодой человек, лет 35-ти. Несмотря на это, он, как ресторатор, создал себе большую славу в Пекине, и в его ресторане часто можно увидеть большие банкетные партии, состоящие из китайцев, японцев, европейцев. Имея свою гостиницу и ресторан, он, кроме того, состоит помощником управляющего большого местного китайского отеля, работающего на европейский лад — Central Hotel. Парень — видимо, в деловом отношении «пробойный», и весьма. В Китае, стране, славящейся своей кулинарией, он с успехом поддерживает честь русского кулинарного искусства.

После ужина Кукуранов зашел снова ко мне, и наша дружеская беседа затянулась за полночь.

Шэньанский Дунлин или **Фулин династии Цин** (沈阳东陵) — это мавзолей императора Нурхаци и его императрицы. Так как он находится в восточной части старого Шэньяна, традиционно называется Восточная императорская гробница (усыпальница).

Здесь похоронены 5 императоров, 15 императриц, 136 наложниц, один сын императора. Этот комплекс состоит из множества храмов и уникальных образцов национального зодчества, и является одним из крупнейших государственных заповедников древней культуры. Гробница императора Шуньчжи, составляющая центральную часть архитектурного ансамбля, находится у подножия главного пика горы Чанжуйшань. Все другие мавзолеи расположены по двум сторонам от нее.

28 июня. Воскресенье. Жена сообщила, что выезжает в Калган во вторник, 30-го июня, с утренним поездом.

Значит, скоро покатим в Калган. В Калгане я бывал только один раз — в 1921 году, когда ездил в этот город всего только на три дня, чтобы погостить в семье Витте...

29 июня. Обедал у Я.Ф. Зверева, который вручил мне 55 долларов, оставленные у него Аммендэ для нас.

30 июня. В 11 ½ часов утра приехала жена, и наш китаец — повар. Пообедали у Зверевых. После обеда побродили по городу. Жена рассказала мне все тяньцзиньские новости, и о своих сборах в дорогу.

Август — октябрь 1936 г.

Записи Ивана Иннокентьевича и Александры Николаевны Серебринниковых

31 августа.

¹Жена с утра начала собирать меня в дорогу. Ей, бедняжке, всегда достается так много хлопот всяких, особенно теперь, когда я чувствую себя больным. Приходится работать ей и за себя и за меня.

Сегодня ночью я уезжаю из Калгана. Жаль, что, из-за своего нездоровья, я не смог использовать, как следует, свое летнее пребывание в этом городе. Жаль, очень жаль... Я не повидал здесь даже Великой стены вблизи.

²Мы с мужем решили уехать оба с ночным поездом 1-го сентября. Но он вдруг собрался сегодня: чувствует себя плохо, волнуется и нервничает. Мне жаль его до слез. Что бы я ни дала, чтобы он был здоров по-прежнему!

Я живо собрала его вещи, дала лекарство на дорогу. В 11 часов ночи он уехал; на вокзал его проводил и помог устроиться в вагон Я. Н-ч. Я так благодарна супругам Жучкиным, которые выручили нас в трудную минуту и деньгами, и дружеской помощью.

1 сентября.

Выехал я вчера из Калгана в полночь, занявши место в купе второго класса. В купе было нас всего два человека: я и один китаец. Дали нам хорошее чистое постельное белье, подушки и покрывала. Несмотря на все эти удобства, я почти не спал всю ночь: одолела бессонница.

Рано утром сегодня я был уже в Пекине, где поселился в Посольском квартале в квартире Л.Н. Кукуранова, служащего в «American Express Company». Принял меня Л[ев] Н[иколаевич] весьма радушно и любезно, отвел мне отдельную комнату.

Днем побывал у Я.Ф. Зверева, которому я рассказал все относительно Аммендэ. Я[ков] Ф[илиппович] был страшно поражен всем тем, что он от меня услышал.

¹Записи И.И. Серебринникова

²Записи А.Н. Серебринниковой

Так тоскливо стало мне без мужа. Ночь спала плохо, мерещились разные страхи: вдруг он заболит в вагоне, умрет, один, и меня нет около него. Не дожусь завтрашнего дня, когда должна прийти от него открытка.

С утра сегодня взялась за укладку посуды в ящики. К 4-м часам все было готово, я отдохнула за чаем, читала с наслаждением «Записки охотника». Погода ужасная; надвинулась громадная сизая туча к вечеру, и опять налетел ураган с грозой, и пролился крупный, но недолгий дождь. Меня мучит тоска; все мысли - о муже: что он, где он...

2 сентября.

Спал на новом месте очень крепко. Выспался отлично. Сразу почувствовал себя немного бодрее.

Со столом у меня выяснилось следующее: обедать буду, где придется, чай же утренний и вечерний, а затем ужин буду иметь у Кукуранова по себестоимости. Л[ев] Н[иколаевич] сам тоже не обедает дома: бывшая у него ранее русская кухарка — Феклуша — заболела и находится на излечении в Немецком госпитале; ее место занимает муж ее, китаец.

Днем я нанял по часам рикшу и много ездил по городу, побывал в новом госпитале «Ching Yuan Hospital», где навел нужные для себя справки, прокатился в *Наньхай* («Южное Озеро») и в Центральный парк. Могу сказать точно и определенно — люблю я Пекин очень. В нем множество живописных мест; немало и разного рода исторических сооружений: дворцов, храмов и пр[очее].

Завтра должна приехать жена.

Не спала вчера до 11 часов, читала газеты; потом уснула крепко до 6-ти утра. Сегодня на небе остатки разорванных туч, проглядывает синева, тепло, и стало легче дышать. От мужа получила, одну за другой, две открытки. Слава Богу, доехал он благополучно, остановился в Пекине, как и раньше, у Льва Николаевича К[укуранова].

Чжуннаньхай (中南海, «Центральное и Южное моря») — рукотворное озеро в Пекине, расположенное непосредственно к западу от Запретного города и занимающее примерно такую же площадь. Озеро состоит из соединённых протокой **южного озера (Наньхай)** и **центрального озера (Чжунхай)**. К северу от Запретного города лежит Северное озеро (Бэйхай), вокруг которого раскинулся парк Бэйхай. Одна из достопримечательностей озёрного района Пекина — суперсовременный Национальный центр исполнительских искусств.

Я сразу повеселела, начала складывать последние оставшиеся вещи в чемоданы. Сегодня в ночь я уеду. Появился Амменде, я заявила ему об этом. Он был весьма любезен, но даже не справился, на какие деньги я уезжаю, и не помянул ни словом о тех 40 долларах, которые он остался мне должен. Противный, неприятный человек! Благодарение Богу, я теперь развязана с его присутствием навсегда.

3 сентября. Встретил утром на вокзале жену. Она приехала в сопровождении большой компании знакомых калганцев. В этой компании оказались: m[adam] e Вишневецкая с детьми, Леночка Инфантьева, Диков, Навтанович, Крымчанский...

Жена решила на день, два остановиться в Пекине, и мы с вокзала отправились в мое новое пекинское пристанище — квартиру Л.Н. Кукуранова.

Жена рассказала о своих сборах в дорогу в Калгане, о поведении Аммендэ, который продолжает сидеть без денег, задолжавши нам за летнюю работу 140 долларов. В некоторое обеспечение этого долга, жена захватила с собою, с согласия Аммендэ, и привезла сюда английскую пишущую машину «Корона» портативного вида.

Пообедали сегодня втроем в ресторане Шикина.

Вечером жена и Л[ев] Н[иколаевич] съездили на прогулку в Бэйхай.

4 сентября. День сегодня — солнечный, яркий, на редкость хороший.

С утра мы с женою побывали у Зверевых, В.О. Клемма и Домрачева. Выяснилось, что Клемм перевел пока 12 глав моей книги.

Обедали сегодня в Центральном парке. Жена за сутки хорошо отдохнула в Пекине и была очень довольна своею остановкой здесь. В четыре часа дня я проводил ее на вокзал, и она продолжила свой путь в Тяньцзинь.

Остаток дня я провел дома: вечером Л[ев] Н[иколаевич] читал мне свой дневник, относившийся к 1921 году — времени скитания отряда атамана Анненкова по Китайскому Туркестану. Я решил из этого дневника сделать два добавления к английскому переводу моей книги «Великий Отход».

Конечно, мною будет этот дневник переписан, для моего собрания архивных материалов.

5 сентября. Пасмурно. Идет дождь. Почти весь день просидел дома...

6 сентября. Воскресенье. Пообедал со Л[ьвом] Н[иколаевичем] в Центральном парке, в ресторане под открытым небом, среди живописной обстановки.

После обеда я занял скамейку на одной из аллей парка, среди столетних туй, и просидел здесь довольно долго, почти до 5 часов вечера, наблюдая гулявших по парку китайцев и китаянок. Среди последних, было немало и кокетливых модниц.

Вечером пришло письмо от жены, с копиями двух интересных для меня писем-ответов из Америки и Лондона.

7 сентября. С завтрашнего дня думаю начать свое лечение, или, вернее, обследование состояния моего здоровья, в Рокфеллеровском госпитале — официальное название коего Peking Union Medical College Hospital, а сокращенно PUMC.

В свободные часы (а таковых у меня теперь много!) читаю. Книг для чтения у меня достаточно.

От В.А. Зубца получил для чтения десятка три свежих номеров советской «Правды».

8 сентября. Признаться сказать, надоело уже шататься по докторам и госпиталям. Порою мне начинает казаться, что я не живу, а просто агонизирую; порою, все же думаю, что я сумею еще оторвать у времени достаточный кусок для дальнейшей жизни.

Главное, страстно хочется узнать, кто же был прав:

— Мы или Они [Выделено И.И. Серебринников]?

Поехал утром в РУМС и записался на прием к зубному врачу. Почему я начал с зубного врача? Дважды в моей жизни удаление плохих зубов вызывало улучшение моего здоровья.

Жена прислала мне сию записную книгу-дневник. В свободные часы, поскольку это позволит моя больная рука буду переносить сюда свои записи из моей маленькой черновой книжки.

Гуляя сегодня по базару Дунаньшичан, не утерпел, купил три русских книги советского издания.

9 сентября. С часу дня до 4-х провел в госпитале. Сделал рентгеновский снимок рта, — зубов и десен. Стоило мне это удовольствие пять долларов. Завтра узнаю, что покажет снимок.

10 сентября. Рентген показал, что в том месте, что в том месте, где у меня когда-то был вырван зуб, сидит корешок. Кажется, этот зуб вырывал у меня тяньцзинский врач г[осподин] Г. Приходится теперь допускать одно из двух — или врач, сломавший мой зуб, не заметил этого обстоятельства; или же заметивши, умолчал об этом.

Китайский врач госпиталя посоветовал мне удалить корешок. Предстоит сделать маленькую операцию.

11 сентября. Операцию мне назначили на завтра в 9 часов утра. Сегодня я уже уплатил за нее вперед деньги (всего два доллара), и дал подписку, что я ничего не буду иметь против госпиталя, если операция даст плохой результат. Так я думаю, вернее, предполагаю, ибо я подписывал какой-то китайский документ, заполненный иероглифами, которых я не понимал. Ну, да все равно...

12 сентября. Оказалось, удалить корешок зуба было не так-то легко. Врач долго возился — пожалуй, около часу времени, с моею десною и челюстью, прежде чем извлечь небольшой корешок зуба; часто действовал при операции долотцем и молотком; и порядочно измучил меня. Весь день я просидел затем дома, сплевывая кровью, которая сочилась из раны.

Только поздно вечером я сделал небольшую прогулку по главной улице Посольского города — Legation street.

13 сентября. Воскресенье. Спал неплохо. С утра, с радостью констатировал, что вчерашняя операция не вызвала никаких дурных осложнений, и все обстоит в этом отношении благополучно.

Проездом из Калгана в Тяньцзинь в нашей квартире остановилась на некоторое время барышня Лида Филимонович, моя бывшая ученица. Она сообщила мне, что Аммендэ на днях собирается выехать из Калгана в Пекин.

Вечер сегодня я посвятил просмотру корзины с бумагами, оставшимися после смерти Д.П. Першина. Ничего, существенно интересного, в бумагах я не нашел.

14 сентября. День провел в хлопотах и разъездах. Побывал на почте, где сдал письмо жене, затем в госпитале, где записался на прием по нервным болезням, далее заглянул к Я.Ф. Звереву, у которого захватил пачку своих газет для чтения, а от него к доктору А.Ф. Баранову, с коим беседовал по поводу произведенной у меня зубной операции. Навестил и В.О. Клемма, которому сдал некоторые дополнения к переводу моей книги «В[еликий] О[тход]».

Вечер весь все же провел дома. Неожиданно появился у нас в гостях д[октор] Чердынцев, приехавший сюда на несколько дней из Тяньцзиня.

15 сентября. Ездил к издателю, французу Вечу, но не нашел его — еще не вернулся из Пэйтайхо.

16 сентября. Утром прогулялся я по городской стене Пекина, вблизи Посольского квартала. Со стены мне удалось наблюдать «голубой парад» американских солдат, маршировавших мимо приехавшего в Пекин американского адмирала. Издали солдаты, в голубых брюках на выпуск, напоминали мне наших прежних военных писарей.

Маршировали они ловко, искусно...

В час дня я отправился в госпиталь. В три часа я был принят доктором по нервным болезням (замечу здесь, что прием у любого доктора по третьему классу стоит в РУМС ровно двадцать центов). Доктор долго и тщательно осматривал меня, измерил давление крови (оказалось, 200) и заинтересовался деятельностью сердца. Не найдя, очевидно, у меня никаких специфических нервных болезней, осматривавший меня доктор дал мне настоятельный совет показаться на прием в клинику по сердечным болезням.

17 сентября. Часов в 11 утра, в клинике по сердечным болезням, меня принял доктор Vien, молодой симпатичный китаец. Он весьма внимательно отнесся ко мне, долго осматривал, выстукивал, выщупывал. Как и с другими докторами Рокф[еллеровского] госпиталя, я вел с ним разговор по-английски. Закончив осмотр, доктор написал длинное заключение о моей болезни на целых четырех страницах. Что-то, видимо, в моем состоянии обратило на себя внимание доктора. Он сказал мне, что придется сделать несколько рентгеновских снимков, и что самое лучшее — лечь мне на исследование в госпиталь, на неделю примерно; это исследование будет стоить долларов 25. Я с охотой согласился, ибо добивался этого и ранее, но не мог добиться.

Доктор написал на особом бланке распоряжение о приеме меня в госпиталь сегодня же. Я поехал домой, чтобы закончить необходимые дела: написать жене, предупредить Л.Н. Кукуранова и, самое главное, спешно достать где-нибудь 25 долларов для взноса в госпиталь. Эту сумму мне удалось раздобыть у Я.Ф. Зверева.

Итак, я в госпитале. Было три часа дня, когда я туда приехал. По взносе мной в конторе 25-ти долларов, у меня взяли под расписку все ценные вещи, которые были при мне, оставив только часы. Затем меня повели в ванную комнату, блестящую чистотой, как и все в этом госпитале; после ванны, надели на меня госпитальное белье китайского покроя, очень скверно на мне сидевшее. Мое же платье все было у меня отобрано. Дали мне туфли и халат, посадили на кресло с колесиками, и началось мое путешествие по госпиталю: повезли меня по коридору до лифта, подняли на второй этаж, опять долго везли по коридору и, наконец, водворили в огромную палату, где мне отведена была кровать в самом углу, у стены. Халат и туфли от меня взяли, чтобы не мог вставать и бродить где-либо. Так началось мое госпитальное житье.

18 сентября. Осмотрелся. В палате, где я лежу, находится человек двадцать больных. Все китайцы. Светло, все чрезвычайно чисто. Внимательные прислуга и сиделки. Врачи — китайцы, все молодые люди. Может быть, они еще не так опытные, как бы нужно было, но зато усердны, внимательны и не считают времени.

Вчера, по моем водворении, мною заняты два врача. Один вел обследование моих ушей носа, глаз, рта, горла, шеи и т[ак] д[алее], другой записывал с моих слов историю старых моих болезней, расспрашивал о моем отце, матери, братьях и сестрах, осведомлялся живы они или нет, если скончались, то от каких недугов.

Сегодня с утра мне очистили желудок, долго не давали есть, затем сняли с моей спины два рентгеноскопических снимка.

В палате сравнительно тихо, изредка только стонут или вскрикивают тяжело больные.

Три раза в сутки подают горячую воду, мыло и полотенце для омовений тела.

19 сентября. Сегодня с утра врачи вплотную занялись мною, влили в меня какую-то фиолетовую жидкость; затем служитель стал меня возить в комнату, где стояли аппараты рентгена, и специалисты начали делать снимки. Кажется, за день сделали пять снимков и произвели gastro-intestinal tract test³.

Я порядочно умаялся за день.

20 сентября.

Воскресенье. День отдыха и в госпитале. Врачи почти не беспокоили меня. Лежу спокойно, отдыхаю. К сожалению, нечего читать. Я захватил с собою только «Китайский Благовестник» — пекинское юбилейное (1685—1935) издание Духовной миссии. В этом сборнике полностью перепечатана моя статья «Албазин и Албазинцы». Я просмотрел этот сборник еще в первый день своего пребывания в госпитале, и мне теперь нечего читать.

Две недели уже я живу в Тяньцзине, пробыв в Пекине с мужем только один день. Он должен сделать все исследования в Рокфеллеровском госпитале — Лев Н[иколаевич] поможет ему в этом. Часто получаю открытки от него, с краткими сообщениями о ходе исследований. Пользуясь его отсутствием, произвожу ремонт квартиры: конторские рабочие белят и красят потолки и стены. Когда надоедает домашний разгром, оставляю боя смотреть за рабочими и ухожу к Остерман. Вечерами читаю книгу Фрейда о сновидениях.

³ Gastro-intestinal tract test — исследование желудочно-кишечного тракта

21 сентября.

Вероятно, сегодня и завтра будут готовиться мои рентгеновские снимки, и затем, особые специалисты будут их «читать» и представлять в нашу палату свои заключения по каждому снимку отдельно.

Лежу и порою тревожусь что-то покажут эти снимки? Вдруг они обнаружат, что у меня рак... значит, все кончено! Судьба, или не судьба? Ждешь, словно на суде, того или иного приговора.

К 10 часам утра я с Ольгой Влад[имировной] Остерман ходили в кафе Каразаса, выпили по стакану чаю, прочли газеты. Погода чудесная, и эта длинная прогулка доставила мне удовольствие.

22 сентября.

Лежу я по третьему классу, а, в общем, не могу пожаловаться на какие-либо неудобства. Я представлял себе худшее.

Каждый день посылаю из госпиталя открыточку жене, а иногда и целое письмо. Начал получать письма и от нее прямо на госпиталь.

Пришла открытка от мужа: в желчном пузыре у него найдены камни, боится, что необходима операция. Я — в страшной тревоге, плохо спала ночь. Все мои сны последнего времени, в общем, утешительные, но нужно пройти через печали. цЯ верю в свои сны и толкую их безошибочно. Молюсь горячо: сохрани, Господи, жизнь и здоровье мужа! На какие угодно жертвы пойду, чтобы только он был здоров и спокоен!

23 сентября.

Кормят меня по-китайски, но я охотно съедаю и китайский «чифан»⁴. Однако, кое-что прибавляют порою к еде и европейское. Я в нашей палате нахожусь на специальной диете, и мне подают к столу не то, что другим.

Для примера, я записал, что я кушал сегодня. В 6 ½ часов утра мне подали завтрак. Его составляли следующие блюда: одно яйцо в полусмятку, китайская чашка жидкой каши из проса (сяомицзы), чашка вермишели сваренной, полчашки яблочного пюре, несколько кусочков китайского хлеба — маньтоу, изрезанного и высушенного.

В 10 часов мне подали чашку какой-то киселеобразной жидкости, в роде разведенного горячею водою крахмала, и два фабричных бисквита.

В 12 часов я получил обед. Его составляли две чашки просовой кашицы, полчашки свекольного сока, треть чашки с кусочками вареной курицы, и сухарики-маньтоу.

В 3 ½ я получил небольшую порцию мороженого (белого и сравнительно мало сладкого).

В 4 ½ часа мне дали — я уже и не знаю, как назвать эту еду, ужин что ли? Это была чашка просовой каши, немножечко на дне чашки рубленого и сваренного мяса (похоже на нашу начинку для пирожков), какой-то вареный овощ (не смог его распознать) и чашка бобового молока.

В 6 часов мне принесли чашку какао и кусочек желтого бисквита.

Для питья подавали несколько раз в день горячую кипяченую воду.

В общем, не объешься, но и голоден не будешь.

⁴Чифан — еда, пища (кит. 吃饭, chī fàn)

Режим в госпитале сравнительно строгий. Мне приказано лежать, и потому мне не дают ни туфель, ни халата. Лежишь целый день и целую ночь. В кровати делаешь и «сябе» и «табе» - узнал и эти китайские слова, означающие малую и большую нужды человека.

Утром отправила длинное письмо мужу, со словами утешения и ободрения. В 4 часа зашел Мг. Могэ. Был страшно рад моему теплому приему, побежал в кондитерскую Сергеева, принес мне конфет и пирожных. Я, с грехом пополам, болтала с ним больше часа по-английски: все же практика.

24-26 сентября. Из бесед докторов между собою я стал понимать, что они находят и констатируют болезненное состояние моего желчного пузыря — сюда направлялось их наибольшее внимание.

Что же с ним? Как будто воспаление и притом воспаление хронического характера. Что делать? Необходима операция, причем мне дали понять, что чем скорее будет произведена операция, тем будет лучше. Особенно настаивала на этом женщина-врач, на попечении коей я находился. Другие доктора, обследовавшие состояние моего здоровья, находили, что операцию можно будет и отложить на некоторое время — месяц, два. Сам я стоял за отложение операции, ибо боялся за состояние моего сердца, имея в виду высокое кровяное давление. Кроме сего, я хотел еще проконсультировать мою болезнь с европейскими докторами, да хотелось устроить мне кое какие и личные свои дела — я уже больше трех месяцев не был дома. Надо было посоветоваться с женою.

Посему я взял у докторов отпуск от операции на месяц, два. Они на это охотно согласились.

24 и 25 сентября врачи еще делали некоторые испытания моего здоровья, исследовали деятельность почек и печени, и решили выписать меня из госпиталя 26 сентября. Я попросил их выписать меня в три часа дня, так как знал, что в два часа ко мне явится на свидание жена, решившая в день 26 сентября приехать в Пекин. Мне очень хотелось, чтобы жена повидала, в каких условиях я провел девять дней в госпитале. Затем, я рассчитывал, что она поможет мне выписаться из госпиталя и водворит меня снова на квартиру Л.Н. Кукуранова.

Утро 26 сентября я провел в некоторой ожитации [так в тексте], так как знал, что сегодня меня выпустят из госпиталя, и что сегодня я увижусь с женой. Был ли я доволен своим пребыванием в госпитале? И да и нет. «Да» - потому что китайские врачи проявили максимум внимания ко мне, и я лежал в очень хороших условиях. «Нет» - потому что диагноз врачей показался мне неясным, расплывчатым. Я много раз за последние дни спрашивал врачей, почему у меня болят руки, и жжет верхнюю половину тела, но получал ответы уклончивые: мы не знаем, не можем еще установить причин этих болей. Когда я спрашивал, не является ли причиной болезнь желчного пузыря, на это я получал тоже неопределенные ответы. Быть может, быть может, было просмотрено у меня при исследовании какое-нибудь серьезное нервное заболевание.

Но, впрочем, не будем больше говорить о болезнях.

В 2 часа дня в моей палате появилась моя жена, которая живо разыскала меня глазами среди многочисленных больных этой палаты. Мы радостно встретились, жена забросала меня вопросами о состоянии моего здоровья, об исследованиях. Час прошел незаметно. Посетителям нужно было уходить. Мы

расстались временно с женой, которая пошла разыскивать русскую переводчицу госпиталя, чтобы расспросить ее кое о чем относительно меня, а за мной приехало кресло, чтобы везти меня на выписку. Опять коридоры, опять лифт, ванная комната, где я переоделся в свое платье — и вот я уже сижу в конторе, куда вскоре пришла и жена. Ей очень понравился госпиталь, его блестящая чистота; она не ожидала, чтобы палата 3-го класса, в которой я лежал, была так велика и переполнена светом.

Хотел я было, по выходе из госпиталя, прогуляться пешком до Посольского квартала, но — полная неожиданность: ноги отказались мне слушать, голова кружилась, и я, держась за жену, еле-еле доплелся до рикши. Сказались 10 дней неподвижного лежания, от которого я, оказывается, очень ослабел.

Приехали домой, т[о] е[сть] в квартиру Л.Н. Кукуранова. Остаток дня мы с женой провели вместе. Жена привезла с собой из Тяньцзиня наши любимые пластинки — хор донских казаков Жарова, и мы устроили маленький концерт. Л.Н. Кукуранов, любитель хорошей музыки и пения, был очень доволен.

27 сентября. Воскресенье. Я хорошо выспался вчера, но слабость еще не проходит. Думаю просидеть день-два дома, буду пока привыкать ходить по комнате, прежде чем решусь выйти на улицу. Обсудили мы с женой положение и остановились на следующем: операцию отложить на месяц-два и попросить русских врачей госпиталя, Курочкина и Судакова, а также американца Леймана, специалиста по нервным болезням, ознакомиться с «историей» моей болезни. Кроме того, я решил вырвать два последних зуба из моей верхней челюсти, надеясь, что удаление их поможет исчезновению болей в руке. Значит, еще с десяток дней мне придется пробыть здесь, жена же сегодня должна выехать обратно в Тяньцзинь.

В 6 часов вечера жена уехала, увозя с собой корзину с бумагами и письмами покойного Д.П. Першина и оставив мне только одну корзину с моими вещами, чтобы мне легче было потом собраться.

28 сентября. День провел дома, отдыхал, набирался сил. Скучал. Вечером меня навестил Я.Ф. Зверев.

29 сентября. Сегодня дважды побывал в Рокфеллеровском госпитале, где был на приеме у зубного врача А.Ф. Баранова. Он, хотя с большой неохотой, согласился удалить мне два верхних зуба и назначил мне явиться на завтра утром. Ноги у меня как будто лучше стали ходить.

30 сентября. Утром Баранов вырвал у меня верхний коренной зуб. В момент вырывания я почувствовал сильную боль, но это было только одно мгновение: зуб вылетел молниеносно. Остаток дня провел дома, сплевывая кровь. С увлечением просмотрел трехтомный труд: «Военные события в Китае», изданный Русским генеральным штабом и описывающий подавление боксерского восстания в 1900 году в Китае иностранными войсками. Из этого труда совершенно ясно видно, что иностранный Тяньцзинь в этом году спасли от разгрома китайскими солдатами и китайской чернью не кто иные, как русские офицеры, солдаты и казаки.

1 октября.

Выдернул верхний зуб-клык, крепко сидевший в моей челюсти, настолько крепко, что доктор едва вытянул его, да и то не сразу: зуб сначала сломался, поэтому пришлось потом выдалбливать корешок...

Вся эта операция как-то нервно намучила меня — одно время я готов был кричать, чуть не плакать.

Получил письмо от жены. В нем были и некоторые утешительные для нас новости, которые подтверждают старое правило, гласящее, что друзья познаются в беде. Пришли к жене наши старые знакомые — супруги Д.А. и Е.С. Курбатовы и принесли ей, по собственному почину, чек на сто рублей, со словами:

— Мы слышали, что Вашему мужу предстоит операция, и на это у вас не хватает средств, примите от нас поэтому сто долларов. Поправится ваш, муж, поправятся ваши дела, и вы вернете нам этот долг. Есть еще добрые люди на свете!

Муж должен вернуться домой: операцию ему отложили месяца на два, ввиду общего его плохого состояния. Посоветовали ему пожить спокойно дома, полечиться, отдохнуть, укрепить сердце. У него есть попутчик сюда из Пекина, а здесь я встречу его на вокзале.

2 октября. Я в нерешительности. Не знаю, что делать, возвратиться ли на некоторое время в Тяньцзинь, или же делать операцию.

Жду, что скажет по этому вопросу д[октор] Судаков, обещавший мне познакомиться с историей моей болезни.

Мой милый хозяин Л.Н. Кукуранов, не только внимателен очень ко мне, но и заботлив.

3 октября. Утром повидал Домрачева и Клемма. Последний уже заканчивает перевод моей книги.

Л.Н. Кукуранов выехал сегодня на одни сутки в Тяньцзинь, где обещал навестить мою жену и пообедать у нас.

Чувствую себя плохо, несколько не лучше, чем это было до поступления моего в госпиталь.

Читаю весьма интересную книгу Сергея Георгиевского «Важность изучения Китая» (СПб., 1890).

4 октября. Что-то никто ко мне не заглядывает. Так мало стал я кому-нибудь нужен теперь.

5 октября. В нашем доме поселился гость из Шанхая — *Георгий Евгеньевич Ильяшевич*, молодой инженер, находящийся на муниципальной службе. Отец его в военные годы (1915-1911) был начальником штаба Иркутского военного округа. Ильяшевич участвовал в Гражданской войне в Сибири, а в годы эмиграции сумел прослушать курс наук в Харбинском политехнике и получил звание инженера. Новый знакомый произвел на меня хорошее впечатление.

Д[окто]р Судаков ознакомился с историей моей болезни и посоветовал мне, через Л[ьва] Н[иколаевича] проконсультировать еще с лучшими китайскими докторами РУМС и операцию отложить.

6 октября. Виделся с Я.Ф. Зверевым. Он беседовал с профессорами Курочкиным и Лейманом, ознакомившимися с результатами обследования моего здоровья. По мнению профессоров что-то в состоянии моего здоровья не попало в поле исследования. Возможно, что это «что-то» принадлежит к болезням нервным.

Сегодня с Ильяшевичем я побывал в Центральном парке и в Храме предков императоров Маньчжурской династии — Тай-мяо: и в храме, и в парке мой спутник произвел ряд фотографических снимков. На двух снимках он снял и меня. Ильяшевич получил в Шанхае месячный отпуск и решил использовать свой летний отдых для целей ознакомления с Пекином. В старую столицу Китая он приехал со свежей книгой о Пекине принадлежащей перу Арлингтона. Я читал выдержки из этой книги — полное название «In Search of Old Peking» — и нашел, что она весьма интересна.

7 октября. Был в Рокфеллеровском госпитале на приеме у доктора Дуна, специалиста по сердечным болезням. Доктор уже ранее, как-то, в палате знакомившийся с состоянием моего здоровья, дал мне авторитетный совет отложить операцию на месяц, два.

Надоело, надоело и надоело быть больным и шататься по госпиталям. Меня потянуло домой, в Тяньцзинь, в свой угол, под крыло жены.

8 октября. Жена сообщила мне, что в ближайшую субботу приедет в Пекин. Я было собирался сам завтра выехать в Тяньцзинь.

9 октября. Сделали большую поездку и прогулку совместно с Ильяшевичем, в Бэй-хай. Впервые в жизни я побывал и осмотрел нечто вроде круглой крепостцы, находящейся недалеко, налево от входа в парк Бэй-хая.

Сверху крепостцы раскрывались прекрасные во все стороны прекраснейшие виды. Радовала мое сердце и находящаяся здесь громадная белая сосна — прекрасный образчик этого редкого дерева. Повидал здесь я и громадную зеленую нефритовую чашу, художественно отделанную, возможно, относящуюся еще ко временам Монгольской династии в Китае, белого Будду и еще кое-что.

На фото *Белая пагода*, Парк Бейхай.

Ильяшевич, Георгий Евгеньевич. Его отец был начальником штаба Иркутского военного округа. Являлся участником Гражданской войны в Сибири. Окончил Харбинский политехнический институт. Инженер в Шанхае.

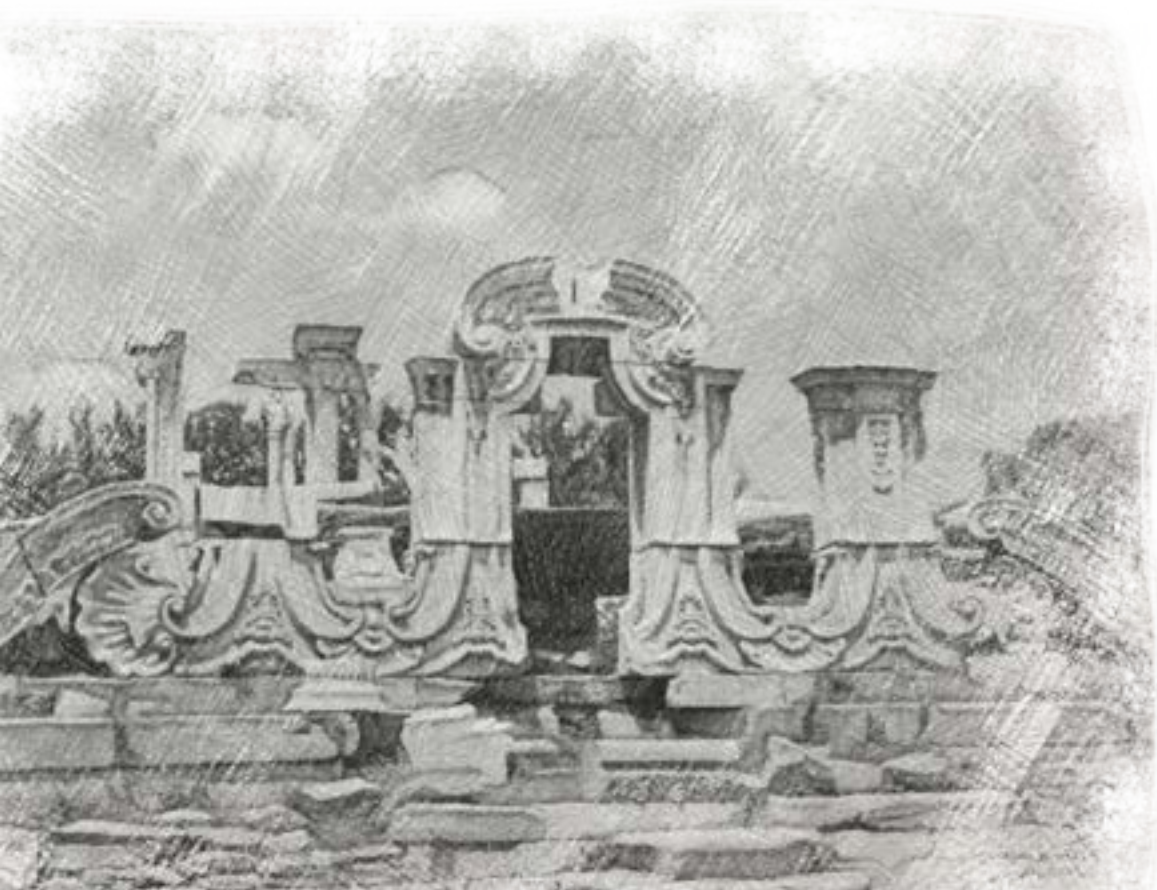
В парке Бэй-хая мы разошлись с Ильяшевичем: он стал взбираться на холм, к Белому Субурчану, а я пошел вдоль озера, чтобы дойти до ресторана и попить чаю на свежем воздухе.

Когда я шел вдоль берега, над озером протянула стайка уток. Сначала я просто не поверил глазам: пригляделся, вижу — утки, действительно. Немного погодя протянули еще четыре утки. Где-то, далеко, в старых изгибах моей души, зашевелились мои охотничьи инстинкты. Утки в Пекине — как это странно! Вероятно, эти бывшие императорские озера — Бэй-хай, Чжун-хай, и Нань-хай; представляют раздолье для болотной и водяной птицы.

Сидя на берегу озера, за чашкою чая, я долго наблюдал за полетами, с места на место, цапель — я думаю, давнишних обитателей Бэй-хая.

10 октября. В 11 ½ часов утра приехала жена. Решили сегодня же выехать в Тяньцзинь с поездом, который выходит отсюда в 4 часа дня.

11 октября. Воскресенье. Вчера, часам к семи вечера, я был уже у себя дома, в своей собственной квартире, в Тяньцзине. Снова в уюте, тепле и чистоте, под крылом жены, среди своих книг, рукописей и пр[очее].

Декабрь 1936 г. — февраль 1937 г.

Записи Ивана Иннокентьевича и Александры Николаевны Серебринниковых

17–31 декабря. Выехали мы, трое, в Пекин 17-го декабря утром, в 9 ч[асов] 25 м[инут] Поездку по ж[елезной] д[ороге] я перенес сравнительно хорошо. От Пекинского вокзала до квартиры Л.Н. Кукуранова дошел даже пешком, порядочно, впрочем, уставши от этой прогулки. М.Е. Остерман проехал в город, чтобы поискать себе пристанище в каком-нибудь из русских бординг-хаузов.

Л[ев] Н[иколаевич] встретил нас с женою радостно и тепло, посетовал, что М[ихаил] Е[вгеньевич] не заехал тоже к нему.

17 декабря. Утром, с поездом в 9.25, мы втроем выехали, третьим классом, из Тяньцзиня. Доехали хорошо. По дороге местами лежит снег; воздух чистый, небо синее — не то, что у нас. С пекинского вокзала муж прошел пешком до квартиры Л[ьва] Н[иколаевича]. Очень устал, был бледен, весь день лежал. М.Е. Остерман остановился в отеле «Дю Норд», но Лев Н[иколаевич] уговорил его переехать к нему; он займет комнату рядом с нами.

Старый Восточный вокзал. В настоящее время в здании располагается пекинский музей ж/д транспорта. Работал с 1901 года по 1959, когда его заменил Центральный вокзал Пекина. Постройкой здания занимались европейцы сразу после подавления восстания ихэтуаней. Вокзал задумывался как конечный терминал линии на Тяньцзинь, то есть, к Бохайскому заливу.

После обеда я и Мих[аил] Евг[еньевич] поехали в госпиталь, где он записался к докт[ору] Баранову на выдергивание зуба. Я же свиделась с Р.С. Тарариной, которая обещала все мне устроить для мужа.

Вчерашний вечер провели дома в безделье с Л[ьвом] Н[иколаевичем]. Утром сегодня перебрался к нам и М.Е. Остерман. В 2 часа я повезла мужа в госпиталь, чтобы показать его врачам, но это не вышло; зато обещали завтра утром принять его в оперативную клинику. Госпиталь — как огромный муравейник, где работа кипит непрестанно; поражает чистота и блеск всех его помещений. Огромный штат служащих и врачей — все в белоснежной одежде. Движение по коридорам непрерывное, но бесшумное. Все это вселяет доверие, надежду, что здесь сделают все возможное, чтобы не дать умереть больному. Моя душа наполнилась этим чувством, и я немного повеселела.

19-го около полудня я уже лег в хирургическую палату Рокфеллеровского госпиталя, где поместился по третьему классу... с китайцами. В палате было до сорока пациентов, из них двое русских: священник о[тец] Порфирий из местной духовной миссии и некто г[осподин] Салтыков, коммерсант из Тяньцзиня.

19 декабря. В 9 часов утра я отвезла мужа в госпиталь. Просидела с ним там часа три, пока освободилась для него кровать. Потом мужа увезли на передвижной кровати в ванну, я дожидалась, и после пошла за ним наверх, где в небольшой палате уложили его одного, застав постель множеством белоснежных простыней. Молодой симпатичный nurse¹-китаец сказал мне: «Очень хорошо — first class²!» Я побыла у мужа четверть часа, вернулась к обеду домой, а в два часа опять поехала к мужу: с 2-х до 3-х часов ежедневно — прием посетителей. За это время мужа уже переместили в другую палату, на две кровати; сосед у него — китаец, раненный в голову.

Вечер я провела дома, с Мих[аилом] Евг[еньевичем]. Л[ев] Н[иколаевич] уезжал куда-то ужинать. Было скучно, и тяжесть лежала у меня на сердце.

¹Nurse — медсестра, медбрат.

²First class — первый класс.

Отец Порфирий (в миру Качан, Петр) (12 мая 1881, Грайворонский уезд Курской губ. — 1 нояб. 1938). Иеромонах (с 1926) и богослов. Участник русско-японской войны. Послушник Шмаковского Троицкого монастыря в Приморье (с июня 1906). Монах (апр. 1911). Бежав из Приморья, зачислен в братию Казанско-Богородицкого монастыря (с 1924) и Успенского монастыря в Пекине (с 1931). Иеромонах (16 мая 1926). Жил в Шанхае (с марта 1937), откуда переведен в Свято-Иннокентьевскую церковь на ст. Маньчжурия.

20 декабря. Была после обеда на свидании с мужем. Оттуда прошла к Р.С. Тарариной — и засиделась у нее до вечера; пили чай, много беседовали. Она — симпатичная и неглупая женщина. У нее — славный сын, юноша 21 года. Вечером сегодня я и М.Е. Остерман пригласили Льва Н[иколаевича] поужинать с нами в ресторане Шикина.

21 декабря. Вчерашний ужин прошел хорошо: были вкусные пельмени, а до них разнообразные закуски. Мы втроем выпили небольшой графинчик водки, но мне не стало веселее: тоска и боль за мужа не дают мне роздыха. Вернулись мы домой к 11-ти часам. Лев Н[иколаевич] стал переводить на английский язык историю болезни моего мужа (написанную им еще в Тяньцзине), а я писала под его диктовку. Это заняло полтора часа времени. Потом я уснула крепко до утра. Сегодня к полудню Мих[аил] Евг[еньевич] перепечатал наш перевод на машинке. За утро я побывала у В.О. Клемма, но не застала его. Потом, по делам мужа, зашла в «Hotel des Peking» к В.И. Розанову. Он пополнял, посидел — я не видела его несколько лет. Приглашал меня к себе — он давно женат, был очень любезен.

После обеда я пошла в госпиталь, отдала Р.С. Тарариной историю болезни мужа, для доктора Леймана. Она разрешила мне забежать на минутку к мужу, что я с радостью и сделала. Он был очень удивлен, откуда я взялась в неуказанный час. Мы поболтали минут 10, никто меня не увидел, и я благополучно ушла обратно. По дороге зашла в русскую библиотеку, записалась на две книги и прочитала «Зарю» за последние дни.

Вторично зашла к Клемму, застала его и передала ему поручение моего мужа. Вернулась домой — у нас сидели гости, отец и сын Исаевы. Оба они очень хорошо относятся ко мне. Мы пили чай, вспоминали старину... М.Е. Остерман собирается завтра ехать домой, соскучился; завтра утром ему удаляют последний зуб.

Муж сказал мне при сегодняшнем свидании, что его будут проводить по всем клиникам, для всестороннего обследования перед операцией.

22 декабря. Утром писала письма, побывала в Hotel des Peking у Розанова. Получила книгу Арлингтона «In Search of old Peking» - он подарил ее мужу со своим автографом, в обмен на альбом старинных пекинских фотографий, который муж дал ему. Обмен для них выгодный: книга Арлингтона стоит около 13-ти долларов, а альбом нам совсем не нужен. После обеда была на свидании с мужем. Нашла его страшно взволнованным и нервным — невозможная выходка Успенской, о которой он мне рассказал, вывела его из равновесия, и он уже собирался бежать из госпиталя. Насилу я его уговорила и успокоила. Докуда он, бедный, будет мучиться; скорее бы уже все выяснилось... Тарарина сказала мне, что операция мужа будет после англ[ийского] Рождества, т[о] е[сть] дня через 2-3... Вечер я провела дома, брала ванну, потом долго читала. Сейчас иду спать.

В течение четырех дней я находился под наблюдением врачей, и состояние моего здоровья было дополнительно исследовано. Были сняты, напр[имер], рентгеноскопические снимки с почек и т[ак] д[алее]. Некоторое время я все еще не знал, будет ли произведена операция мне или нет, и только **22-го вечером** мне объявили, что на следующий день, в 9 часов утра мне сделают операцию.

Как я не был готов к этой вести, все же я струхнул, памятуя, что года мои немалые, и сознаюсь: ночь перед операцией провел почти без сна. Не спалось.

Утром 23-го декабря к моей кровати подкатили особую койку, на коей возят больных в операционную комнату, и я поместился на ней. Начали меня усыплять. Я был сравнительно в бодром состоянии, старался беседовать с окружающими меня лицами; меня интересовал вопрос, как я лишусь сознания — сразу ли, или же будет некое переходное состояние.

Я был бодр, беседовал и в одну секунду, молниеносно, потерял сознание, погрузился во временное «небытие», не испытавши ровно никакого переходного состояния.

Как мне потом сообщили, моя операция продолжалась не менее двух часов времени.

После операции меня поместили одного в отдельную комнату, предназначенную для тяжело больных на послеоперационное время.

Очнулся я после операции не сразу. Первые впечатления, кои я получил, когда стало возвращаться ко мне сознание, были отрывочные: я почувствовал, что около меня возится и суетится много народа — мне мерили температуру, следили за моим пульсом. Я слышал отдельные фразы, из коих я мог заключить, что у меня удалили желчный пузырь, что он оказался очень большого размера, и в нем было четыре камня, и что, слава Богу, никаких раковых опухолей у меня не найдено, и что операция прошла хорошо.

Глубоко до сознания эти фразы не доходили; я не мог вести связного разговора. Я ненадолго открывал глаза, потом снова закрывал их и засыпал и т[ак] д[алее]. Кажется, мне впрыскивали и морфий.

Смутно помню, что около моей постели присел ненадолго М.Е. Остерман, и я сказал ему:

— Ну вот и взрезали меня.

В минуты сознания, я отчетливо ощущал: возле моего изголовья сидела, как ангел-хранитель, моя жена, заботливо утирала платком пот с моего лица и участливо говорила мне:

— Ну, мужик, ничего... Теперь все будет хорошо. Плохое все осталось позади.

Но я не мог вести с нею длинного разговора и бросал порою только отдельные реплики. Я лично даже не помню совсем этих реплик.

По словам жены, я однажды сердито сказал ей:

— Увези меня отсюда...

Жена, по ее словам, спрашивала меня:

— Ты узнаешь меня?

— Узнаю, — коротко отвечал я.

— Кто же я такая?

— Ш-у-урик..., — печально тянул я.

В общем, мне было тяжело. Я выдыхал из своих легких много эфира. Порою мне приносили баллоны с кислородом и давали дышать этим живительным газом. Наркоз я перенес все же хорошо: меня не тошнило, не рвало. Сильно бросало в испарину.

К вечеру я понемногу пришел в себя. Вспоминаю, вечером посетил меня д[окто]р П.С. Судаков, и я вел с ним уже связную беседу.

Несколько дней я сильно страдал от испарины, и таковая меня покинула, кажется, только на пятый день после операции. Мучила меня несколько и легкая лихорадка.

23 декабря. Навсегда для меня знаменательный день. Прошла я утром с М.Е.Остерманом в госпиталь и узнала от Тарариной, что мужа уже оперировали сегодня: час тому назад закончилась операция. М[ихаил] Е[вгеньевич] знал об этом еще вчера от Льва Н[иколаевича], которому протелеграфировал доктор Судаков, и они все трое решили скрыть это от меня. И я, ничего не подозревая, проспала всю ночь, как убитая.

Когда Тарарина сказала мне об операции, нервы мои не выдержали, я расплакалась и стала упрекать Тарарину, что она не предупредила меня накануне, не дала мне повидать мужа - а вдруг он умер бы под ножом, и я даже не простилась бы с ним. Но она утешала меня тем, что все прошло хорошо, сердце и пульс у мужа нормальны; говорила, что если бы я знала об операции вчера, я только напрасно волновалась бы, и т[ому] п[одобное].

Мне позволили пройти к мужу; он еще не очнулся от наркоза. Я сидела возле него два часа; с трудом он приходил в себя, иногда узнавал меня, потом опять засыпал; сильно метался, раскидывал руки. Около него непрерывно дежурили nurses: каждые пять минут слушали пульс, измеряли температуру, закрывали его теплыми одеялами до горла, когда он раскидывался. Я съездила на минутку домой, простилась с Михаилом Е[вгеньевичем], который уезжает сегодня, и опять полетела в госпиталь. Муж был уже в сознании. Вид его меня ужаснул: он был весь в холодном поту, иссиня-бледный, почти не мог говорить и тяжело стонал. Ему сделали при мне укол, чтобы он заснул, и он поспал тихо и спокойно около часа. Все время входили к нему то доктор, то сестра-американка, то nurse-китайцы и практикантки-молодые китайки; переворачивали его с боку на бок, чтобы наркоз не задерживался в легких. Когда муж проснулся, дали ему подышать кислородом.

Я пробыла у него до 7 часов. Зашел при мне к нему доктор Судаков, поговорил с ним минут десять. В это же время мы передали записочку от Льва Н[иколаевича], который пришел в госпиталь узнать о здоровье мужа. Муж очень доволен их вниманием.

Я узнала от доктора Судакова, что у мужа совершенно удалили желчный пузырь, в котором отказались три больших камня. Один из камней почти загородил выход, и это могло стать опасным для жизни, если бы не поспешили с операцией. Вот в чем и была причина страданий мужа за последние месяцы.

В госпитале идут деятельные приготовления к Рождеству; все палаты 3-го класса убраны бумажными гирляндами и цветными фонариками, на всех окнах круглые щиты из зеленой туи, с красными бумажными лентами, к кровати каждого больного прикреплен большая красная бумажная роза. В общей палате посередине стоит небольшая елочка, украшенная разноцветными лампочками. Перед зданием госпиталя, на наружной площадке, уже горела невысокая елка, когда я уходила, после 7 часов, домой.

24-го, в иностранный Рождественский сочельник, вечером меня снова навещил д[октор] П.С. Судаков, и мы с ним наблюдали, как по палатам проходили процессии, состоявшая из служащих госпиталя китайцев-христиан и европейцев. Участвовавшие в процессии проходили мимо нас, держа в руках зажженные свечи, и пели торжественные рождественские гимны под аккомпанемент скрипки.

В палате была зажжена елка, и все комнаты хирургического отделения были украшены бумажными цветами и т[очку] п[одобными] украшениями.

Жена навещала меня аккуратно по вторникам, четвергам, субботам и воскресеньям, от 2 до 3 часов дня. Я всегда с нетерпением ждал этих часов.

24 декабря. Сочельник. День чудесный, очень мягкий и теплый. Рано утром я поехала в госпиталь, зашла к мужу; у него была Р.С. Тарарина. Он очень страдает от боли, почти не может говорить, тяжело дышит. Сердце мое разрывалось от жалости к нему. Я утешала его, что теперь уже недолго терпеть, и только физическую боль, душевно же мы должны быть спокойны, так как у него не оказалось самого страшного, чего он боялся — рака; что только первые 3-4 дня тяжелы, потом будет все лучше и лучше.

Оказалось, что мне нужно получить Special permission³ для входа к мужу - мне сказала об этом Тарарина. Я бросилась в контору за разрешением, но китаянка-заведующая отказала мне в нем, на том основании, что операция была вчера, а не сегодня. Я не выдержала, разрыдалась, пробовала ее уговорить, но безуспешно. Тогда я сказала ей, что обойдусь без разрешения, и ушла все-таки к мужу; побыла у него минут десять, все плакала, не могла совладать с собой, а мужу говорила, что плачу от радости, от того, что все страшное миновало. Оставила его в тяжелом состоянии, страдающим от сильных болей. Вернулась домой и в течение полутора часов плачу, не переставая. Господи, только бы пережить благополучно эти страшные три-четыре дня!

После обеда сегодня — общее свидание. Я увижу мужа снова.

Пишу, вернувшись домой. Муж выглядит чуточку лучше, чем утром, но говорит все еще с трудом; немного повышена температура. Может быть, это естественное явление после операции, но я уже боюсь. Мы мало разговаривали, муж дремал, я читала подле него. Часто приходила

практикантка, молоденькая и симпатичная китаянка: давала мужу есть с ложечки какой-то кисель, чистила ему зубы щеткой, давала полоскать рот, поила чаем.

После приема я беседовала с Р.С. Тарариной. Она уверяла меня, что все у мужа идет хорошо, нет никаких осложнений, что дня через два ему будет много легче. Говорила, что она часто к нему заходит, наблюдает, чтобы он был тепло укрыт, так как простуда после наркоза очень опасна; что весь персонал 3-го класса очень хорошо относится к моему мужу, все к нему внимательны и хорошо смотрят за ним. Все это до некоторой степени успокоило меня. Я уже убедилась сама, что в Рокфеллеровском госпитале постановка дела идеальная.

По дороге домой я зашла в библиотеку, переменяла книгу, почитала Тяньцзинские газеты, из которых узнала, что в нашем «родном» болоте все благополучно.

Сейчас прислали Льву Н[иколаевичу] громадную корзину цветов к английскому Рождеству. Завтра он не работает.

11 часов вечера. Прислали много подарков Льву Н[иколаевичу]: серебряные вазы, альбом очень оригинальных китайских цветочных рисунков, изящные пепельницы, большую китайскую картину. Мы встретили праздник, хотя и «не наш», зубровкой, которую купил Л[ев] Н[иколаевич], легкой закуской, ужином и фруктами. Л[ев] Н[иколаевич] рассказывал очень интересный эпизод из своей жизни в 1918 году, когда он едва спасся от угрожавшей ему гибели в Иркутске. Вечер прошел незаметно, и в разговоре я немного отвлеклась от щемящей мою душу печали о муже. Что-то даст завтрашний день!

25 декабря. Англ[ийское] Рождество. Л[ев] Н[иколаевич] получил много поздравительных карточек, в доме как будто праздник, а я почувствовала себя ужасно одинокой и покинутой. Все утро я провела дома, писала письма. Получила очень теплое письмо от О.В. Остерман. Л[ев] Н[иколаевич] вернулся в час после экскурсии в один из отдаленных пекинских храмов, с ним пришла его знакомая, скромная по виду девушка, Женя Пикок⁴. Мы пообедали втроем. До пяти часов я проскучала — одна, все разошлись; поспала, почитала. Было тоскливо и беспокойно. В 5 часов пошла в библиотеку, почитала газеты, потом зашла к Тарариной, мы побеседовали часок. Она предложила мне сходить к ней в госпиталь, узнать о здоровье мужа; она живет рядом с главным госпитальным зданием. Какими-то длинными коридорами и переходами она провела меня в помещение, где в одной из отдельных палат лежал мой муж. Я осталась за дверями, она вошла в палату, потом поговорила о чем-то со старшим nurse и вдруг поманила меня пальцем: nurse — очень милый китаец — разрешил мне войти на минутку к мужу. Я радостно бросилась туда, но муж, увидев меня неожиданно, до того разволновался, что не мог выговорить ни

³Special permission — специальное разрешение.

⁴Евгения Александровна Пикок, обрусевшая англичанка; жила в Пекине.

слова, и я страшно испугалась, начала успокаивать его. Минут через пять я ушла, сердечно поблагодарив доброго «nurse». Р.С. Тарарина сказала мне, что все у мужа идет хорошо, температура вечером 37, часть швов на разрезах уже сняли. Со стесненным сердцем и со слезами на глазах ушла я домой, поблагодарив горячо Р[аису] С[тепановну] за все, что она для меня сделала. Л[ев] Н[иколаевич] видел доктора Судакова; он тоже говорит, что все идет хорошо, и что муж справится со всеми последствиями операции.

26 декабря. 8 ½ часов утра. Жду Льва Н[иколаевича] к чаю, и пока пишу дневник. Вчера вечером я сидела за штопкой до 11-ти часов, а Л[ев] Н[иколаевич] читал мне вслух «Воспоминания» Коковцева, чрезвычайно интересные. Ночью в 4 часа я внезапно проснулась от крепкого сна: показалось, будто что-то стукнуло в комнате. За окном шумел ветер, налетал резкими порывами, и в ответ ему стучало и гремело что-то под крышей. Первая моя мысль, как при всяком пробуждении моем теперь, обратилась к мужу: хорошо ли он спит сейчас? Полегчает ли ему завтра? Полежала я без сна с полчаса, все думала, потом помолилась горячо и заснула снова до половины восьмого. Сегодня погода изменилась, дует холодный ветер с пылью. Пришел Л[ев] Н[иколаевич], будем пить чай.

В 9 ½ часов я уже была в госпитале. Сразу же встретила Тарарину, она возвращалась из палаты моего мужа. Говорит, что все прекрасно, температура нормальная, и уже возобновились естественные отправления; отсутствие их очень мучило Ивана Ин[нокентьевича]. Я ушла успокоенная. К двум часам опять пришла в госпиталь, на свидание с мужем. Вид у него лучше, и голос чище, но, в общем, он мне сильно не понравился: лежит весь в испарине, руки и ноги холодные, страшно нервничает и волнуется, чуть не плачет. Я позвонила nurse, попросила дать теплое одеяло, но и под ним муж не мог согреться. Очень печально было у меня на душе, но я старалась быть спокойной, весело разговаривала с мужем, ободряла его всячески.

Я думаю, еще дня два будет длиться это тяжелое состояние. Потом, если Бог будет милостив к нам до конца, муж начнет постепенно поправляться. Какое это будет счастье, когда он опять вернется к жизни и к работе! Когда я представляю его снова здоровым и полным сил, жизнь впереди начинает казаться мне светлой и безоблачной.

Из госпиталя я пришла домой пешком; ветер немного утих, было тепло. Я чувствовала себя страшно усталой; выпила дома чашку горячего чаю и легла с книгой на кушетку. Пролежала до 6 часов, не хотелось ни вставать, ни двигаться. Л[ев] Н[иколаевич] сегодня не ужинает дома, поэтому я попросила Феклушу дать мне ужина пораньше. Потом читала «Воспоминания» Коковцева, не могла оторваться — прочла более ста страниц. Приняла ванну, записала сегодняшний день в свой дневник и сейчас иду спать.

27 декабря. Пришли письма от Миши и Лиды, от Курбатовых, поздравительная карточка от Ровенских и Мг. Мого и открытка от М.Е. Остермана. Сегодня я с трудом встала с постели: тяжелая голова, и на душе скверно. Снились какие-то глупые и неприятные сны. И все утро чувствую себя неважно. Не пойму, в чем дело. Еле-еле скоротала время до обеда.

7 часов вечера. Сегодняшнее свидание с мужем меня успокоило: он выглядит гораздо бодрее, глаза живые и голос стал лучше. Все идет хорошо. Профессор Лаукс заходил к нему, посмотрел разрез на животе, сказал: «good⁵!» Только сегодня спала с моей души та страшная тяжесть, которая давила ее все последнее время.

Сиюю одна, Л[ьва] Н[иколаевича]. Он заходил сегодня к мужу во время приема, Ив[ан] Ин[нокентьевич] был очень рад.

28 декабря. Все утро переписывала дневник Л[ьва] Н[иколаевича]; осталось уже немного. Чувствую себя лучше. Обедали у нас Исаевы. После обеда я пошла в библиотеку, потом в Hotel des Peking, получила от В.И. Розанова справку о книге Ив[ана] Ин[нокентьевича]. Проданы 3 экземпляра. Я взяла деньги за них. Потом пошла в госпиталь, поговорила с Тарариной. Она еще не была сегодня у Ив[ана] Инн[нокентьевича], но знает, что все хорошо. Со слова врача — хирурга, делавшего мужу операцию, она рассказала, что желчный пузырь у него был ненормально увеличен, и были подозрения, что в этом месте у него раковая опухоль. Было сделано, оказывается, лабораторное исследование на предмет наличия рака и И[вана] И[ннокентьевича], и результат был negative⁶, слава Богу. Встретила Успенскую, она сказала, что заходила к И[вану] И[ннокентьевичу], но он крепко спал в это время.

Выйдя из госпиталя, я пошла пройтись по Хатамен-стрит. День был чудесный; мягкий, теплый воздух и чистое голубое небо напоминают о близкой весне. Скоро уже и будет весна, зима здесь длится недолго. На Хатамен я закупила, по просьбе Льва Н[иколаевича], продуктов к ужину. Исаевы будут у нас ужинать сегодня и останутся ночевать. Вернулась домой к 5 часам, напоила чаем гостей, Феклуша накрыла стол к ужину. Мы провели время, в ожидании хозяина, за оживленной беседой. Ол[ег] Ив[анович] Исаев рассказывал много интересного о своем участии в Германских и Гражданских войнах. Конечно, окунулись в пучину воспоминаний о старой России. Пришел Л[ев] Н[иколаевич], и мы поужинали с неизменной бутылкой «зубровки»⁷, очень хорошо и весело. К 10 часам все разошлись по своим комнатам.

Получила от Миши пачку газет и письмо. Дома у нас все благополучно.

⁵Good — хорошо.

⁶Negative — отрицательный

⁷Зубровка — алкогольный напиток (настойка горькая) крепостью 40°. Настаивается на траве Зубровка.

29 декабря. Ночь спала плохо, было очень жарко. Сегодня погода меняется, пасмурно. Утром, как всегда, писала; после обеда была у мужа. Он бодр, самочувствие улучшается. Вчера его, на его кровати, увезли на лекцию проф[ессора] Лаукса, в аудиторию госпиталя; лекция была о произведенной мужу операции, и демонстрировали вырезанный у него пузырь. Лаукс находит случай интересным.

Была у мужа М.Т. Ровенская⁸. Она только сегодня узнала об операции Ив[ана] Ин[нокентьевича], и тотчас же пошла его навестить. Очень мило с ее стороны. Был вчера у мужа В.А. Зубец.

Получила письмо от О.В. Остерман, как всегда, теплое и сердечное. Пришли новогодние поздравления от Веры Ник[олаевны] Лесли и от «Tientsin Investment Corporation» (чего ради!)

Под вечер мне стало скучно. За окнами — серое небо, все точно притихло в природе и ждет чего-то — снега, наверное. Рано я обрадовалась весне. Сижу одна-одинешенька в квартире.

К **30-му** я почувствовал себя уже определенно лучше: начал самостоятельно повертываться со спины на бок. Кажется, в этот день меня уже переместили в общую палату.

30 декабря. Пошли утром в госпиталь, чтобы передать мужу записочку. Успенская разрешила мне зайти к нему самой, что я с радостью и сделала. Муж дремал, когда я вошла. Вид его меня порадовал: он очень бодр и весел, хорошо проспал ночь, говорит, что может уже сам переворачиваться с боку на бок. Я побыла у него минут 15, потом в прекрасном настроении пошла домой. После обеда опять долго бродила, была на Хатамен в разных лавках. До ужина писала письма в Тяньцзинь.

Предполагавшаяся Л[ьвом] Н[иколаевичем] встреча у него Нового года не состоится. Решили просто сделать ужин 1-го января, когда будут у нас Исаевы. Я этому рада; нет настроения ни на какие «встречи», пока муж еще болен.

31 декабря. Последний день этого проклятого года ... Сколько он унес с собой жизнью, сколько посеял болезней, горя, нужды. За этот год умерло больше десятка наших хороших и близких знакомых. Для нас с мужем этот год был тягчайшим в нашей жизни. Но, слава Богу, сегодня ночью мы вступаем в новую эру — да будет она счастливой, спокойной, и плодотворной и для нас и для всех русских на чужбине!

Была у мужа; его уже перевели в общую палату, очень большую, с избытком света и воздуха. Напротив мужа лежит другой русский больной, Салтыков; болеет уже месяц. Я его знаю немного по Тяньцзиню; подошла, поговорила с ним. Он очень скучает, просил у меня русских газет. Я обещала принести. Вот теперь мужу есть с кем поразговаривать.

Мне нездоровится сегодня, тяжело болит голова. Стоит какая-то странная погода: тепло, как в марте, и этот нагретый, весенний воздух расслабляет и вызывает истому и усталость во всем теле. Хотелось бы бодрящего морозца со снегом, как полагается к нашему Рождеству.

Меня уже сильно тянет домой, к моей налаженной привычной жизни. Хочется снова работать, я истомилась от теперешней пустоты моих дней. Скорее бы поправлялся муж!

Новый **1937 год** я встретил, лежа в этой палате, среди китайских больных. Я вспоминал с ужасом об ушедшем годе — очень тяжело провел я его; оказался он роковым для многих моих друзей и знакомых.

1937 год

1 января – 8 января. В Новом году я пролежал еще восемь дней в хирургической палате и выписался из госпиталя только на второй день нашего Рождества Христова.

Я медленно поправлялся после операции, набирался сил. За два дня до выхода из госпиталя, я впервые после 23-го декабря встал на ноги возле своей постели и с большим трудом обошел кругом последней. Как будто, в смысле операционном, все сошло хорошо, и далее мое послеоперационное выздоровление протекало нормально..., но — моя боль в правой руке продолжала оставаться и даже обострилась, остались и мои ощущения «жжения». Признаться, эти обстоятельства крайне огорчили меня. Врачи сказали мне, что я должен выждать далее два, три месяца, и, если после этого мои недомогания не исчезнут, мне нужно будет еще раз показаться в госпиталь.

Всего я провел в госпитале теперь семнадцать дней. Скажу, что я был доволен отношением ко мне и уходом со стороны всего медицинского персонала. Операцию произвел мне — запишу здесь для памяти — молодой, лет 35-ти, китайский врач, по имени С.С. Chang. Мне говорили, что это один из лучших хирургов госпиталя.

1 января 1937. Вчера Лев Н[иколаевич] и я, после обычного скромного ужина, досидели все-таки до Нового Года, который и встретили бокалами белого вина. Мысленно я чокнулась с мужем, который в этот момент, вероятно, спал сном праведника, и пожелала ему много, много счастливых дней. Сегодня у нас гости вечером, будем встречать не встреченный накануне Новый Год. Будут Исаевы, А.С. Остроумов, Евгения Альбертовна Пикок. Я целый день в хлопотах: ходила разыскивать сметану и свежие огурцы для одного салата, который я хочу сделать, покупаю закуски, помогаю Феклуше на кухне и пр[очее].

⁸Ровенская Мария Тимофеевна (21 июля 1896 - ?). Жена предпринимателя Леонида Павловича Ровенского.

2 января. «Встреча» наша прошла отменно. Ужин был отличный, мой салат имел большой успех; было громадное блюдо копченой рыбы, вкусные тетерки, зажаренные Феклушей, и на сладкое — парфэ⁹, замечательное произведение Судаковского повара. Пили водку, вино и шампанское. Было очень оживленно и весело. Мне дали чин «временного правительства» (в доме Льва Н[иколаевича]) и все время пили за мое здоровье. Не забыли и моего мужа, чокались за него, желали ему здоровья. После ужина слушали пластинки — у Л[ьва] Н[иколаевича] очень хороший подбор их: Шаляпин, Яша Хейфец, П. Казальс. Слушали Шопена, Чайковского, Рахманинова и др[угие]. Взбудораженные вином, мои нервы как-то болезненно реагировали на музыку: и наслаждение, и боль в сердце чувствовала я одновременно.

Сегодня пасмурно, как будто собирается снег. Все-таки в Пекине я гораздо легче переношу колебания барометра, чем в Тяньцзине: здесь совсем другое давление атмосферы — дальше от моря.

Иду после обеда на свидание с мужем. Вчера утром я «незаконно» влетела к нему в палату, поздравить его с Новым Годом и передать газеты. У него на столе прелестная корзинка цветов — подарок милейшего Льва Н[иколаевича]. Муж был весел, хорошо выглядел; вчера ему в первый раз дали кусочек сладкого хлеба. Был у него с визитом доктор Судаков, сидел час. Я успела поболтать с мужем минут пять и благополучно ускользнула, не встретив никого из «начальства». Была очень довольна этой своей затеей.

9 часов вечера. Только что поужинали со Львом Н[иколаевичем]. День сегодня тяжелый, клонит ко сну. Была в два часа у мужа, он чувствует себя хорошо. От него прошла в библиотеку, купила два номера «Зари» и отнесла их снова в госпиталь, для мужа и Салтыкова. Едва дотащилась потом до дома.

Получила сегодня четыре письма из Тяньцзиня. Кажется, 8-го января мужа выпишут из госпиталя.

8 – 23 января. Из госпиталя я, в сопровождении жены, выехал на рикше в посольский квартал, в квартиру Л.Н. Кукуранова, так много помогшего мне и нам в эти трудные для нас дни нашего существования.

Вот уж подлинно: истинные друзья познаются только в беде. Сколько раз теперь я имел возможность убедиться в справедливости сказанного.

Вселился я в квартиру Л[ьва] Н[иколаевича] утром 8 января; к обеду явился из Тяньцзиня М.Е. Остерман, приехавший сюда, в Пекин, тоже для того, чтобы оперироваться в Рокфеллеровском госпитале — ему надо было ликвидировать грыжу и удалить еще какую-то опухоль.

В первый же вечер в новой обстановке, лежа на кушетке, я продиктовал жене статейку на тему «Русские войска спасли в 1900 г. иностранный Тяньцзинь». Этим самым я возобновил свои литературные занятия, вернее, просто «сорвал охотку».

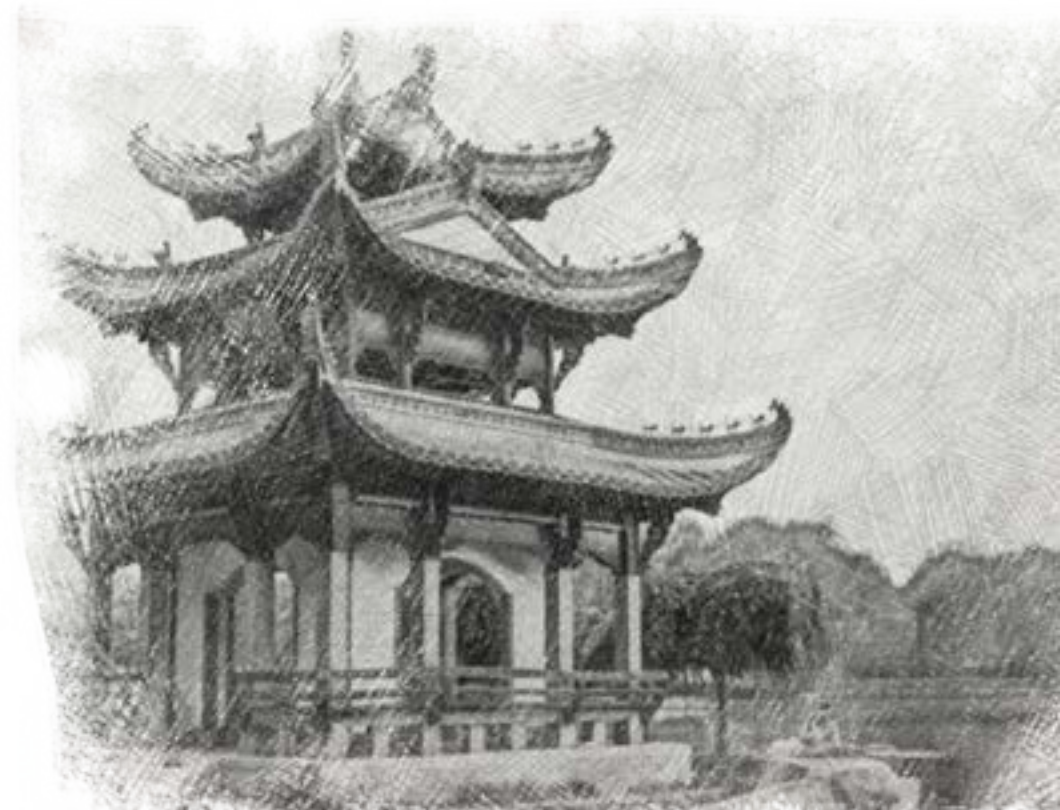
⁹Парфе — холодный десерт из замороженных взбитых сливок, ванили и сахара.

Я чувствовал все же себя очень слабым, с трудом бродил по своей комнате, и больше лежал на кушетке, читая или просто так, закрыв глаза. Жена была почти все время около меня. Я не представлял себе, как это я смогу выбраться в Тяньцзиня, начал вообще сомневаться в том, поправлюсь ли я. В последних случаях, жена матерински меня журила.

20 января мы справили мои именины; вечером жена устроила легкую закуску, добыла немного «зубровки» и заказала на горячее блюдо пельмени. На этой небольшой пирушке присутствовали наши гости: наш дорогой хозяин Л[ев] Н[иколаевич], наша новая пекинская знакомая, барышня Е.А. Пикок, и уфимцы Исаевы, бывшие помещики, отец и сын, друзья Л[ьва] Н[иколаевича]. Вечеринка прошла в теплой дружеской атмосфере.

23-го я выехал в Тяньцзиня против ожидания, я довольно бодро перенес свое двухчасовое путешествие по жел[езной] дороге.

10 февраля. Свозвращением мужа домой, я забросила дневник. Завтра мы возвращаемся в Тяньцзинь. Муж достаточно отдохнул и окреп, рана-разрез в отличном состоянии, все зажило. Никаких осложнений после операции, слава Богу, не обозначалось. Лев Н[иколаевич] пригласил нас с мужем провести лето у него в Пекине. Мы с благодарностью приняли приглашение.

Апрель – октябрь 1937 г.

Записи Ивана Иннокентьевича и Александры Николаевны Серебринниковых

4 апреля. В 9 часов 30 минут я, со своим попутчиком *Е.Е. Яшновым* выехал в Пекин. Жена проводила нас на вокзал.

В Пекине я остановился в квартире доброго, как и прежде, милого Льва Николаевича Кукуранова; *Е.Е. Яшнов* — в гостинице Шикина.

Узнал по приезде, что у Л[ьва] Н[иколаевича] гостит его землячка *И.Ю. Мальяревская* с дочерью, *Тасей*, приехавшая в Пекин из Харбина. Это мои старые знакомые. Встретили меня хорошо, радушно.

Вечером побывал у *Р.С. Тарариной* — по делам госпитальным...

5 апреля. Был в госпитале у доктора по внутренним болезням. Доктор нашел, что сердце у меня в порядке. На приеме обозначились у меня такие медицинские данные: температура 37,4; пульс 80; вес 86 килограммов, давление крови — 190. Этот прием произошел утром — в 11 часов, а в 3 часа дня я был принят доктором-хирургом, *С.С. Chang*, который оперировал меня в прошлом году. Хирург нашел, что моя операционная рана хорошо зажила, подтвердил мне, что моя операция совершена успешно на все 100 процентов и, затребовав, показал мне вырезанный у меня желчный пузырь, из коего, в госпита-

Яшнов, Евгений Евгеньевич (28 нояб. 1881, Норская мануфактура под Ярославлем – 25 июня 1943, Шанхай). Окончил Ярославское городское училище (1897). За политическую деятельность неоднократно арестовывался. Переехав в Санкт-Петербург в 1905, публиковал в газетах рассказы и стихи. Статистик в управлении переселенческого дела в Сыр-Дарьинском районе, в управлении делами Особого совещания по продовольствию, в Омске, во Владивостоке. Агент Экономического бюро КВЖД.. Посещал Москву и Хабаровск. Жил в Тяньцзине, в Пекине, затем в Шанхае (с 1938). Автор более 100 работ.

ле сделали показательный препарат. Я видел в пузыре три больших камня. Я никак не думал, что у человека могут находиться такие большие камни во внутренних органах. Один из камней закупоривал выходное отверстие из пузыря, каковое обстоятельство и вызвало его большое растяжение.

Не скажу, чтобы это созерцание своего собственного желчного пузыря вызвало во мне приятные ощущения.

6 апреля. Итак, начались снова мои хождения по мукам госпитальным. Сегодня, однако, я решил, от госпиталя и его врачей отдохнуть.

Утром посидел в садике против «Гостиницы Шести Держав», наблюдал за туристами, то и дело подъезжавшими к отелю.

Остальную часть дня провел дома. Не могу назвать сегодняшний день приятным. Все время дул довольно сильный ветер. Было пыльно. Поэтому, может быть, я чувствовал себя сегодня очень плохо.

Пришло первое письмо от жены.

7 апреля. Благовещение. День — пасмурный. Утром сидел дома и писал статью о Хубилай-хане. В два часа дня уехал в госпиталь на прием по нервным болезням. Прием состоялся только в 4 часа. Я невероятно устал от ожидания приема. Принявший меня доктор возился со мной очень долго, но, кажется ничего не нашел по своей специальности. На завтра мне было назначено одно специальное исследование.

Вернулся домой я очень усталым. Да, это действительно «хождения по мукам».

8 апреля. Утром явился в госпиталь. Оказалось, у меня решили взять для исследования спинномозговую жидкость. Около 11 часов я разделся в приемном отделе госпиталя, взял ванну, надел госпитальное белье, и затем меня увели в отдельную комнату, где и уложили в постель. После некоторого интервала, пришли врач и сиделка и взяли у меня жидкость. Операция не произвела боли. Мне приказали после этого [го] лежать на спине в постели без подушек до 6 часов вечера. Я выполнил это предписание. Два раза мне давали есть.

Домой я вернулся страшно усталым. Болела спина. Завтра хочу отдохнуть день дома.

9 апреля. Пробыл день дома. К вечеру ко мне забрел Е.Е. Яшнов, и мы хорошо побеседовали. Он — в восторге от Пекина.

Надоело болеть. Прихожу порою в отчаяние.

10 апреля. Около 12 часов дня был на приеме у доктора по сердечным болезням — симпатичного и внимательного врача, китайца, по фамилии Vien. Доктор сказал, что сердце у меня слабовато, но порока нет. С таким сердцем как у меня, можно доживать и до 80 лет, но надо больше лежать. Признаюсь, я что-то плохо понял все это. Неужели, чтобы жить дальше, надо лежать?

Сбивают врачи с толку — все утешение в том, что и платишь-то им всего 20 центов (по третьему классу) за прием, осмотр и консультацию. Давление крови показало — 170.

11 апреля. Воскресенье. Весна входит в свои права. На плакучих ивах показалась свежая зелень. Будь бы я здоров, как бы я рад был ее приходу. Теперь же равнодушно взираю на все я.

Пробыл весь день дома. Закончил свой очерк «Хубилай-хан» и сделал дополнения к ранее написанным мною очеркам: «Чингис-хан» и «Субутай». Мне кажется, мои «Исторические эскизы» могут получиться интересными, если не для ученых, то для широкой публики.

12 апреля. Утром пошел дождь. Одно время стала падать снежная крупа. Было холодно. Весь день простоял мрачный...

От тоски и скуки написал сегодня очерк «Военное искусство в древнем Китае». С удовольствием и особым интересом читаю знаменитую книгу английского историка Howorth'a «History of the Mongols». Эту книгу достал мне Л[ев] Н[иколаевич] из Пекинского клуба. Кажется, в библиотеке этого клуба найдется много интересных для меня книг. Л[ев] Н[иколаевич] и Маляревские очень внимательны ко мне — за обедами и ужинами я порою весьма смешу их, рассказывая разные забавные истории.

13 апреля. Погода продолжает быть мрачною. От этого — что ли — я чувствую себя плохо? Я еле таскаю свои ноги, словно они наполовину парализованы. Врачи все еще (вот уже более полгода) не могут отыскать причин моих страданий.

Сегодня утром я был опять в госпитале, и здесь решили сделать рентгеновские снимки с моей спины. В два часа дня я был снова в госпитале, и здесь сняли снимки.

Жена пишет мне каждый день. Печально, она начала продавать вещи, но что делать? что делать? В письмах своих она старается вселить в меня бодрость и оберегает от упадка духа.

14 апреля. Сегодня — солнце, но дует все же неприятный ветер. Тяжко мне от болезни и скучно от безделья.

Пишу очерк «Император Тайдзун» (Династия Тан). Зачем пишу? Надеюсь (правда, очень слабо), что эти очерки мои, став книгою, помогут нам материально. Блажен, кто верует, но холодно ему на свете этом.

15 апреля. Утром был в госпитале — еще не были известны результаты рентгеновского фотографирования моей спины. Просили приехать в субботу.

Остаток дня просидел, вернее, пролежал дома.

Жена послала мне пачку номеров шанхайского «Слова» — я с удовольствием прочел их, а для Л[ьва] Н[иколаевича] она, по моей просьбе, прислала книгу Прошина о Пушкине.

16 апреля. Заканчиваю очерк о Тайдзуне.

Инна Юрьевна Маляревская сняла меня сегодня в разных позах. У нее — отличный фотографический аппарат, и она умеет снимать.

17 апреля. Утром помчался в госпиталь — в позвоночнике нашли какие-то ненормальности — два незначительных искривления, но признали их не ответственными. Узнал также, что исследование спинномозговой жидкости не обнаружило ничего страшного. Однако, в госпитале решили повторить последнее исследование. На этот раз это делали другие врачи. Они что-то долго возились со мной и доставили мне порядочные мучения. Порою я стонал... и даже вскрикивал. Домой я приехал на этот раз около пяти часов вечера.

18 апреля. Воскресенье. Сегодня все обитатели нашей квартиры уехали на прогулку за город, в Вофусы, т[о] е[сть] *Храм Спящего Будды*. Ездили в автобусе и вернулись к четырем часам дня.

Я пробыл весь день дома и написал очерк о Чингисовых жестокостях.

19 апреля. В четыре часа дня Маляревские выехали сегодня в Тяньцзинь на недельку погостить там и повидаться со старыми друзьями и знакомыми. Я отправил с ними письмо жене и фотографии.

Сегодня начал писать очерк «Императрица Цыси».

Погода мрачная. К вечеру пошел дождь. У меня все болит.

20 апреля. Погода продолжает быть нехорошою. Вот уже несколько дней мы не видим солнца.

Читаю, пишу.

Сегодня Пушкинский комитет в Пекине ставит «Бориса Годунова» в Hotel de Peking. Каково! Пушкин и Годунов в столице косоглазых ...

Навестил меня Е.Е. Яшнов, который, по-видимому, окончательно влюбился в Пекин...

21 апреля. Наконец-то сегодня выглянуло солнце. Стало как-то повеселее. Утром побывал в госпитале, но ничего существенного там не узнал. Остаток дня просидел дома — продолжал писать очерк о Цыси — благо, литература под рукою. Л[ев] Н[иколаевич] начал переводить на английский язык мою рукопись о республике Тану-Тува. Это с его стороны большая любезность: он так сильно занят всегда.

Думал сегодня много: что же получается? Сижу я дома, опасно болен, и все же кое-какая работа, от меня зависящая, идет, если и не полным, то все же каким-то там ходом. Я в Пекине пишу очерк о Цыси, составляю свои «Исторические эскизы», Л.Н. Кукуранов переводит на английский язык мою статью об Урянхае, жена в Тяньцзине печатает на машинке мою рукопись «Император и Монах». Один английский офицер в Пекине (фамилию его сейчас забыл) исправляет стилистически английский перевод В.О. Клемма моей книги «Великий отход», в типографию «Star Press» в Тяньцзине сдан для печатания второй том «Мои воспоминаний».

Храм спящего Будды (卧佛寺) находится у подножия Благоухающих гор в 30 км от Пекина, расположен на территории в северной части Пекинского ботанического сада. Один из древнейших храмов в Пекине, возведен в VII в. во времена династии Тан (618–907). Сокровищем храма является большая бронзовая статуя спящего Будды Шакьямуни высотой 5,2 м, на изготовление которой ушло более 250 т меди, которую установили в 1321 г.

22 апреля. Почти весь день провел в чтении.

23 апреля. Чувствую себя скверно. Еле волочу ноги. Болят руки. М[ожет] б[ыть], все это послеоперационные недомогания, но никто ничего не скажет мне и не объяснит. Завтра исполняется четыре месяца после операции.

24 апреля. Л[ев] Н[иколаевич] был днем у Веча и вел с ним, по моему поручению, переговоры относительно получения мною аванса под издание книги «Великий отход» на английском языке. Веч, который сам недавно предлагал мне 300 долларов за покупку первого издания книги, пошел теперь на пятую, стал предлагать только 250 долларов, и то не наверное, и не сейчас, а когда книга выйдет из печати и будет продано некоторое количество экземпляров ее. Начались, одним словом, какие-то фокусы. Видимо, почтенный француз узнал, что я нахожусь в тяжелом материальном положении и болен, и потому решил выжать еще что-нибудь из меня. Какая же это мерзость — иностранцы, проживающие в Китае, и подобные Вечу! А таких тут множество. Я говорю только о белых иностранцах, европейцах, к иным, тем же японцам, например, эти мои суждения не относятся. Это — все паршивые сволочи! Если бы кто знал, как я ненавижу всю эту братию! Мои надежды на (бессовестного) Веча рухнули. Не знаю, как мы проживем теперь лето. Бог даст, выкрутимся как-нибудь...

25 апреля. Воскресенье. Забыл записать, что был вчера в госпитале.

К обеду приехали из Тяньцзиня Маляревские. Привезли мне от жены большое письмо, книги, некоторые рукописи и даже сласти. Был рад получить это все.

26 апреля. Закончил очерк о Цыси. Решил свой сборник «Исторические эскизы» посвятить Л[ьву] Н[иколаевичу], в знак благодарности за его заботы и внимание ко мне.

27 апреля. Утром прокатился на рикше по городу, кое-что купил. По возвращении с прогулки, просидел весь день дома, занимался чтением и литературными работами, исправил, дополнил и привел в порядок свой очерк «Скифы и татары».

28 апреля. Жена сообщила мне, что приедет в пятницу в Пекин, вместе с Л.Г. Бессоновой¹, женой Е.Е. Яшнова.

Написал сегодня коротенький очерк картинку «Последний день династии Мин в Пекине».

29 апреля. Всюду цветет сирень и распространяет пряное благоухание. Кажется, наступило уже самое благоприятное время для загородных прогулок. Зелень всюду свежая, яркая, радостная, напоминающая молодость.

Сегодня — Великий Четверг. В нашей квартире весьма слабо еще чувствуется приближение Пасхи. Это, вероятно, происходит потому, что Л[ев] Н[иколаевич] — наш хозяин — холостяк, очень занят по своей службе в «American Express Company» и редко показывается дома. Гостиющие у него Маляревские, видимо, мало интересуются хозяйством.

¹Бессонова-Яшнова(Симонова), Людмила Георгиевна. Жена экономиста и поэта Е.Е. Яшнова. Жила в Харбине, Тяньцзине и Шанхае. Репатрировалась. В последние годы жила в Свердловске.

К вечеру погода как-то невесело нахмурилась. Солнце куда-то исчезло. Небо пожелтело.

Весь день я чувствовал себя тяжело, больше лежал.

30 апреля. В 11:30 утра приехала жена погостить здесь на Пасху. Появился мой ангел-хранитель. Все встретили ее приветливо, и даже радостно. Кажется, очень рад был ее приезду и Л[ев] Н[иколаевич]. У него теперь окрепли надежды на то, что жена поможет устроить ему пасхальный стол, и он провозгласил ее хозяйственным диктатором нашей квартиры.

Жена рассказала мне все тяньцзинские новости.

К вечеру в нашем доме уже закипела работа. Началось крашение яиц, приготовление сырной пасхи. Жена погрузилась в предпасхальные хлопоты.

1 мая. Страстная Суббота. Итак, скоро еще одна Пасха на чужбине ...

В доме предпасхальные хлопоты и суета, обмен подарками. Жена подарила Л[ьву] Н[иколаевичу] от нас кулич, который привезла с собой из Тяньцзиня. Он отдал ее коробкой конфет. Все заинтересованы, как-то выйдут у нас сырная пасха.

2 мая. Святое Воскресенье. Пасха. Вчера ночью все обитатели нашей квартиры, за исключением нас с женой, съездили на мотокаре в Бэйгуань, т[о] е[сть] в Русскую духовную миссию, где и побывали на заутрине. Служил епископ Виктор. Народу в церкви было много.

Утром сегодня мы разговелись — это значило, что поели крашенных яиц, ветчины, сырной пасхи и кулича. Все были довольны и счастливы, что встретили Светлый Праздник по русскому обычаю. Сырная пасха, которую готовила жена, удалась на славу...

В два часа дня мы с женой [пошли] на прогулку по городу, на рикшах, и побывали в Бэйхае, Наньхае и Даимяо. Я пробыл на воздухе около двух с половиной часов и остался очень доволен своей прогулкой. В дворцовых озерах, еще не заросших лотосах, я с неостывшим еще трепетом старого охотника, наблюдал перелеты стаек диких уток.

Коростовцев, Иван Яковлевич (25 авг. 1862 – 1 янв. 1933, Париж). Окончил Царскосельский лицей (1884). Чиновник Азиатского отдела (с 13 июня 1884). 2-й секретарь миссии в Пекине (1 мая 1890 – 94). Чиновник по дипломатической части при Главном начальнике Квантунской области (с 29 авг. 1899). Исполнял обязанности консула в Тяньцзине (5 авг. – 7 сент. 1900). Российский генеральный консул в Бушире (с 24 апр. 1902). Делопроизводитель 5-го класса в 1-м департаменте МИД (с 8 июня 1902). Секретарь С.Ю.Витте при заключении Русско-японского договора в Портсмуте в 1905. Вице-директор 1-го департамента МИД (с 10 марта 1906). Чрезвычайный и полномочный посланник в Пекине (9 мая 1908). Чрезвычайный посланник и полномочный министр в Марокко (с 28 мая 1912). Командирован в Ургу (15 авг. 1912), заключил соглашение с Монголией (1912). Чрезвычайный посланник и полномочный министр при Персидском дворе (с 30 окт. 1912). Тайный советник (с 22 марта 1915). Председатель правления Учетно-ссудного банка Персии. Член совета МИД (24 июля 1915 – 19 июля 1917). Приезжал в Пекин (после 1921). В Китае жила его семья.

3 мая. День хороший. С утра успел немного поработать — начал писать очерк о Нурхацци.

Днем же побывал в Центральном парке, где сидя на скамье, наблюдал проходивших мимо нас китайцев и китайнок. Вот уже семнадцать лет, как я знаю этот парк. Произошли в нем изменения, как и в публике гуляющей, особенно, сказал бы я, в женской половине. Раньше китайские девушки выглядели много скромнее — они нарочно прятали от глаз мужчин свои прелести; теперь же платья их стали много свободнее, как и сами они. Они не прочь от кокетства и желаний показать публике свои ножки, бока и бюст. Это все-таки модернизация.

В доме нашем было сегодня много гостей, визитеров. По возвращении из парка, мы застали в гостях у нас Ф.И. Коростовца, которого я не видал с 1921 года. Это сын нашего бывшего посланника в Китае.

4 мая. С поездом в 4:15 уехала жена. Я немного взгрустнул после ее отъезда.

День жаркий, ветряный и пыльный.

5 мая. Маляровские рано утром отправились в загородную прогулку — уехали в Хэйлунтан, т[о] е[сть] к Храму Черного Дракона.

Приналег немного на работу и закончил свой очерк о Нурхацци.

6 мая. Начал писать очерк об Абахае, сыне Нурхацци — все это основоположники последнего возвышения и господства маньчжуров в Китае.

Настроение неважное. Беспокоят боли в спине, ногах и руках. Возможно, все думаю я, это все послеоперационные недомогания и боли, но никто же до сих пор не объяснил мне этого...

7 мая. Дни пошли у меня по трафарету, словно как в санатории. Не имею только прогулок.

Бассейн Черного Дракона (黑龙潭) расположен в 12 километрах к северо-востоку от города Куньмин у подножия горы Лунцюань. Это место стало очень популярным еще более 700-та лет назад во время правления династии Мин.

На территории Бассейна Черного Дракона находятся два важных комплекса — **Храм Источника Дракона** и **Дворец Черного Дракона**. Дворец Черного Дракона когда-то являл местом, где проходили мемориальные церемонии. Он был построен во время династии Мин приблизительно 700 лет назад.

Храм Источника Дракона — самый большой даосский храм в южном Китае. Он был построен во время ранней династии Хань и периодически перестраивался во время последующих династий.

8 мая. Навестил нас епископ Виктор. Беседовал с ним по вопросу издания моих «Исторических эскизов». Я сделал предложение, чтобы Духовная миссия взяла на себя это издание. Епископ принципиально с этим согласился.

9 мая. Воскресенье. Вот прошла и Пасха. Маляровские сегодня выехали в Харбин — оттуда они помышляют перебраться на Манилу. Началась русская тяга и на Филиппины. Закончил писать свой очерк об Абахае.

10 мая. Так хочется скорее оправиться...

11 мая. Побывал, после долгого перерыва в госпитале. С удовольствием проехался на воздухе — сейчас у меня небольшие требования к жизни.

Город — весь в зелени, свежей и радостной такой. Цветут акации кругом и благоухают. В Посольском квартале, на зданиях много различных украшений: лампсонов, щитов, флагов и пр[очее], по случаю приближающейся коронации английского короля.

Как слышно, на королевские торжества в Лондон выехали и представители Советского Союза — это всемирно известный жид Литвинов и еще какой-то адмирал Орлов. Может быть тоже из жидов. Их в Лондоне встретит советский посол жид Майский. Несчастливая страна — моя родина! Управляет ей грузин, а представляют ей за границей жида, где же русский народ? Где же русские люди? Загадочная картина! Как ее разгадать? и как понять? Несчастный народ, что допустил все это, жалкий...

12 мая. Вчерашний день был страшно жаркий, душный. Сегодня — тоже самое. В связи с приливом жары что ли? Я чувствую себя весьма неважно.

Жена прислала мне пасхальный номер харбинского журнала «Луч Азии» — органа атамана Семенова. В нем помещен отзыв Мари Ш[апира] о «Моих воспоминаниях» — отзыв этот не то и не се, написан тускло и, пожалуй, даже местами не совсем грамотно. Насколько знаю, Мария Ш. — это *Мария Шапиро*, ученица проф[ессора] *Г.К. Гинса*. Как еврейка могла стать сотрудницей семеновского журнала для меня загадка.

Шапиро (Мария Ш.), Мария Лазаревна (27 окт. 1900, Иркутск — 9 окт. 1971). Дочь Н.Л.Шапиро. Работала в благовещенской газете «Харбинская пресса». Окончила экстерном гимназию Генерезовой (1919) и юридическое отделение Юридического факультета в Харбине (1924), где была оставлена для подготовки к научному званию при кафедре гражданского права, вела практические занятия по римскому праву (1928 — 36). Сотрудничала (с 1925) газетами «Русское слово», «Луч Азии», «Заря», «Гун-бао». Арестована в редакции газеты «Харбинское время» (29 нояб. 1945). По отбытии заключения жила в инвалидном доме и писала мемуары. Рукопись содержала 1700 с., последняя запись от 14 апреля 1962.

Исаев, Иван Иванович. Уфимский помещик. Эмигрировал в Китай в 1931, где уже жили его жена, сын, невестка. Его дед был врачом на фрегате «Паллада», когда на нем путешествовал И.А. Гончаров. Деятель Антиконтинента в Пекине. Публиковал статьи в журнале «Возрождение Азии».

Сегодня — коронация английского короля Георга VI-го. Жена пишет, что в Тяньцзине готовится к сегодняшнему дню умопомрачительная иллюминация.

13 мая. Мой очерк об императоре Канси медленно, но неуклонно продвигается вперед.

Сегодня — снова жарко.

У Л[ьва] Н[иколаевича] были гости: *И.И. Исаев* и две барышни: Ильина и Пикок. *И.И. Исаев* — бывший уфимский помещик, сотрудник суворовских газет. Он 13 лет прожил в Советском рае, и только в 1931 году выбрался нелегально сюда, в Китай, где уже жили его жена, сын, невестка. Его дед был врачом на фрегате «Паллада», когда на нем путешествовал И.А. Гончаров.

14 мая. Ночью была гроза. Надеемся, что теперь посвежеет немного. До обеда выполз на улицу — прокатился на рикше.

Пришло письмо от жены. Пишет, что пришел перевод из Праги от Архива за проданные ему мемуарные работы полк[овника] Сокольниковского.

15 мая. Сегодня дома, читал и писал. Л[ев] Н[иколаевич] уехал на какое-то китайское богомолье в горы, где и заночует.

16 мая. Воскресенье. Встал рано, сейчас же за книги. Что более делать мне больному и разбитому жизнью человеку? Просидел весь день один дома. На улице дул противный ветер. Я чувствовал себя плоховато...

Вечером узнал, что в ночь на сегодня в Германском госпитале скончался генерал Д.Л. Хорват, глава Русской дальневосточной эмиграции. Скончался он в преклонном возрасте на 79 году жизни. Царствие небесное честному патриоту и верному слуге государства Российского. Уходят... уходят... уходят от нас лучшие русские люди. Да упокоит Господь почившего в селениях праведных...

17 мая. Всю ночь дул ветер. Было неприятно слушать шум его порывов.

Похороны Хорвата будут проведены торжественно. Из Тяньцзиня приехал сюда хор певчих и о[тец] Петр Рождественский. Закончил сегодня очерк о Канси.

Гинс, Георгий Константинович (15 апр. 1887, Новогеоргиевск — 23 сент. 1971, Беркли, США). Окончил СПб. университет (1909). Старший юрист-консультант министерства продовольствия (1917). Весной 1918 исполнял дела экстраординарного профессора по кафедре гражданского права Омского политехнического института. Член Сибирского правительства. Эмигрировал в Харбине (январь 1920), читал лекции на Юридическом факультете. Вместе с В.М.Посохиным основал магазин «Русско-Маньчжурская книжоторговля» и занялся продажей эмигрантской литературой. Редактор журнала «Русское обозрение». На КВЖД: начальник канцелярии Правления, главный контролер и одновременно председателем Комитета образовательных учреждений (1921 — 26). С 1923 и вплоть до преобразования Харбинского муниципалитета уполномоченный Харбинского общественного управления, председатель собрания уполномоченных и пред. комиссии по составлению положений и наказов. Защитил перед Академической группой магистерскую диссертацию «Водное право» (Париж, 23 апр. 1929). После закрытия Юридического факультета (1937) преподавал в Харбинском коммерческом институте. 30 июня 1941 покинул Харбин и уехал к сыновьям в Сан-Франциско, где занимался общественной, научной и журналистской деятельностью.

18 мая. Был в госпитале, взял там для себя пилюли Каскара. Врач измерил давление крови — оказалось 198.

Пришло лето, а мне все не лучше. Сегодня за обедом впервые ели свежую клубнику-викторию — это уже дар лета.

Мой новый очерк начат — на этот раз об императоре Цянь-Луне.

19 мая. Из старых пекинских моих друзей и знакомых решительно никто ко мне не заглядывает. Не был ни разу у меня и Я.Ф. Зверев. Он или за что-то разгневался на меня, или же боится, что я, человек теперь больной. Безработный и безденежный. Как-нибудь попрошу денег у него... Последнее вернее всего...

Сегодня у нас на несколько дней поселилась одна барышня, приехавшая из Шанхая — это Нинет Пикок, двоюродная сестра Евгении Альбертовны Пикок. Обе они — обруселые англичанки.

20 мая. Посетил меня владыка Виктор. Сообщил, что миссия может издать мои «Исторические эскизы» на специальные средства, которые он старается подыскать.

Сегодня не утерпел и съездил на базар Дунаньшичан, где в китайских книжных лавках и купил по дешевке две русские книги: это «История Китайской Восточной ж[елезной] д[ороги] (1896-1923)», и «Приморье», издание общеземской организации 1905 года. Все же я мот.

21 мая. Была у меня гостя из Калгана г[оспо]жа Вишневецкая.

22 мая. Пришло письмо от жены, как всегда, хорошее, бодрое.

Днем совершил маленький выезд в город — побывал в Институте изящных искусств и в Центральном парке. Вечером закончил очерк о Цяньлуне.

23 мая. Воскресенье. Сегодня пять месяцев истекло со времени моей операции. Слышал я не раз, — да и жена моя наводила справки об этом в Тяньцзине — что иные люди, после тяжких и серьезных операций, страдают еще долго, около года или более. Не то ли и у меня? Впрочем, я ничего не знаю. Л[ев] Н[иколаевич] пригласил сегодня к себе много гостей и собирается угостить их китайским ужином.

24 мая. Ночью была гроза, и пролил небольшой дождик.

Написал короткий очерк: «Сибирь в средние века» и начал новый под заголовком «Император Нищий и его сын». Это о китайских государях Хунву и Юнло.

Жена сообщила мне, что в четверг приедет в Пекин, чтобы навестить меня.

25 мая. Мучаюсь от крепкого желудка; эти мучения из коллекции моих недугов. Побывал в госпитале, от коего никак не могу еще избавиться.

26 мая. Сильно болит и садит правая рука — никакого облегчения.

27 мая. В 11:30 утра приехала жена, страшно был рад ее приезду. Привезла мне много книг из моей библиотеки и черновую рукопись известного

сибирского торгово-промышленного деятеля и миллионера *И.В. Кулаева*. Это — человек совершенно безграмотный, написал рукопись мемуарного характера с заголовком «Под счастливой звездой» и отдал для литературной отделки жене, за мизерную плату, о которой, до хриплого крика, долго торговался.

За день с женою было много разговоров. Мне стало веселее.

Ужинали четверо: мы, Л[ев] Н[иколаевич] и А.П. Фридендер.

28 мая. С поездом в 4:15 жена — мой хранитель и опекун — уехала в Тяньцзинь. По ее отъезду я чуть было не всплакнул, но взял в руки себя и удержался. Так расшатались нервы.

29 мая. Жена привезла мне из Тяньцзиня прописанные мне д[окто]ром Чердынцевым какие-то укрепляющие пилюли с железом, мышьяком и пр[очее]. Я стал их принимать по три пилюли в день, но стал чувствовать себя хуже, чем то было ранее. Может быть, это было просто совпадение, не знаю, но я прекратил прием пилюль.

За обедом у нас были сегодня Исаевы, приехавшая из Шанхая казанка Чижова, Л[ев] Н[иколаевич] и я; к концу обеда подошел и приехавший из Тяньцзиня Ф.П. Романов.

30 мая. Утро сулило день хороший. В полдень было жарковато. Днем я и Ф.П. Романов съездили проветриться в Центральный парк.

Закончил лист о Хунву и начал об Юнло.

31 мая. Закончил очерк об Юнло — так все понемногу продвигается вперед составление моих «Исторических эскизов». Кажется мне, что книга должна получиться интересная.

Побывал в гостях у меня Ф.П. Романов. Тоже, бедняга, мучается какими-то недугами и таскается по госпиталям. Он едет обратно в Тяньцзинь, и я отправляю с ним письмо и открытку жене.

Кулаев, Иван Васильевич (1857, Красноярск — 26 нояб. 1941, Голливуд). Строил пивоваренные и маслобойные заводы, владел пароходством на Амуре, занимался операциями с недвижимостью в Харбине, затем открыл новые предприятия в Америке и Канаде. Занимался благотворительностью: строил соборы и церкви в Харбине, Тяньцзине и Шанхае, а также в США, содержал школы для русских детей и выделял стипендии для русских эмигрантов во всем мире, посылал деньги в Толстовский фонд и в Европу, издавал книги русских эмигрантов и покупал литературу для библиотек. 200 тысяч долларов обещал дать на открытие Учительского института в Красноярске, оговорив, что деньги будут посланы после падения коммунистического режима. Основал Благотворительно-просветительский фонд (1931), куда завещал все свои деньги. Жена (урожд. Шайдурова) Глафира Виссарионовна умерла в 1928, в Тяньцзине. 4 сына и дочь.

1 июня. Уже июнь. Время бежит быстро. Из советской живодерни ползут удивительные слухи «Пауки стали подходяще пожирать друг друга». Пожелаю им успеха в этом деле!

Побывал сегодня в госпитале. Езжу туда с большою неохотой...

2 июня. Написал сегодня очерк «Первые русские синологи». Кажется, на эту тему никто из русских ничего еще не писал.

3 июня. Сегодня исполняется два месяца моему санаторному пребыванию в квартире Л[ьва] Н[иколаевича]; называю санаторному, ибо здесь тихо и спокойно; я держу, больше или меньше, пищевую диету, рано ложусь спать, и рано утром встаю, часто сижу на веранде, дышу свежим воздухом... наконец, я и лечусь... и все же не чувствую, что я поправляюсь.

Уповаю на милость Божию.

4 июня. Вот уже несколько дней погода все хмурится. Вот-вот будет дождь, а его все нет... Поэтому тяжело.

В 4 часа дня разразилась сильная гроза с дождем.

Надеюсь, теперь мне полегчает немного. Мое самочувствие теперь сильно варьирует с погодой...

5 июня. Рано утром Л[ев] Н[иколаевич] уехал в загородную прогулку. Я весь день просидел дома и никого не видел, кроме наших кухонных людей: Феклуши, ее мужа, китайца Александра (кажется из числа тех, что шатались по России с какою-нибудь торговлею), и еще китайца Мазы, их приятеля.

Написал сегодня очерк «Первый гонец в Китай — сибирский казак Иван Петлин».

Теперь у меня написано уже около тридцати исторических очерков. Половину из них я написал во время этого моего пребывания в Пекине.

6 июня. Воскресенье. С интересом штудирую замечательную английскую книгу «Бадделей. Россия. Китай. Монголия». Это книга в двух больших томах; написала с большою тщательностью и любовью к делу... Кажется на рынке эта книга, вышедшая в 1919 году в ограниченном числе экземпляров, стоит теперь тысячу долларов.

На основании материалов этой книги составляю сегодня очерк «Посольство к Алтын Хану».

7 июня. Всю ночь шел дождь. Кажется, будет лить и весь сегодняшний день.

8 июня. Побывал в госпитале, куда еду с все большею и большею неохотой.

9 июля. За последние дней восемь я замечаю какое-то ухудшение в состоянии моего здоровья и чувствую себя весьма плохо...

М[ожет] б[ыть] надо отдохнуть от всех этих уколов, лекарств... всей этой химии...

10 июня. Утром встал: в теле все болит; вид желтый; ноги еле волочатся... и готов уж был сказать:

— Ну, Иван, конечно — как тебе приходит...

Но не сказал. Подумал:

— Бог еще милостив.

11 июня. В посольском квартале Пекина, где я живу теперь, много садов, зелени вообще, и водится немало разных птиц; летают дятлы, удоны и др[угие]. За последние недели появились еще какие-то птицы, мне неизвестные, с громким мелодичным свистом на весь квартал... Они словно выкрикивают:

— Вот-вот, вот...

Китайцы считают, что эти птицы зловещие, появляются перед недобрым...

Погода сегодня мрачная.

12 июня. За день получил от жены целых три письма. Она встревожилась сведениями о плохом состоянии моего здоровья — сведениями, которые я же посылал ей.

Жена скоро приедет сюда, в Пекин, мне лучше будет тогда.

13 июня. Начал знакомиться с рукописью И.В. Кулаева.

В Советской России творится что-то необычайное: расстрелян маршал Тухачевский и еще семь «красных командиров» с ним...

14 июня. Начинаю чувствовать жару. Потюю. Почти весь день провалялся в постели.

15 июня. Завтра приезжает сюда жена.

16 июня. Жена отложила свой приезд на день или два.

Становится жарко.

От скуки взял да и написал коротенький очерк «В ночь на 14 августа 1900 года. (Взятие Пекина от боксеров)». Этот очерк послужит как бы заключением моих «Исторических эскизов».

Из намеченного мною плана этого эскиза, я исключил пока четыре очерка — это «Тамерлан», «Сказочная Индия», «Тибет» и «Европа в Китае». Последний очерк мною написан, остальные надо еще писать.

...Может быть, эти очерки пригодятся для второго тома моих «Исторических эскизов».

Но не далеко ли я заглядываю уже?

17 июня. События в Советской России развиваются в крупном масштабе, привлекая всеобщее внимание...

18 июня. В 11:30 жена приехала и привезла с собою нашего повара — стол будет у нас получше, а то, признаться сказать, Феклуша готовит неважно, а, главное, невкусно...

В первый же день приезда жены на ее долю выпали большие хлопоты по убранству парадного ужина для гостей Л[ьва] Н[иколаевича]. Ужин этот уже готовит наш повар.

С приездом жены я ободрился духом.

19 июня. Много беседовал с женою и узнал все тяньцзинские новости. Л[ев] Н[иколаевич] уехал на целые сутки в загородную прогулку, и мы с женою пробыли весь день в его квартире одни. Я перебрался в другую комнату.

20 июня. Воскресенье. Сильно болят руки, так, как никогда не болели ранее... Что делать? Что делать?

21 июня. Читал, спал, снова читал, просто лежал, скучно все же не было — хранящая меня жена занимала меня беседами.

22 июня. Весь день где-то вдали гремел гром.

23 июня. Сегодня — полгода прошло со времени моей операции. Так этим событием я измеряю теперь месяцы моей жизни.

Чувствую себя плохо, — хуже, чем тогда, когда я приехал сюда из Тяньцзиня. Чем объяснить ухудшение, не знаю.

Мы с женою решили, что мне надо будет лечь в госпиталь для исследования и поправку: и наметили для этого Немецкий госпиталь.

Литературные свои работы я прекратил пока...

24 июня. Ночью прошел сильный дождь. Стало посвежее.

25 июня. Сегодня Л[ев] Н[иколаевич] шаферствует на свадьбе. Женятся немец Фогт и барышня Успенская, дочь священника.

26 июня. В два часа дня жена свозила меня в Немецкий госпиталь на прием к профессору Крагу, который лечил меня в 1933 году. Для облегчения моих недугов профессор посоветовал лечь в госпиталь. Давление крови показало 225 пунктов. Я хотел бы лечь в поликлинику по дешевому тарифу, но нет свободных мест.

Кажется, опять мне придется затратить значительные деньги на свое лечение.

27 июня. Воскресенье. Сегодня навестил меня иеромонах Авраамий (Спуп), ранее в миру — дворянин, помещик, земский начальник Саратовской губернии. Этот монах приятный собеседник.

28 июня. Сегодня все же ухитрился написать небольшой очерк «Сказочная Индия».

29 июня. День весь пробездельничал.

30 июня. Мне все худо.

По настоянию жены решил завтра лечь в Немецкий госпиталь, пока хотя бы и по дороговому тарифу. Это, значит, что мне придется платить семь долларов в сутки, не считая еще посещений врача и лекарств — со всем этим будет не меньше 9 долларов. Ужас...

Уповаю на Божью помощь и рассчитываю на поддержку друзей...

Но... что делать? Что же делать?

1 июля. Утром перебрался в госпиталь. Занял комнату дорогую, но зато

и очень хорошую: чистую, светлую, просторную, приятно обставленную; в третьем этаже, с отличным видом из окна третьего этажа на Пекин.

Жена почти весь день провела у меня в госпитале.

В госпитальной комнате — не жарко, она хорошо продувается сквознячком.

2 июля. Началось мое лечение. Присутствие альбумина в моче показало, что у меня неладно что-то и с почками...

3 июля. Ухаживает за мною сестра Марта — красивая немка; я зову ее по-немецки: швестер Марта. Она вчера на ночь дала мне таблетку medinal, и я спал эту ночь, как убитый.

Проф[ессор] Криг сказал, что у меня очень расширено сердце...

4 июля. Воскресенье. Полдня провел за работою: стилистически отделивал и переписывал безграмотную рукопись И.В. Кулаева «Под счастливою звездою».

Днем у меня побывали епископ Виктор и архимандрит Федор...

5 июля. Давление крови — 175. Это немного. Стоит мне только лечь в госпиталь, как это давление начинает сейчас же снижаться.

Жена почти все дни проводит у меня.

6 июля. Сегодня меня навестили О.И. и И.И. Исаевы и барышня Е.А. Пикок.

Жена собирается съездить в Тяньцзинь, чтобы раздобыть денег на мое лечение. У нас возник такой план. Я предлагаю Р[усской] д[уховной] миссии в Пекин купить у меня (хотя бы за 150 или 200 долларов!) и издать мои «Исторические эскизы», а миссия для этого обращается с просьбою о пособии в Русский клуб в Тяньцзине. Мы и решили, что жена попадет теперь в Тяньцзинь, чтобы позондировать почву в клубе.

7 июля. Мой вес — 81,5 килограммов. Это много. Жена у меня сегодня не была — значит, она уехала в Тяньцзинь.

Сегодня очень жарко.

8 июля. Лежу, потею, принимаю разные лекарства, читаю, немного пишу, составляю от скуки крестословицы. Пр[офессор] Криг два раза в день навещает меня (утром и вечером) и внимательно каждый раз следит за состоянием моего сердца.

9 июля. Спал плохо.

Идет дождь. Пришло коротенькое письмо от жены.

Добыл кучу немецких журналов, и весь день просматривал их...

10 июля. Жду приезда жены из Тяньцзиня. Она задержалась из-за событий, разразившихся на днях — это военных столкновений между китайцами и японцами под Пекином. Эти столкновения парализовали ж[елезно]д[орожное] сообщение между Пекином и Тяньцзином.

Был у меня Л[ев] Н[иколаевич], принес телеграмму от жены, которая сообщает мне, что хочет переждать события в Тяньцзине. Он же принес мне для

чтения интереснейшую книгу, напечатанную на английском языке в Лондоне в 1706 году — т[о] е[сть] двести тридцать один год тому назад — это описание трехлетнего путешествия из Москвы в Пекин и обратно, проделанного в конце XVII века российским посланником в Китай Избрантом Идесом. Вот это будет отличное чтение для меня. В Пекине вообще можно доставать книги, которых в Тяньцзине и не найдешь.

11 июля. Воскресенье. День простоял отличный. Никто у меня не был. Поджидаю приезда жены.

Как будто военная страсть улеглась немного. Получал сегодня газеты и письмо от И.В. Кулаева.

13 июля. Облегчения пока никакого от моего лечения я не чувствую. Получил сегодня укол с вливанием бетабиона (витамин Б).

14 июля. С утра почувствовал лихорадочное состояние, и сразу исчез у меня всякий аппетит; к вечеру, однако, стало лучше.

15 июля. В два часа дня, когда я после обеда подремывал, неожиданно появилась жена, она поцеловала меня в лоб.

Было много разговоров. Русский клуб отказался пускаться в издательские начинания, но выдал жене пособие на мое лечение в размере 150 долларов. Я рад вниманию клуба, но, с другой стороны, внутренне смог ужасаться: неужели я уже перехожу на иждивение общественной организации, как совершенно выбывший из строя инвалид... Так ли это!?

В Тяньцзине — положение крайне тревожное.

Кажется, надвигаются крупные мировые события.

Давление крови сегодня показало — 180.

16 июля. С приездом жены я повеселел. А то я начал думать, что из-за событий она застрянет в Тяньцзине на долгое время.

Она в Тяньцзине наслушалась уже всяких ужасов про Пекин: он будто бы засыпается японскими снарядами, которые чуть ли не падают в Немецкий госпиталь. Я же сказал жене, что я лично пока что не слышал ни одного выстрела, ни ружейного, ни орудийного.

Как повернутся события, будет ли мир, или война, сказать трудно.

17 июля. Жена снова проводит дни у меня. Иногда мы вместе с нею работаем над рукописью Кулаева.

18 июля. Воскресенье. События в Северном Китае принимают весьма серьезный характер. Что-то будет?

19 июля. Я все еще в госпитале. Нашли у меня отравление мочевою кислотой, и расширение сердца и пр[очее] — лечат усердно. Уход хороший. Schwester Marta ко мне очень внимательна.

Сегодня делали укол с бетабионом. Усердно пью *Salvitae* и йодистый калий...

Хоть бы немного полегче почувствовать себя!..

20 июля. Понемногу все же работаю. Написал сегодня предисловие к книге Кулаева. Составляю очерк «Путешествие Идеса» (1692–1695).

21 июля. Жарко.

Политическое положение в Северном Китае продолжает оставаться крайне напряженным.

22 июля. От моего издателя Веча получил сегодня не очень приятные для меня сообщения. Плохой это человечиска! Неужели все французы — такое же дрянцо?

23 июля. Мучаемся оба от жары. Последние дни допекают нас. Завтра меня хотят выпустить из госпиталя.

24 июля. Давление крови — 165; давно такого низкого не было. Проф[ессор] Криг сказал мне, что лечение имели в виду не дать распространиться моей болезнью, и что зимою надо будет продолжать это лечение.

Сегодня в 5 часов вечера выписался из госпиталя. Домой вернулся в сопровождении жены, которая не перестает крайне внимательно заботиться обо мне. Во истину, хранит меня.

25 июля. Воскресенье. Настает самое жаркое время в Китае, скверном, по крайней мере...

Вечером ужинали у нас Исаевы — они высказали нам, что на днях был арестован в Бэйгуани китайцами один русский, некто Духовской, который считается здесь, якобы, представителем атамана Семенова.

В Бэйгуани воцарилось поэтому до некоторой степени паническое состояние среди русских, конечно.

26 июля. Распространились слухи о том, что возникли боевые действия между китайцами и японцами в Ланфане, на полпути между Тяньцзином и Пекином.

Положение осложняется все более и более. Кажется, иностранцы, живущие вне Посольского квартала, в эти тревожные дни потянут для безопасности в этот самый квартал.

Закончил сегодня свой очерк «Путешествие Идеса».

Вечером, часов в восемь, я совершенно отчетливо слышал пушечные выстрелы. Кажется, начались бои вблизи Пекина.

27 июля. Начались бои за обладание Пекином. Увеличился приток беженцев в Посольский квартал. В частности, началось усиленное вселение и в нашу квартиру и в наш дом вообще. С утра вселились супруги Спешневы с двумя детьми. Спешневы эти — внуки или правнуки того Спешнева, который судился по делу Достоевского, Петрашевского и др[угих]. К вечеру перебралась на нашу квартиру Р.С. Тарарина с сыном; это вдова, родом болгарка, служащая в Рокореллевском госпитале. Она, можно сказать, проникла в наш дом, по нашей протекции. Ждали еще супругов Неппо (пекинская фамилия — а настоящая Непомнящие), родом он нижеудинец, чуть ли не из карагазов, а она — бывшая Лушникова, но они не приехали. Рядом, в пустую квартиру набилось сегодня чуть ли не с полсотни китайцев...

Шум, гам, сумятица...

Да, утром же сегодня поселился у нас некто *Ярцев*, бывший гвардейский офицер-гренадер, приехавший в Пекин по делам на несколько дней и первое время живший в Бэйгуани. Это весьма милый и очень культурный человек...

И так, в нашей квартире, не считая кухни, набирается теперь десять жильцов. Управление хозяйством берет на себя моя жена — такова уж ее доля вечной хлопотуньи. Она сегодня же, на всякий случай, стала закупать запасы провизии.

Кажется, в кухню, к Феклуше, тоже кто-то вселяется.

Днем слышалась где-то канонада. Угрожающе летали аэропланы.

Все судят о начавшейся войне по-разному.

28 июля.

Днем появились сведения о том, что китайцы, якобы, вели успешные бои на разных участках фронта, но я не верил этому: возможно, и был где-нибудь у китайцев частичный успех, который и был раздут ими в победы по фронту.

Целый день слышалась пальба, и целый день летали аэропланы над городом.

Утром я слышал короткую ружейную перестрелку вблизи Посольского квартала.

Сегодня заполнение людьми нашей квартиры продолжалось: на кухне появился муж Феклуши, с ее двумя детьми (настоящими китайцами!), и еще какая-то русская дама, с двумя племянниками. Всего теперь на кухне у нас восемь человек, да в дому — десять.

Уже полтора месяца мы живем у Л[ьва] Н[иколаевича] в его уютной и прохладной квартире. По уговору с Л[ьвом] Н[иколаевичем], я привезла с собой своего боя-повара, и он готовит на всех, а Феклуша ему помогает и убирает комнаты. Я веду все хозяйство и хожу за мужем. Его здоровье не восстановилось полностью после операции, как я надеялась, что-то еще точит его организм.

В Пекине беспокойно. Сегодня, в 5 часов утра, нас разбудила пушечная канонада; некоторые залпы звучали настолько близко, что я ясно ощущала вибрацию воздуха. Муж был тревожен, я успокаивала его. По направлению к востоку, несколько раз пролетали флотилии аэропланов, по четыре вместе; гуденье моторов, грозное и величественное, казалось, несло с собой смерть и разрушение.

Я должна была послать своего повара на базар — вчера мы не успели заготовить нужный запас провизии — и теперь не знала, что делать. Вдруг его не впускают обратно в Посольский квартал, и мы останемся без повара и без провизии. Он все же ушел, как только стихла канонада;

Ярцев, Георгий Владимирович (1890–1957). Полковник. Гвардейский офицер-гренадер. Участник 1-й мировой и Гражданской войн. Слушатель Академии генерального штаба в Екатеринбурге. Жил в Пекине.

больше часа его не было. И вдруг вспыхнула, как будто совсем близко от нас, пулеметная и ружейная стрельба. Прибежала к нашей Феклуше, в страшном смятении, ее знакомая и рассказала, что как раз против базара на Хатамен-стрит стреляют, кто в кого, неизвестно, многие прохожие бросились ничком на землю, спасаясь от выстрелов; улицы сразу опустели, лавки закрылись; рассказчица забежала в какой-то китайский магазин, где тотчас же заперли двери, потом бросилась вместе с другими к Посольскому кварталу, в совершенно противоположном от своего дома направлении. Ворота в Посольский квартал закрыли, она с трудом проникла внутрь.

Я решила, что повар наш остался на Хатамен-стрит в этой суматохе, и не вернется сегодня домой. Но, к общей радости, он пришел: пробрался через какую-то боковую калитку в Посольский квартал, мимо часового-японца, который задержал его, но, увидев при нем только корзину с провизией, разрешил пройти.

В доме Льва Н[иколаевича] тоже собрались беженцы, его знакомые, которые боялись оставаться в своих квартирах, за пределами Посольского квартала.

Орудийная стрельба не умолкала весь день. Иногда японский аэроплан пролетал совсем низко над домами. Многочисленное население нашей квартиры, в общем, довольно спокойно относится к событиям. Больше всех волнуется мой муж; он нездоров, еще не окреп после своих болезней и сильно нервничает, сознавая всю важность событий. Ведь это первая настоящая война, очевидцами которой мы являемся. До сих пор мы знали только войны гражданские — у себя, в России, и в Китае.

Пришлось мне взять все бразды домашнего правления в свои руки: забочусь об обеде и ужине для всех, делаю запасы, смотрю за порядком в доме. Феклуша совсем потеряла голову, сидит на кухне, сложа руки, и мне приходится порой работать и за нее. Нужно ходить и за больным мужем. Хлопот — по горло.

К вечеру надвинулась на небо черная туча, сверкали яркие молнии, но грома не было — его заменял гром орудийный. В общем, все как-то мрачно, и невесело у меня на душе. Чувствуется, что нас, русских, так или иначе коснется эта Японо-китайская война. Благополучно ли мы высидим здесь эту осаду? Надеюсь, как всегда, на милость Божию. У меня мужества хватит на все, а вот как муж ... Сейчас 10 часов вечера — вдруг затрещали беспорядочные оружейные выстрелы: один, другой, третий. Точно, где-то чего-то испугались, начали стрелять; потом быстро все успокоилось. Пушечные залпы стали реже и глуше. Проведем ли мы спокойно эту ночь?

29 июля.

Спал ночь ладно. Проснувшись, сразу услышал суровое жужжанье японских аэропланов. В городе водворилась какая-то жуткая тишина. К вечеру мы

узнали, что китайские войска оставили Пекин. М[ожет] б[ыть], это и хорошо они сделали, иначе бои разразились бы в самом городе, и он несомненно жестоко пострадал бы, пострадались бы и жители.

По слухам, идут большие и ожесточенные бои в Тяньцзине.

Утро. Была очень холодная ночь, необычная для конца июля. Я где-то простудилась вчера, кашляла, и поэтому закрыла на ночь дверь из своей комнаты в коридор, опасаясь сквозняка. И все-таки было очень прохладно; в окно, возле которого я поставила свою кушетку, все время тянуло свежим ветром, и я, в первый раз за лето, уснула непробудным сном до 6 часов утра. Проснувшись — все тихо, не слышно пушек и пулеметов, светит страшно горячее и яркое солнце, обещая жаркий день. Я тотчас послала Феклушу на базар, пополнить наши запасы. В кухне у меня полно народа, вчерашняя «беженка» осталась здесь ночевать, а сегодня пришла ее сестра с двумя детьми, затем Феклушины двое сыновей и муж ее — китайцы. В квартире же нашей разместились всего девять человек: Лев Ник[олаеви]ч, я с мужем, четверо Спешневых — из них двое маленьких детей — и Р.С. Тарарина с сыном. Люди все интеллигентные, ребяташки очень славные, и поэтому в доме нет никаких трений. Забыла еще десятого члена нашей колонии — только что приехавшего откуда-то из китайской провинции Г.В. Ярцева, в прошлом офицера одного из гренадерских полков, знакомого Льва Н[иколаеви]ча.

10 часов вечера. За день поступили следующие сведения: китайские войска ушли из Пекина, под давлением японцев; в городе тревожно, боятся грабежей и вообще каких-либо эксцессов, как обычно бывает в переходные моменты, при смене одной власти другой. Все посольства советуют своим резидентам не покидать пока Посольского квартала. Есть слухи о больших событиях в Тяньцзине, где будто бы бомбили с японских аэропланов, разрушены некоторые здания в Китайском городе, и одна бомба попала в Кантри-клуб.

Часов в семь вечера я пошла с Тарариной погулять по Посольскому кварталу, в южный его конец. Было очень пустынно. У дверей и окон *Yokohama Specie Bank* лежат мешки с песком, все закрыто железными решетками, и за ними, внутри, виднеются японцы-часовые. У выхода из квартала, возле Американского посольства, стоят часовые-американцы; средние ворота закрыты, можно проходить в боковые калитки. Американец-солдат, видя, что мы остановились в нерешимости у ворот, сделал нам пригласительный жест рукой пройти дальше, прибавив весело «Come on, come on²!» Еще он сообщил нам, что мы можем гулять до 8 часов, в восемь ворота квартала закрываются. Мы прошли еще недалеко и вернулись: улицы были скучны своей пустотой, слонялись лишь немногие рикши и пешеходы. Полиция не пропустила двух автолюбителей с китайскими семьями, пытавшихся пройти в ворота квартала, и они вернулись обратно.

²Идем! Идем!

В раскрытые ворота Американского посольства мы увидели тесно расставленные по саду высокие брезентовые палатки, в которых разместились приехавшие из-за пределов квартала американские резиденты. В палатках виднелись складные кровати, между ними маленькие столики, стулья. По зеленым лужайкам сада разгуливали и стояли группами дамы, одетые в белые, голубые и розовые платья. В общем, эта картина напоминала пикник на открытом воздухе, а не «беженский» лагерь.

Возвращаясь домой, мы услышали отдаленные пушечные залпы. После целого дня молчания, эта канонада подействовала особенно неприятно: опять началось что-то... Вечер провели в немного пониженном настроении, у всякого были свои заботы и думы. Около 10-ти часов Р.С. Тарарина, и я вышли из дома на воздух. В нашем переулке было темно и как-то уныло; на небе висели сплошные тучи, давила духота. Откуда-то навстречу нам бесшумно вынырнули двое китайских полицейских; из-за ворот соседнего дома яростно залаяла собака. Мы повернули на Legation Street — напротив, у ворот японского жандармского управления, стоит часовая-японец, держа винтовку горизонтально, дулом вперед, точно в боевой готовности. На улице — ни души. «Уйдемте», — сказала я Тарариной, — тоска какая-то, у меня нервы расхотелось, пугает всякий шорох» Вспомнилась почему-то убитая Памела Варнер.

К ночи у меня сильно разболелось ухо, в горле царапает — придется принять аспирина.

30 июля. Газеты принесли подробные сообщения об оставлении Пекина китайскими войсками.

Спрашивается: как относятся к событиям Нанкин? Москва? Лондон? Женева? Весь мир? Но пока ничего неизвестно.

В доме нашем, конечно, события эти живо обсуждаются и интерпретируются, с разных точек зрения, и с разными симпатиями.

Как-то в разговоре я заметил:

— Вот как было бы теперь, кстати, если бы этот проклятый Богом и людьми Советский Союз рухнул сейчас, и на его месте воскресла национальная Россия, фашистская. Это спасло бы нашу родину! Образовался бы Итало-Германо-Русско-Японский фашистский блок, и тогда Англии, Франции и прочим пособникам коммунизма и анархизма было бы указано их настоящее место в мире.

Это мое заявление, однако, не встретило должного сочувствия.

Yokohama Specie Bank, Пекин

В настоящее время Пекин отрезан от остального мира: связь с ним поддерживают только американское и итальянское радио.

У нас, в квартире, все по старому, население не убывает, — все боятся еще возвращаться по домам. Это страхи и жуть переходного времени.

Кажется, Тяньцзинь постигла та же участь, как и Пекин.

События большие...

31 июля.

С утра пошел дождь. Тихо. Все еще чего-то боятся...

Целый день шел мелкий и упорный дождь. Всем нам было тоскливо, неуютно. Утром все жильцы нашей квартиры собрались в комнате, где помещаемся я и мой муж. Маленький Коля Спешнев рисовал за моим столом картинку, отец его разбирал с моим мужем шахматные задачи, я и О.Н. Спешнева занимались вязанием и шитьем, разговаривая с Р.С. Тарариной. Кое-как скоротали утро.

Сообщения из Тяньзиня говорят об окончательном захвате города японцами. Китайский город сильно пострадал, сгорели и разрушены до тысячи зданий. Сейчас, значит, Русская и Австрийская концессии очутились под новым управлением. Вероятно, обитатели Русской концессии пережили очень тревожные дни. Я и муж беспокоимся за Курбатовых, наших близких друзей, живущих там — все ли у них благополучно?

Наша квартира в Тяньцзине находится в центре Английской концессии, и за ее безопасность я совершенно не боюсь. Но все-таки, несмотря на грозные тяньцзинские события, я предпочла бы сейчас быть там, дома, среди привычной обстановки и в обществе своих близких друзей — конечно, вместе с мужем. Воображаю, как волнуется и трусит Е.И. Алимова, живущая сейчас в нашей квартире: хозяев нет на руках чужое имущество, от которого нельзя уйти, — и зарево военных пожаров вокруг Тяньцзиня...

К вечеру дождь немного стих, и я вышла на прогулку по кварталу. Все та же картина: тихо, пусто, часовые-французы у ворот, оживленное движение в зданиях, занятых японцами; пробегают иногда взад и вперед автомобили с иностранцами. Бедные рикши усиленно предлагают редким прохожим свои услуги. За дни войны поразорилось, вероятно, много китайской бедноты: нормальная жизнь почти остановилась, остались не у дел прачки, рикши, вокзальные носильщики, деревенские торговцы, мелкие городские лавочники... Хуже всего пришлось китайским крестьянам: я слышала, что они торопились снимать с полей незрелый хлеб, чтобы спасти хоть что-нибудь для своего пропитания, и много посевов погибло во время сражений, под копытами конницы и от огня батарей.

1 августа.

Воскресенье. Ясный, солнечный и жаркий день. Чувствую себя все еще плохо. Из-за болезни я не уделяю событиям должного внимания. Не хочется писать о них и в дневнике. Жена записывала эти дни кое-что тоже в свой дневник.

Жаркое, солнечное утро. По случаю воскресенья, мы все не торопились вставать, к столу собрались только часов в девять. Лев Н[иколаевич] читал нам с мужем вслух пекинскую газету. В Тяньцзине настало успокоение, т[о] е[сть] боев больше нет; японцы занимают Китайский город; организовано местное управление. Во время бывших боев убиты случайными пулями на Французской концессии 20 пешеходов. Убиты также наблюдавшие за боями, видимо, недалеко от места их, итальянский марин и французский солдат-анамит.

Льву Н[иколаевичу] рассказывал его знакомый немец, что он поехал вчера в Нань-Юань делать снимки с места битвы.

Там он увидел лежащих на земле раненых китайцев, подобрал пятерых из них: одного поместил позади своего легкового автомобиля, привязав его, чтобы он не упал, двух таким же способом пристроил с боков, на подножках, двух, тяжелее раненных, положил внутрь автомобиля. Все это ему приходилось делать одному, так как стоявшие вблизи крестьян молча смотрели на него, и ни один не подошел помочь ему. Немец привез раненых в Китайский госпиталь для опикурильщиков и упрекнул госпитальную администрацию в жестокосердечности по отношению к их раненым солдатам. Те ответили: «Мы давно бы всех подобрали, да боимся японцев».

Раненые рассказывали этому немцу, что, когда они лежали, истекая кровью, на поле сражения, только двое-трое крестьян приходили туда и приносили им дыни, овощей и воды. Милосердные самаритяне — я думаю, Господь Бог зачтет этим немногим на небе все их грехи за проявленные ими здесь человеколюбие и бесстрашие.

9 часов вечера. В 4 часа дня прибежала Тарарина, уехавшая утром к себе домой, и сообщила, будто в городе ждут каких-то событий, ворота Посольского квартала в 6 часов закроют, из Нанкина выступили войска и идут на Пекин, японцы в 50-ти верстах от Пекина роют траншеи — и прочий такой же вздор, которому я, признаться, совсем не поверила. Пришел А.П. Фридендер и еще подлили масла в огонь: японцы окружают Пекин «боевой линией», по всему Посольскому кварталу расставлены американские солдаты. Могло, действительно, создаться впечатление, что должны произойти, или уже произошли, какие-то необычайные события.

Хотя я и не склонна вообще поддаваться панике, но, тем не менее, ощутила некоторую тревогу в сердце. Кто знает, какие сюрпризы могут быть в военное время! Я решила пойти проверить все эти слухи сама, и часов в семь вечера отправилась побродить по кварталу. Все оказалось вздором: ворота были открыты, пешеходы и рикши пропускались, американских солдат на улицах не было, только один стоял на углу, возле *Wagons Lits*, и почасовые, как обычно, у южных ворот квартала.

У нас всех создалось впечатление, что Тарарана еще боится вернуться домой, и она, чтобы оправдать свое дальнейшее пребывание в квартире Льва Н[иколаевича], попросту выдумала все эти слухи. В общем, получи-

лось у нас какое-то запутанное положение: дом полон чужого народа, я осталась без своего угла, так как уступила свою комнату Тарариной, не имею возможности приняться за работу, ибо целый день должна хлопотать обо всех, заботиться об обедах и ужинах и пр[очее]олпевивание в квартире Льва Н[иколаевича]. И конца этому не предвидится. По-моему, в городе уже достаточно спокойно, и можно всем возвратиться по домам. Я сегодня чувствую себя усталой и нервной — мучит свой собственный жизненный вопрос: вдруг Тяньцзинь надолго останется отрезанным от Пекина, и я не смогу вовремя приехать домой? 5-го сентября я должна начать свои уроки, и если к этому времени я не вернусь, пропадет мой последний заработок, не смогу я получить 100 долларов за исправленную уже нами рукопись И.В. Кулаева, останется не оплаченной за 3 месяца квартира, и пр[очее]олпевивание в квартире Льва Н[иколаевича] и пр[очее]олпевивание в квартире Льва Н[иколаевича]. Что делать тогда? Сидеть здесь до зимы, с одними платьями, взятыми мной из Тяньцзиня, и без копейки денег? Но, Бог даст, все же не случится этого. Нужно только быть готовой, как только откроется сообщение с Тяньцзинем, немедленно уехать отсюда.

2 августа.

Полагаю, что русские «большевизанствующие» эмигранты чувствуют себя теперь неважно.

Сегодняшняя утренняя газета не принесла никаких страшных известий. Тяньцзинь — уже вне сферы боев, назначен там новый начальник полиции. В Пекине — полное успокоение. Большие силы японцев собираются сейчас около Баодинфу, на Пекин-Ханькоуской дороге, с целью закрепиться на Желтой реке. Через несколько дней предполагается наладить сообщение с Тяньцзинем. У меня отлегло от сердца, хотя и боюсь еще очень «успокаивается»

The Grand Hôtel des Wagons-Lits. Первый отель в Посольском квартале был построен в 1905 г. международной логистической компанией Compagnie Internationale des Wagons-Lits. Отель был предназначен для размещения путешественников из Европы, которые приехали на Транссибирском экспрессе.

Наши соседи-китайцы, занимавшие целую неделю смежную с нами квартиру, сегодня утром выехали со всем своим имуществом — верный признак наступившего успокоения. Их жило там человек 15 — семья директора Continental Bank'a, вели себя страшно шумно, возились и кричали ребята; непрерывное хождение взад и вперед через нашу квартиру десятков китайцев (другого хода нет) всех нас раздражало. Как раз вчера влетала к этим китайцам наша нижняя англичанка и накричала на них: это — безобразие, нельзя жить из-за шума, она будет требовать их выселения, и т[ому] п[одобное]. И вот сегодня, слава Богу, они уехали. Вероятно, завтра двинутся от нас и наши временные квартиранты. Кончится тогда и моя хозяйственная страда.

Вечер. Пока все остается по-старому: о переезде от нас никто и не заикается. За время нашего проживания у Льва Н[иколаевича], мы с мужем заинтересовались стихотворениями китайских поэтов, которые, в английских, французских и немецких переводах, мы нашли в библиотеке Л[ьва] Н[иколаевича]. Муж начал переводить их с английского языка на русский, прозой, с двух других языков переводил нам Лев Н[иколаевич], а я занялась отделкой их в стихотворной форме. Эта работа положительно увлекла нас. Стихи китайских поэтов мы читали впервые в жизни; многие из них изысканно тонки, глубоки, поэтичны и художественны. Мы с мужем стали даже мечтать о выпуске в будущем сборника этих стихов на русском языке — до сих пор такового нигде и никогда не было издано. Вдобавок к этой работе, мы заканчиваем отделку рукописи И.В. Кулаева, и я уже начала печатание ее. Но от всей этой интересной для меня работы меня непрерывно отвлекают целодневные хлопоты по хозяйству для наших гостей, и я невольно сержусь на это, и хотя все они — очень приятные и воспитанные люди, я все же хочу, чтобы они скорее уехали от нас.

3 августа.

В нашей квартире и по соседству народа стало поменьше — уехали Тарарины, съехали рядом и китайцы, кажется, разрядилось население и на кухне...

Была невероятно душная длинная, тяжелая ночь. Я плохо спала, моя кушетка вдруг стала казаться мне жесткой и узкой, я не могла найти никакого удобного положения телу. Муж тоже почти не спал до трех часов. В окно смотрело переменчивое ночное небо; луна то закрывалась облаками, и тогда становилось темно и мрачно, то выплывала из-за них, освещая нашу комнату бледным, призрачным светом. Иногда мелкие перистые облака располагались вокруг луны, подобно золотистому кружеву. Вся эта ночная красота неба, это беспокойное движение луны, волшебная игра света и тканей — и привлекали к себе, и в то же время томили и раздражали, мешая мне заснуть.

С утра сегодня сильно парило, все мы ходили, как разваренные, обливаясь потом и нервничая. Около полудня потемнело, громадная черная туча надвинулась на нас, но прошла стороной, и нам достался только кусочек грозы и десятиминутный, довольно сильный ливень. Все же сразу стало прохладнее, подул свежий, облегчающий ветер.

Р.С. Тарарина уехала сегодня рано утром, пока мы все еще спали. Я с удовольствием перебралась снова в свою маленькую комнатку, к привычным уже вещам.

В городе все как будто успокоились, но китайцам воспрещается вход в Посольский квартал, без особого письменного пропуска. Сегодня к нам не пустили китайца-прачку, у которого есть много нашего белья. Как его получить теперь, не знаем.

Каждый день приходится слышать о каких-нибудь ужасных эпизодах Японо-китайской войны³. Сегодня рассказывали, что в Тунчжоу, в самом начале конфликта, погибло до 200 человек мирных японцев, включая женщин и детей. Всех их вырезали и перебили китайцы.

Вечер провели всей компанией, как всегда, на веранде. А.Н. Спешнев очень хорошо имитировал китайца, рассказывал ломаным русским языком басни Крылова: «Ворона и лисица» и «Мартышка и очки». Все весело хохотали.

Завтра должно начаться движение поездов на Тяньзинь и обратно. Если это верно, мы получим почту за неделю.

4 августа.

Все еще торчу за обработкою безграмотных мемуаров Кулаева, переписываю их заново. Работы много и сейчас, а потом придется жене еще и печатать их на машинке. И за всю эту работу жена выговорила у Кулаева всего сто долларов. Просили у него 150, но старый скряга и эксплуататор от рождения накричал за это на нас, а ведь Кулаев — миллионер; говорят, имеет до 10 миллионов американских долларов. Он знает, что я болен, и без денег, и все же пожалел прибавить каких-нибудь 50 долларов...

Прости меня, Господи, но порою, грешен, невольно думаю:

— Не была ли бы русская атмосфера раньше почище, если бы подобной купеческой нечисти в России было бы поменьше?

День прошел быстро, незаметно, без каких-либо новостей. Заболел слегка маленький Кока Спешнев, его уложили в постель. Под вечер я сидела с ним и развлекала его: играла с ним в карты, рассказывала сказки. Потом О.Н. Спешнева занимала нас виетрольной музыкой, по пластинкам Льва Н[иколаевича]. Слушали, между прочим «Меланхолическую серенаду» Чайковского, в исполнении Миши Эльмана. Я очень люблю эту вещь, и она вызвала во мне много далеких, милых воспоминаний. Эту серенаду часто играла младшая моя сестра Антонина, отличная пианистка, вместе с молодым скрипачом, посто-

³Японо-китайская война (7 июля 1937 — 9 сентября 1945). Несмотря на то, что Китай и Япония вели периодические боевые действия с 1931 года, полномасштабная война развернулась в 1937 году и закончилась с капитуляцией Японии в 1945.

янным ее партнером в игры. И так ясно представился мне сейчас небольшой зал нашей квартиры в Иркутске — той самой квартиры, где умерла моя мать, и откуда я, 17-летней девчонкой, в неудержимом стремлении к свободе, ушла, бросив сестер и отца, в свою отдельную, самостоятельную жизнь. В зале, между двумя окнами, выходящими в сад, стоит наш большой рояль, а за ним — сестра Антонина, тонкая, стройная, с косами, положенными вокруг головы, с немного выпуклыми, черными, круглыми, как вишни, глазами. Скрипач — худой, с длинным птичьим носом, всегда немного растрепанный, страшно некрасивый, но необыкновенно симпатичный и славный парень, не расстающийся со своей скрипкой ни днем, ни ночью. Весна; в раскрытые окна врывается из сада легкий ветер, принося с собой аромат цветущей черемухи; колышутся большие тюлевые занавески на окнах... И звучит и льется божественная музыка Чайковского, глубоко проникает в мою настороженную душу, будя в ней самые разнообразные чувства: и сладкую грусть, и безотчетную тревогу, и внезапно вспыхивающее блаженство, как от предвкушения бесконечного будущего счастья. Я сижу в углу зала, забравшись с ногами на диван, слушаю эту музыку, и не могу наслушаться, прошу сестру играть еще и еще... И они оба играют с таким же наслаждением эту «Серенаду», кончая ее и начиная снова, всей душой отдаваясь музыке...

Весна, весеннее цветение, юность, полная мечтаний и ожиданий, пленительная музыка — в каком далеком сне привиделось мне все это? Было ли это на самом деле?

5 августа.

Пришли к нам газеты из Тяньцзиня. Значит, прорвался сюда какой-то поезд. На этот раз я обрадовался даже «Нашей зари» (подленькой газетенке, как всегда).

Из газет видно, что в Тяньцзине во все время войны было достаточно страшно. У меня создалось впечатление: кто-то невидимый спровоцировал китайских нижних чинов и полицейских на драку и бои с японцами. Китайцы дрались без надлежащего военного руководства. Чую я руку коммунистов во всех этих делах...

Сегодняшний день прошел под знаком тоски и скуки: с утра льет дождь, совсем осенний — непрерывный, тихий, без малейшего ветра. В комнатах душно и сыро, все платья и белье стали влажными — противно. Часов в 9 утра мы получили большую пачку тяньцзиньских газет — значит, открылось снова железнодорожное сообщение с Тяньцзином. На газеты с жадностью накинuloсь все взрослое население нашего дома.

Тяньцзинь наш пережил, оказывается, действительно, страшные дни, в связи с военными событиями. Обстрел Китайского города, разрушения и пожары вызвали панику в населении; десятки тысяч китайских беженцев непрерывным потоком вливались в пределы ино-

странных концессий; жизнь почти замерла в эти дни. Как хорошо, что мой муж сейчас здесь — больной, среди тревог войны в Тяньцзине, он страшно нервничал бы, и состояние его здоровья ухудшилось бы во много раз.

Из русских резидентов города, судя по газетам, никто не пострадал. Если сообщение с Тяньцзином установится, нужно будет нам скорее выбираться домой, чтобы не засесть потом надолго в Пекине. Мне надоело здесь, я устала, рвусь домой, к своему собственному углу и уюту. Если бы не больной муж, я уехала бы хоть сегодня; не хочется тащить его в духоту и жару тяньцзиньской нашей квартиры — здесь большие комнаты, чистый воздух, веранда, выходящая в сад.

6 августа.

Болезнь не дает мне много работать. Приходится полеживать. Сделал сегодня большое добавление к своему очерку «Государь — нищий и его сын».

Дождь лил всю ночь, и продолжает лить, все такой же назойливый и упорный. Не зная, как спастись от зеленой скуки, я занялась «стихотплетением» и написала следующую пародию:

«От Севильи до Гренады»

Серенада под музыку Чайковского. Слова А.Н.С. Посвящается Л.Н. Кукуранову.

От Севильи до Гренады,
В тихом сумраке ночей.
Не звучат уж серенады.
И умолкнул стук мечей.

Где красавицы-сеньоры,
Где гитары тихий звон?
Чьи тепер ласкает взоры
Разукрашенный балкон?

Кто к нему при лунном свете
В час вечерний подойдет
И красавице Нисете
Серенаду пропоет?

От Севильи до Гренады,
Где шумит Гвадалквивир, —
Отзвучали серенады,

Только слышен гром мортир.
В небе реют бомбовозы,
Всюду сея смерть и ад;
Тихо тянутся обозы,
Тяжко танки тарахтят.

Там от суши и до моря,
Беспощадна и страшна,
Разгулялась на просторе
Красно-белая война.

Бьются белые испанцы
Против красного врага,
Бьются с ними итальянцы.
Коим жизнь недорого.
Красным братьям на подмогу,
Обнажив свои штыки,
Поспешают в путь-дорогу
Из Москвы большевики.
И красавица Нисета,
Во спасение страны,
Отдает свои пезеты
Дону Франко для войны.

А бывшие кавалеры,
Без гитар и без меча,
Помощь Ларго Кабаллеро
Предлагают сгоряча.
Все смешалось: коммунисты,
Португальцы, поляки,
Немцы, баски, лойялисты,
Марокканские полки...
И, когда войны гражданской
Протечет десятков лет —
Выйдет так: в земле испанской
Никаких испанцев нет.

Пародию эту я торжественно поднесла Льву Н[иколаевичу] после ужина, и он прочел ее вслух, при всеобщем и дружном одобрении публики.

Мое и мужа увлечение стихами передалось всем членам нашей компании. Лев Н[иколаевич] сделал серьезный и хороший перевод с немецкою языка стихотворений китайского поэта Тао Юань Мин; писал какие-то стихи А.Н. Спешнев; и даже шестилетний Кока Спешнев пришел ко мне сегодня и, подавая какую-то бумажку, сказала на своем милом детском языке: «Александра Николаевна, я тоже написал стишок благополучный». На бумажке старательными его каракульками было написано:

«У Феклуши есть котенок,
У котенка много блох.»

Стишок этот был прочитан всеми, был весьма одобрен, и наш маленький автор сиял от удовольствия.

7 августа.

Жарко. Сыро. Душно.

Пришло письмо от д[окто]ра Прищепенко из Харбина. Это первое письмо, которое мы получили после окончания военных действий под Пекином.

Вчера вечером мы получили газету «Наша заря» из Тяньцзиня. Сейчас между Пекином и Тяньцзинем ходит по одному поезду в день; конечно, вагоны битком набиты пассажирами. Лев Н[иколаевич] рассказывал, что к 9-часовому утреннему поезду из Пекина пассажиры приходят с 7 часов утра, чтобы захватить места. Я думаю, мы с мужем выждем, пока пойдут еще и другие поезда, и движение несколько разрядится; тогда и мы двинемся домой.

Дождь сегодня перестал, выглянуло солнце. Жара ужасная, еще усиленная влагой воздуха. Я ходила на Natamen Street за покупками, побывала в Hotel de Pekin у Розанова и в библиотеке Черкасова. У ворот Посольского квартала — смешанная китайско-иностранная охрана, но пропусков ни от кого не требуют, все спокойно.

8 августа.

Спешневые и Ярцевы продолжают оставаться в нашей квартире. Не знаем, надолго ли. Мы не очень довольны этим обстоятельством — жену досаждают ее хлопоты по хозяйству.

Очень тяжелый, мучительный день; духота, идет мелкий дождь. Все валится из рук, на душе тяжело; надоела суета, куча забот, придумывание обедов и ужинов, хлопоты по хозяйству. Сколько лет уже я живу в этих хлопотах — то в Тяньцзине, то в Пэйтэйхо, то в Калгане, а ныне и в Пекине. Сама я так равнодушна ко всякой еде, а приходится изодрать мозг в придумывании разнообразных блюд, для угождения вкусам и аппетитам моих многочисленных нахлебников, прежних и нынешних. Ну, ничего; все это я делаю сейчас ради Льва Н[иколаевича], которому мы с мужем так многим обязаны, и к которому мы оба сердечно расположены. Это — удивительный, редкий человек.

9 августа.

Сегодня — по старому лунному китайскому календарю — начало осени, отныне должно быть чуточку посвежее.

Пока же томит сильная жара. Большую часть дня я, раздетый, лежу в постели.

Сегодня, наконец, прекратился дождь, но небо покрыто густыми белыми облаками, которые как в вате, душат всякое движение воздуха. Самочувствие мое весьма неважное, кружится голова; тем не менее, я поработала немного: переделала заключение рукописи И.В. Кулаева, проверила напечатанные ее листы, потом шила и штопала. Муж почти весь день пролежал в постели; лежа, читал, просмотрел написанное мной сегодня.

В Пекин вступили японские войска.

Из Тяньцзиня ни вчера, ни сегодня не приходило газет. Писем так же нет. Тоска. Завтра напишу сама несколькими близким друзьям.

10 августа. Одурающе кричат несносные цикады.

11 августа. Жара продолжает свирепствовать во всю...

12 августа. Получили первую весточку из Тяньцзиня — пришла открытка от О.В. Остерман. Пишет, что раньше отправила нам письмо, но мы такового не получали. Завалюсь где-нибудь на почте, правильная забота которой теперь сильно нарушена.

13 августа. Жарко... спасите!

Сегодня у нас маленькое торжество — день рождения мальчика Коли Спешнева. Коки-Моки, как его зовет жена. Мальчуган — умный и хороший. По случаю Колиного торжества у нас народный обед: это значит — закуски, куриный суп, куриные котлеты и мороженое.

Последнему Кока очень рад.

14 августа. С утра дождь...

Японцы начали бомбардировку Шанхая. События развиваются более чем быстро.

В общем, когда читаешь газеты, то видишь, что все идет своим чередом: японцы проводят свои намерения в Китае; дуче в Италии занят военными маневрами; генерал Франко силится взять Мадрид; Гитлер в Германии замышляет что-то новое против жидов и коммунистов, Сталин в Союзе чистит партию и уничтожает своих противников пачками — словом, все заняты своими делами, и просят посторонних не мешать и не вмешиваться...

15 августа. Воскресенье. Вспомнили старинку-матушку: покушали сегодня пельменей. Стол, которым продолжает вестать жена, все хвалят. Хлопот ей много, порою досаждают и неприятности с прислугой.

Пять дней не записывали ничего. Истомила жара, не было сил взяться за что-нибудь. Только вчера прошла небольшая гроза, с сильным ветром, и почувствовался резкий перелом погоды: стало прохладно, и ночь на сегодня совсем холодная.

Газету из Тяньцзиня получаем теперь каждый день. Движение поездов пока все то же: по одному в день из Пекина в Тяньцзинь и обратно. Отсюда ежедневно уезжает по 1.500 человек и больше, забираются на вокзал с 4 часов утра, чтобы попасть на единственный утренний поезд в 9 часов. Вагоны набиваются битком, пассажиры-китайцы влезают даже через окна. Все жду, что, может быть, дальше будет лучше. Через две недели я непременно должна быть дома — удастся ли уехать?

В Шанхае разразилась ужасная катастрофа. Китайские аэропланы внезапно атаковали японские суда, стоявшие у берега, но все бомбы попали мимо и угодили на улицу Шанхая, в дома, в отели, погибло много иностранцев и китайцев, дети и женщины. Число жертв — несколько сот; разрушено много зданий. Из японских же судов ни одно не пострадало.

В общем, чудовищно страшно все, что делается сейчас на свете. Мы опять попали в полосу мировых событий, несущих с собой большие испытания всем нам.

Пишу, вернувшись с небольшой прогулки после ужина с супругами Спешневыми. Прошли всю Legation Street, слева направо. Тихо, пустынно, почти никто не встретился нам. Все-таки можно уже гулять: было довольно прохладно.

16 августа.

В Шанхае свирепствуют военные ужасы, бомбы с аэропланов падают порою и на иностранные селтльменты. Имеются убитые европейцы и в том числе и русские.

Весь день моросит мелкий дождь, тихий, без ветра. Точно наша российская осень. В сыром воздухе звонко разносятся редкие гудки паровозов.

Сегодняшние газеты сообщили, что значительно уменьшилось количество уезжающих из Пекина. Сейчас уходят отсюда два поезда ежедневно. Начинаю понемногу готовиться к отъезду. Весь день сегодня сидела за Кулаевской рукописью; нужно до отъезда совершенно закончить ее.

17 августа.

Плотно засел за работу, на этот раз библиографического свойства - готовлю материал для статьи на тему «Синологическая деятельность Русской духовной миссии в Пекине». Думаю, что дня через три, четыре этот материал будет мною весь подобран.

Дождь и дождь без конца. Надоело...

Читаем в газетах страшные подробности шанхайской катастрофы. Убитых больше тысячи, почти столько же раненых. Иностранцы начинают спешно эвакуировать из Шанхая своих женщин и детей.

18 августа.

Китай и Япония находятся в состоянии войны, без объявления таковой. Так теперь это уже повелось. Англичане и американцы эвакуируют из Шанхая женщин и детей. Собираются это сделать и другие иностранцы. Конечно, о русских женщинах и детях никто не подумает позаботиться в страшную минуту — с легкой руки русских коммунистов чувство джентльменства стало исчезать во всем мире.

Не слышать пока ничего и об эвакуации советских граждан из Шанхая. Советскому Союзу, наверное, и не жаль своих граждан — экспериментальный строй скотинки, — да он и побаивается теперь заявлять громко о своем существовании: мировой подстрекатель притих.

Проклятая коммунистическая нечисть — сколько она принесла бед и несчастий России, Китаю, Испании и еще принесет другим, имена коих ты, Господи, веши...

19 августа. Преображение Господне. Все еще жарко.

20 августа. Много возни с Кулаевскими рукописями. Сибирский миллионер

написал свои мемуары крайне безграмотно. Для примера укажу на следующее. Слова «революционер», «пролетариат», «револьвер», «машина», «сойот» — Кулаев пишет так: «ревуционер», «протариат», «леворверт», «мошина», «саот». Помимо этого, ужасно перевернаны во многих случаях собственные имена.

Все же нам с женою удастся сделать из его рукописей грамотные и, пожалуй, весьма занимательные мемуары.

21 августа. После своего отсутствия в течение многих дней, сегодня выглянуло солнышко, и всем стало повеселее. Кроме сего, подул свежий, несущий облегчение, ветерок.

Три дня не писала ничего. Все время лил упорный дождь, от которого я впала положительно в отчаяние и начала физически скверно чувствовать себя. Был даже со мной позавчера ночью сердечный припадок, голова кружилась. Кровать уплывала из-под меня куда-то вниз, и я не спала до четырех часов утра. Сегодня в первый раз за много дней выглянуло солнце, и подул свежий северный ветер, быстро согнавший все тучи с неба. Стало легче жить и дышать.

События развиваются, война фактически уже идет...

«Peking and Tientsin Times» сообщила, что в Тяньцзине были арестованы японской жандармерией доктора Перцель и Дыхна и Л.П. Ровенский. Первых двух освободили через полсутки, а Ровенский сидит уже 4 дня. Воображаю, какой переполох царит сейчас среди евреев!

22 августа. Воскресенье. Только что похвалил солнце, а его сегодня снова не видно.

Утром над нами пролетела боевая эскадрилья из девяти японских аэропланов. Грозно прошумели и скрылись. Тяньцзинская английская газета сообщила об арестах в Тяньцзине нескольких русских евреев, а «Наша Заря» — молчок об этом, ни слова — что и говорить, трусоватая газетенка.

М[ожет] б[ыть] были арестованы и русские, но о таковых не пишут — мелкая сошка, не то, что... евреи.

23 августа. Заинтересовались мы с женою китайской поэзией, и начали сейчас переводить с английского стихи знаменитого китайского поэта Либо, или Литайбо⁴; на английский язык его стихи были переведены японцем Обата, издавшем отличную книгу со стихами Либо. Я перевожу с английского, жена берет мои переводы и перелагает их в русские белые стихи. Мы хотим вовлечь в сферу нашего внимания и других китайских поэтов и таким образом получить «Антологию китайской поэзии».

Может быть это интересно, что мы занимаемся поэзией под грохот пушек и бомб. Но ведь я человек — больной и занимаю себя, как могу; жена же ухаживает за мною и поддерживает мои увлечения, дабы я не очень уж предавался мрачным думам о своих болезнях... Так оно и идет.

Сегодня — восемь месяцев истекло после моей операции...

⁴...китайского поэта Либо, или Литайбо... — Ли Бо (современное произношение Ли Бай) или Ли Тай-бо (кит. 李白; 李太白) — китайский поэт времён династии Тан. Известный как бессмертный гений поэзии (кит. 詩仙, варианты перевода — «поэт-святой», «гениальный поэт»), Ли Бо принадлежит к числу самых почитаемых поэтов в истории китайской литературы.

24 августа. Циркулируют слухи, что японцы заняли Калган. Я очень тревожусь за русских в этом городе...

25 августа. Слышится глухая пальба — это, вероятно, идут бои у горного прохода Нанкоу.

26 августа. Хочу похвастаться — я перевел уже около 30 стихотворений китайских поэтов. Жена около десятка из них переложила на стихи.

27 августа. Утром услышал, что под Шанхаем японские летчики (а, может быть, и другие) обстреляли автомобиль английского посланника, и ранили последнего.
Дела!..

28 августа. Сегодня опять выглянуло солнце. Читаю с увлечением известный труд Джайльса «Gems of Chinese Literature». Много интересного.

В прошлые годы, когда я изучал религиозные воззрения китайцев, меня очень занимал вопрос, откуда и как создалось китайское представление о драконе, как мифическом существе, распорядителе водяной стихией. Просматривал некоторые материалы по этому вопросу. Я стал приходить к заключению, что на территории Китая существовал когда-то, во времена доисторического (м[ожет] б[ыть] и с захватом времени исторического) — какой-нибудь гигантский ящер, вроде того, как совсем недавно был открыт на острове Комодо, близ Явы, и что этот ящер прибрел в глазах местного населения характер священного животного и превратился в народный тотем — покровителя водяной стихии. Этот ящер с течением времени вымер, а память о нем сохранилась в народном сознании, в виде представления о мифическом животном-драконе.

Конечно, это только гипотеза, ждущая подтверждения фактами. В этой гипотезе ящера можно, пожалуй, будет заменить и аллигатором, тоже каким-нибудь особенным. Факты в подтверждение гипотезы надо еще собирать. Несколько подкрепили меня в моих воззрениях недавние сообщения об открытии гигантских ящеров на острове Комодо. Это — ящеры огромной величины и весьма сильные. Об их силе можно судить по тому обстоятельству, что они легко стреляются с кабанами, которыми питаются. Наземное название этих ящеров — *Varanus Komodensis*. Жители о[строва] Комодо называют их драконами.

Весьма возможно и вероятно, что подобные ящеры существовали раньше и на материке Азии, в Индокитае, затем и в Китае.

На заре человечества, в доисторические времена, существовали многие огромные и грозные для человека животные, которые вымерли, и память о которых сохранилась в народных европейских и китайских представлениях о драконах и тому подобным мифическим существам, о том же русском Змее Горыныче, например...

Труднее, мне кажется, привести какие-либо данные, которые позволили утверждать, что вымирание некоторых монстров проходило медленно, и что некоторые из них могли заглянуть и в эпоху историческую.

Сегодня я перелистывал книгу Аллана «The Makers of Cathay» («Созидатели Китая»), в которой заинтересовался биографией китайского ученого, писателя, поэта и государственного деятеля, Хань Ю, жившего в конце XVIII и начале

IX веков, незадолго до образования Русского государства. Этот деятель впал однажды в немилость при дворе богдыхана и был отправлен в почетное изгнание, на юг Китая, в провинцию Гуандун, где получил в управление округ Изяочжоу. Он отлично управлял округом и, между прочим, прославил свое имя и тем, что сумел удалить из подвластной ему территории какое-то таинственное животное, смущавшее покой местных жителей и производившее большие опустошения...

Прочитав это, я невольно подумал: не было ли это животное каким-либо огромным ящером, подобным *Varanus Komodensis*?

Будучи отличным стилистом, он написал грозный ультиматум дерзкой рептилии. К этому ультиматуму было, однако, приложено и умиловительное приношение в виде свиньи и козла, и ультиматум с приношением был брошен в воды реки, около которой монстр имел свое обиталище.

В своем послании Хань Ю писал чудовищу следующее: «О, крокодил! Ты и я не можем вместе жить в покое. Сын Неба вверил этот округ и его население моему попечению; ты же, лупоглазый, нарушаешь мирную жизнь этой реки, пожираешь людей и домашний скот, медведей, кабанов и оленей, с целью жиреть только и плодиться... Ты вызываешь меня на борьбу, на жизнь или смерть. Должен ли я, слабое существо, опуститься перед тобой на колени и пойти на уступки тебе, о крокодил! Нет, я — законный охранитель этого места, и будет позором для меня, если я не приму твоего вызова, даже, если бы это грозило мне гибелью. Все же, в силу власти, вверенной мне Сыном Неба, я шлю тебе решительное предостережение, и ты, крокодил, отнесешься к нему с должным вниманием. Недалеко отсюда лежит широкий океан, убежище, как для китов, так и мелких ракушек — уходи туда и живи там, в мире; до него всего лишь один день пути!»

Ультиматум подействовал, и монстр исчез, говорит биограф Хань Ю.

Какой же был монстр был им? Трудно сказать. Во всяком случае, мне кажется, это не был обыкновенный крокодил...

29 августа. Воскресенье. Уделяем мы с женою много времени изучению китайской поэзии.

30 августа. Настроение плохое: все раздражает.

31 августа. Весь день дождь. Он навел тоску на весь дом. Жена собирается скоро покинуть меня и вернуться в Тяньцзинь, где ее ждет разная работа.

1 сентября. Ночью дул сильный ветер.

Читал сегодня китайскую классическую книгу Ши Цзин — «Книгу Песен» — в английском переводе Легге.

2 сентября. Увлекаемся стихами китайских поэтов. Сегодня за день я перевел с английского более 20 стихотворений китайских поэтов. Английские переводчики — это англичанин Джайльс и японец Обата. Жена удачно весьма перелагает эти стихотворения в русские белые стихи.

3 сентября. С утра моросит небольшой дождик. Удивительно дождливая эта осень...

4 сентября. В семь с половиною часов утра проводил жену, поехавшую в Тяньцзинь. Стало скучно сразу. После провод, едва сдержал свои слезы. Господи, пошли мне исцеление от недугов моих!..

5 сентября. Ночь провел сносно.

Подсчитал сегодня: начерно я перевел с английского и немецкого до 100 китайских стихотворений, из коих 40 уже переложены на русский стих.

Вечером мы уселись за стихи трое: Л[ев] Н[иколаевич], А.Н. Спешнев и я. Получился «клуб поэтов». Увлечение оказалось заразительным...

6 сентября. Спал неважно.

День сумрачный. В полдень прибыла открытка от жены: слава Богу! она добралась до Тяньцзиня благополучно, просидев в вагоне 12 часов.

Начал урок с Сереей Мотиным, преподаю ему математику.

7 сентября. Солнце появилось, а мне легче что-то не стало. Политический барометр показывает: бурную погоду.

8 сентября. События в Китае принимают грандиозный характер.

9 сентября. Снова дождит...

Под гул и шум военных событий я, больной и разбитый, продолжаю интересоваться китайским поэтическим творчеством. С увлечением перевожу сейчас песнями и балладами Ши Цина, сборника, собранного и изданного Конфуцием около 2500 лет тому назад.

10 сентября. От жены имею пока только две открытки.

Время мое идет монотонно.

11 сентября. Усердно штудирую Ши Цин.

12 сентября. Воскресенье. От жены пришло сегодня письмо и две открытки сразу. Я узнал, что «Мои воспоминания», сданные в типографию «Star Press» еще в июне, не печатаются. Я имею в виду второй том «Моих воспоминаний». Из-за событий типография летом приостановила свои работы, затем в ней происходили какие-то перемены...

Грустно. Я рассчитывал, что этот том поддержит нас немного материально.

13 сентября. Ночью был сильный ливень, с грозой. Миллионы пудов воды были вылиты на Пекин. Поэтому я спал плохо...

Плохие вести просачиваются из Калгана: во время бомбардировки в этом городе было будто бы убито несколько русских.

14 сентября. Спешневы сегодня съехали от нас, перебравшись в свою новую квартиру в Аугофу, на усадьбу бывшего Австрийского посольства.

15 сентября. В нашем доме теперь тишина: живем мы теперь только двое: Л[ев] Н[иколаевич] и я.

День хороший. Я принял ванну, и на некоторое время почувствовал себя лучше. Жена просила прислать ей темы для стихотворных фельетонов. Я послал сегодня одну: это современную «Колыбельную»...

16 сентября. В Пекин вернулись из Калгана Спешневы, родители А[лексея] Н[иколаевича]. Они приехали сюда со специальным поездом. Порассказали много об ужасных днях воздушной бомбардировки Калгана. 21-го августа около 50 человек — китайцев и русских — укрывались от бомб в стенных воротах Шань-Бу, недалеко от того дома, где мы жили в прошлом году в Калгане. Нужно было, однако, так случиться, что бомба как раз ударила в помянутый день в эти ворота и разворотила их, засыпав камнями и землю сидевших под воротами — из 50 человек было убито 39, в том числе русский эмигрант Бородин и еврей Тилес. Остальные погибшие китайцы — мужчины, женщины и дети.

Сами Спешневы — супруги, сидевшие около них супруги Кузьмины, Шевчук, Псарев отделались испугом или легкими повреждениями.

Это происшествие сильно напугало русскую колонию Калгана, и, кажется, на завтра из города выехали на грузовике 12 человек — семья Вишневецких, Жучкины, Морозов, Псарев и еще кто-то двое. По мнению Спешнева, можно беспокоиться за их участь.

17 сентября. Сегодня — год, как я бросил курить — своего рода юбилей.

Лига Наций начинает что-то подумывать о судьбе белых русских в Китае. Однако, несколько не верю в эффективность ее забот.

18 сентября. Отправил жене еще одну темы для фельетона в стихах.

19 сентября. Воскресенье. За весь день, кроме Л[ьва] Н[иколаевича], никто ко мне не заглянул.

Затеял переписку готовых стихотворение китайских авторов: получается своего рода «Китайская антология». Эта работа хоть отвлекает мои мозги от дум о моем состоянии...

20 сентября. Лежал большую часть дня, немного работал, занимался и Мотиным по математике.

Л[ев] Н[иколаевич] купил сегодня на базаре Дунаньшичан четыре тома словаря Даля за пять долларов — такая дешевизна! Завидно...

21 сентября. Нет улучшения в здоровье — не знаю, что и делать дальше.

22 сентября. Заканчиваю «Антологию» ...

Был с визитом у меня Спешнев-отец. Много беседовали о Калгане.

23 сентября. Каждый день теперь бывает утром в нашей квартире И.И. Исаев: печатает на машинке рукописи. Я часто с ним беседую.

От жены уже целых три дня никаких весточек. Начинаю беспокоиться по сему случаю...

24 сентября. Мрачный, темный день с дождиком и мысли мрачные. Плохое самочувствие.

От жены все нет никаких писем...

25 сентября. Весь день ждал писем от жены, и их не было. В чем дело? Что случилось?

26 сентября. Воскресенье. Пришла открытка от жены. Все благополучно. Должно быть, числа 22-го или раньше отправила она мне письмо, которого я до сих пор не получил. Видимо, застряло где-то по дороге. Уж не в цензуре ли?

27 сентября. Написал сегодня свое собственное стихотворение на китайскую тему «Напиток бессмертия». Несколькими днями раньше написал еще одно собственное, под заголовком: «Философ и Сон».

Пришло письмо от жены. Из него выяснилось, что одно письмо и газеты (бандероль) до меня не дошли. В газетной бандероли должны были находиться «Возр[ождение] Азии», «Наша Заря» и «Слово».

28 сентября. Подсчитал сегодня, что белыми стихами переложено нами с женою до 70 переведенных стихотворений китайских поэтов. Довести если это число до ста, затем прибавить до 30 китайских религиозных гимнов, переложение коих на русские стихи также начато нами — и, пожалуй, на этом можно будет и остановиться, чтобы составить нечто вроде антологии китайской поэзии. Жена пишет из Тяньцзиня, что усиленно занята сейчас печатанием рукописи Кулаева. Ее беспокоит вопрос обо мне — она не знает, оставить меня в Пекине или же перевезти в Тяньцзинь. Признаться сказать, не знаю я. Сбились мы...

[Иллюстрация, вырезанная из журнала с надписью: «Тихоокеанская экзотика. Танцовщица Бали».]

29 сентября. Спал плохо. Накатила какая-то бессонница...

Заканчиваю переписку набело стихотворений китайских поэтов, переведенных нами.

Жена прислала лишь несколько стихотворений из Тяньцзиня.

30 сентября. Вчера у нас ужинали Исаевы и заходили вечером на огонек молодые Спешневы.

В полдень совершенно потемнело — разразилась гроза с большим ливнем.

В доме как-то холодно. Зябнется. С женою ведем по почте обсуждение вопроса о том, оставаться ли мне еще в Пекине или уже перебраться в Тяньцзинь.

[Иллюстрация, вырезанная из журнала с надписью: «Тихоокеанская экзотика. Яванская актриса Бали».]

1 октября. Дни мои текут однообразно. Вот и пришел октябрь, а облегчения все нет... Я растерялся и не знаю, что делать, не могу решить и вопроса о том, поеду ли я на днях в Тяньцзинь или нет?

От скуки работаю немного: то пишу этот дневник, то сажусь за китайские стихи, то за выписки принимаюсь. Сегодня начал даже печатать на машинке статью свою «Военное искусство Древнего Китая».

2 октября. Очень много времени уделяю китайским стихам. Получилось влечение — род недуга. Надо бросить все же это увлечение. Вот кончу переписку набело, и баста! Будет! А то, пожалуй, еще и внушишь себе самому, что у тебя есть поэтическое дарование. Порою, я не ограничиваюсь переводами, и пытаюсь писать оригинальные стихотворения на китайские темы.

На днях написал, например, стихотворение такое:

Философ и Сон

Чуань Цзы, философ китайский,
Однажды увидел во сне,
Что будто он бабочкой майской
Порхает на встречу весне.
Летает он бабочкой всюду —
Ушло в нем людское, как сон:
Другие и вкусы, причуды...
Красивая бабочка — он!

Проснулся философ лежачий —
Подумал: а кто бы про сон.
Сказал мне, какой настоящий?
Тогда ли, как бабочкой он
Любил над цветами кружиться?
Иль бабочкой был он вовек?
И бабочка спит та — ей снится
Теперь, что она — человек.»

3 октября. Воскресенье. Погода мрачная, невеселая.

Я пробыл весь день один дома. Л[ев] Н[иколаевич] с утра ушел в гости на именины О. И. Исаева и вернулся только поздно вечером.

Было скучно. Валялся больше в постели, читал, писал... писал, лежа, карандашом... сочинил еще два собственных стихотворения.

Л[ев] Н[иколаевич] даже пожурил меня немного за это — сказал:

— Ну, это у вас уж прямо слабость какая-то...

Я посмеялся, но возражать не стал.

Но что делать мне больше больному человеку? Одно время я занимал себя составлением крестословиц. Теперь провожу время в стихокропани — оно и проходит незаметно. С другой стороны, думаешь: а вдруг мне совсем нельзя заниматься никакою умственной работой?

[Иллюстрация, вырезанная из журнала с надписью «Тихоокеанская экзотика. Гавайка».]

4 октября. Проанализировали мы вчера вечером со Л[ьвом] Н[иколаевичем] одно стихотворение знаменитого китайского поэта Либо, и теперь я могу представить примерную картину зарождения и появления на свет

русского переводного (с китайского) стихотворения. Называется оно «Рыбак» — название наше, ибо кажется китайские поэты не ставили заглавий над стихами. По-китайски, современными иероглифами, оно изображается, пишется так:

[Дано написание иероглифов]

Читать надо сверху вниз и справа налево.

Это звучит по-китайски следующим образом.

28 иероглифов

И	И	И	И
Жень	Шуй	Чжан	Суо
Ду	И	Чан	И
Дио	Шань	Чан	Ли
И	И	И	И
Цзян	Мин	Цун	Юй
Цю	Юэ	Гоу	Чжоу

28 понятий

Дословный буквальный перевод этого будет таков:

Одна соломенная одежда, одна тростниковая шляпа, один рыбачий челн, одно длинное удище, один крючок, одна вода, одна гора, один ясный месяц, одинокий человек, удит, одна речка, осень...

Дальше все это в прозе может быть переведено так:

Светлый месяц. Гора у реки.
На воде маячит рыбачий челн.
Удит рыбу рыбак — на нем
Накидка из соломы и тростниковая шляпа.
Осень, желто кругом.

Наконец, белыми стихами это может быть переложено так, примерно:

Месяц ясный светит над горою,
Льет сиянье он в речные воды...
на реке маячит челн рыбачий.
В нем — рыбак, в накидке из соломы,
В шляпе тростниковой...
Удит рыбу
Он удою длинной... Осень.
Тихо...

Или, в стихах с рифмою примерно (в миноре):

Уныло все кругом —
осенняя пора...
В сиянье лунном плещется река...
Насупившись, стоит вблизи гора.
В реке чернеет лодка рыбака.
Рыбак в соломенном плаще простом
И в тростниковой шляпе в ней сидит...

И рыбу ловит он лесой с крючком,
Притих... и в воду пристально глядит!

Это, конечно, не очень складно, но, быть может, здорово. Надо, конечно, придумать короткий ударный стих. Это нелегко сделать.

В погоне за этою ударностью, один русский поэт из Харбина перевел стихотворение так:

Осень. Ночь. Луна. Река.
Ясность. Лодка рыбака.
Рыб под сумрачной горой
Ловит длинной он удой.
Он укрылся под плащом,
И под шляпою грибом.
В красной зелени гора,
И река — из серебра.

[Иллюстрация, вырезанная из журнала с надписью «Полинезийка».]

5 октября. Получаю письма от жены почти каждый день. На днях она закончит печатание на машинке Кулаевской рукописи. Кажется, потом эта рукопись пойдет немедленно в типографию; после чего мы будем налаживать печатание второго тома моих мемуаров.

Хватит у нас теперь материалов и на сборник, который можно было бы выпустить из печати примерно под таким заголовком:

А.Н. и И.И. Серебренниковы
Китайское
Сборник
Стихи и рассказы

В более распространенном виде заглавие могло бы выглядеть так:

А.Н. и И.И. Серебренниковы
Китайское
Сборник
Антология китайской поэзии.
Китайские религиозные гимны.
Стихи о Китае.
Рассказы

Так-то...
Мечты, мечты!.. увы...

6 октября. День сегодня — хороший. Светит солнце, но уже свежо, прохладно, и я порою мерзну. Руки мои стали болеть хуже, чем раньше. Ноги едва таскаются — жжения в теле изводят... и я все терплю и терплю, жду облегчения. Может быть, все эти недуги ниспосланы мне испытать мое долготерпение — не взропщу ли я...

Кто знает? М[ожет] б[ыть] мне надо бросить всякую умственную работу и лежать, и лежать, пока не поправлюсь.

7 октября. Рассматривая прекрасную картину — египетские пирамиды в пустыне — я вдохновился и написал следующие гекзаметры:

«Были когда-то в Египте великие те фараоны,
 Что пирамиды высокие строили рабскою силой.
 В этих затеях людей черномазых сгубивши не мало...
 Был император китайский Хуанди династии Циньской,
 Стену Великую этот построил жестокий правитель,
 Многие сотни он тысяч людей косоглазых (беспощадно) угробил,
 Многих ученых поставил он к стенке той длинной работать... —
 Плачут в гробницах с досады и зависти те фараоны...
 Словом плохим, непечатным бранится Хуанди китайский —
 Их переплюнули с гаком московские наши тираны! ...»

8 октября. День сумрачный. Прохладно.

От жены пришли письма — два сразу. Ждет жена, что я к 20 октября вернусь в Тяньцзинь...

9 октября. Переписку стихотворений китайских авторов я уже заканчиваю: всего пока у меня имеется 75 писем и стихотворений и 29 религиозных гимнов Китая, сюда еще прибавятся штук шесть наших (оригинальных, не переводных) стихотворений о Китае. Всего — 110 стихотворений, это уже сборник почти что. Легко можем добавить сюда еще 20—30 кит[айских] стихотворений.

10 октября. Воскресенье. Весь день почти пробыл дома — вечером зашел на огонек поболтать А.П. Фридлендер.

Прочел в газетах о смерти *генерала Дитерихса* в Шанхае — видной фигуры в истории сибирского белого движения в 1918—1922 годах.

Жестокая коса смерти широко прошла ныне по лугам российской эмиграции на Д[альнем] Востоке — скосила и подкосила многих.

В один год ушли здесь и глава Д[альне]В[осточной] эмиграции вообще и глава Д[альне]В[осточного] воинского союза... ушли навсегда...

Дитерихс, Михаил Константинович (5 апр. 1874, Киев — 8 окт. 1937, Шанхай). Окончил Пажеский корпус по 1-му разряду и 2 класса Николаевской академии генерального штаба с дополнительным курсом. Участник 1-й мировой и гражданской войн. Генерал-лейтенант генерального штаба. Начальник штаба Чехословацкого корпуса и главнокомандующий армии правительства Колчака. Избран на заседании Приамурского земского собора верховным правителем Приамурского государственного объединения (24 июля — 6 августа 1921). Жил в Шанхае с 1922. Начальник Дальневосточного отдела РОВСа, который издавал журнал в Шанхае (1930 — 33). Главный кассир Франко-Китайского банка в Шанхае.

11 октября. Ночь спал плохо — ворочался, нервничал, принял даже вальерьяновых капель. Оказалось — все это было перед бурей: в глубине ночи разразился неожиданно страшный ветрище и наполнил воздух гулом и шумом.

Сегодня закончил одну из своих очередных работ — переписку в особую книгу китайских стихотворений (послал 110). Эту книгу я снабдил подходящими иллюстрациями и виньетками, вырезав таковые из китайских журналов.

12 октября. Штудирую советское издание — «Библиографию Китая» П.Е. Скачкова. Это — систематический указатель книг и журнальных статей о Китае на русском языке, появившихся в печати за время с 1730 по 1930 годы, за 200 лет.

Фигурирует в этом указателе и моя фамилия, и мои работы по китаеведению — к 1930 году их было еще мало. Пропущена одна моя работы — это «Ал-базинцы», напечатанная в 1921 году в Пекине, в журнале «Китайский Благовестник».

Удивительное дело — моя фамилия в указателе все же переврана — напечатано: И.И. Серебрянников. Мне в жизни приходилось не раз замечать, что именно так коверкали мою фамилию в литературе. Это какая-то психоаналитическая загадка. М[ожет] б[ыть], публика думает, что серебряных дел мастер должен быть серебряник, а не серебрянник...

13 октября. Так плохо себя чувствую сегодня — хоть ложись и умирай!

14 октября. Покров. День скучный — дождливый. Вечером у нас будут ужинать Исаевы.

15 октября. Решил собираться в Тяньцзинь...

16 октября. Сегодня перевел и переложил в русские стихи семь китайских стихотворений.

17 октября. Воскресенье. День провел в безделье.

18 октября. Прошел слух, что будто из калганских жителей Вишнеvский и Псарев погибли. Не хочется верить этому...

19 октября. Ищу попутчиков до Тяньцзиня, а их все нет и нет. Жена усиленно завет меня домой.

Загостился я уж очень в Пекине.

20 октября. Самое главное: нет улучшения в моем здоровье. Будь бы мне немного лучше, я бы давно один отправился домой...

Жена скучает в Тяньцзине обо мне, я в Пекине — о ней.

21 октября. Вечером в гостях был А.П. Фридлендер; мы нашли с ним много общих знакомых по Сибири, в частности по Ленскому краю... В воспоминаниях о былом оба оживились...

А[рнольд] П[авлович] предлагает мне попить антесениль — лекарство, изобретенное харбинским доктором Дашкариани. Я хочу попробовать...

22 октября. Последнее время погода как будто установилась: дни стоят солнечные, ясные и тихие...

Подумать страшно! Я с 24 июля еще ни разу не выходил из дома на улицу...

23 октября. Вчера вечером приехала жена — это было неожиданно. Столько радости... и столько разговоров... В 3 часа дня меня осматривал доктор Кнак. Нашел давление крови — 200.

24 октября. Воскресенье. Вечером нас навестили все Спешневы. Во вторник мы собираемся выехать в Тяньцзинь, и посему вчера жена устроила что-то вроде прощального ужина и пригласила Исаевых.

25 октября. Сбираемся в дорогу...

Жена набросала на память И.И. и О.И. Исаевым стишки такого содержания:

«В тиши переулка Гонконгского Банка
То летом, то поздней зимой,
У Льва Николаича в доме уютном
Мы с Вами встречались порой.

В конце октября настоящего года
Мы снова увиделись там:
Вы к нам заглянули, и искренне раны
Мы были приятным гостям...

Уселись компанией дружной за ужин
По-беженски скромный, простой:
Селедка, колбаска, изделия Феклуши,
Зубровка графинчик, другой.

Так славно за рюмочкой рюмку мы пили.
Живую беседу вели
О родине нашей, от нас отошедшей,
О том, что осталось вдали —

О русских поэтах, певцах, музыкантах...
Поспорили малость о том,
Кто лучше писал — Левитан иль Саврасов...
Опять выпивали потом.

И чокались дружно под звуки виолы:
Шаляпин нам пел, без причуд,
Как волны дробятся о грозные скалы,
Как два гренадера бредут...

И слушая пенье певца-исполина,
Весь стол наш невольно умолк.
А после оркестром своим развлекал нас
Гвардейский Семеновский полк.

О, милые сердцу, волшебные звуки!
Куда унесли нас они?
Что вспомнилось нам в этот вечер разлуки?
Какие минувшие дни?

Как было бы чудно нам встретиться снова
В Уфимском, именье у Вас.
На Волге, в Казани, иль в нашем Иркутске,
И выпить опять, как сейчас!»

А я написал нашему хозяину Л.Н. Кукуруанову следующий гекзаметр:

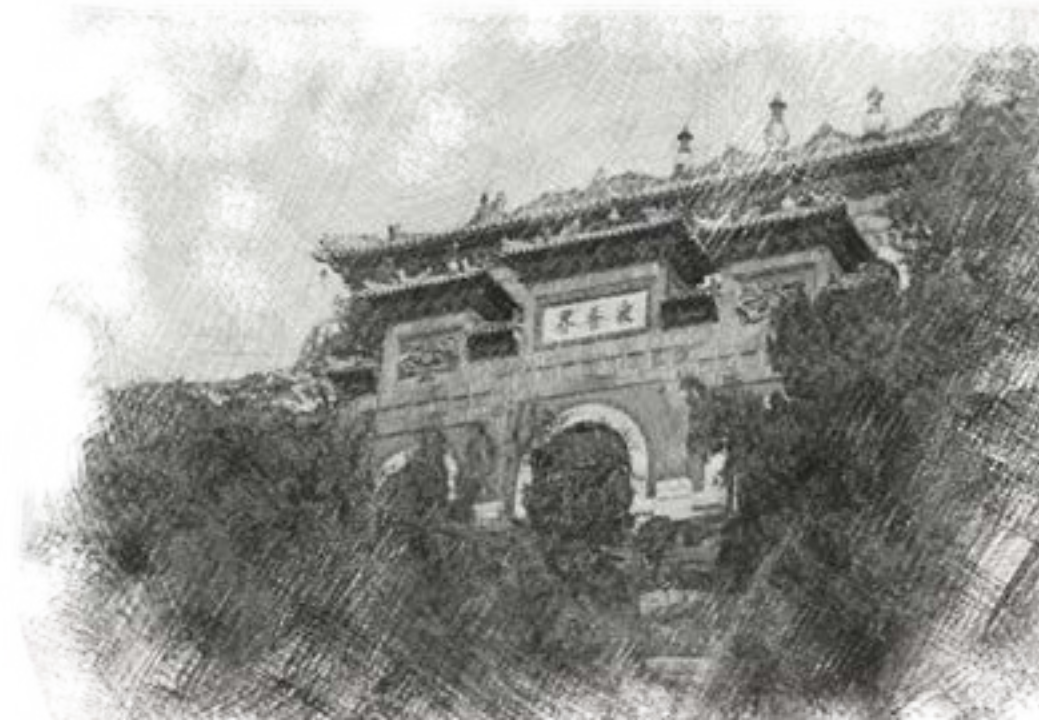
«Лев Николаевич! Множество слов я сказать бы Вам должен,
Чтобы Вам выразить всю благодарность мою за участие.
Помощь, поддержку, вниманье ко мне, человеку больному.
Места в письме не найдется, чтобы эти слова разместились!
Кроме сего, не владею я даром прекрасного слова:
Я ведь — не Пушкин, совсем не Либо, иль Дуфу искрометный —
Я — только скромный поэт с переулка Гонконгского Банка...
Просто скажу Вам по-русски: спасибо, большое спасибо! ...»

26 октября. Отъезд наш состоялся из Пекина в 9.40 утра. Л[ев] Н[иколаевич] купил нам билеты 1-го класса, и преподнес нам, как его подарок. Проводы вышли сердечные — на глаза навертывались слезы. На вокзал нас проводили Л[ев] Н[иколаевич], О.И. Исаев и Феклуша. Благодаря заботам Л[ьва] Н[иколаевича] рикша доставил меня прямо к вагону...

В вагоне устроились комфортабельно; ехали до Тяньцзиня девять часов, на Тяньцзинском вокзале нас поджидал автомобиль, который был подан на платформу, прямо к вагону. Одним словом, я ехал до дома с полным комфортом.

В своей квартире все же, с большим трудом, затащил свои больные ноги по лестнице.

И так, я снова в родной обстановке... Приятно.
Утомился в пути я все же изрядно.

Содержание

Русский Пекин. <i>Предисловие автора</i>	5
И.И. и А.Н. Серебринниковы. <i>Биографический очерк</i>	10
Пекин в дневниках	41

Научное электронное издание

Хисамутдинов Амир Александрович

**Пекин в дневниках
И.И. и А.Н. Серебринниковых**

Компьютерная вёрстка *Е.В. Аксёнова*
Редактор *Е.В. Аксёнова*

Подписано в печать 05. 06. 2017. Формат 70×100/16
Гарнитура «Cambria». Усл. печ. л. 13,30.

Издательство Дальневосточного университета,
690091, г. Владивосток, ул. Фонтанная, 47
Тел. 8 (423) 254-48-14. E-mail: tvpress@mail.ru

готовой стале. В надр
 где имеются бассейны с горячей водой из
 — теперь дала в сутки, но без ванны.
 бассейны с ваннами, где можно присесть
 где дора сооружены два огромных резервуара,
 из источников. Кажется, эти резервуары
 показывают значение — вода в
 со дня к ней непрерывно поднималась

стату распахнулись на открыт
 себе чаю, а Блахотин отправ
 парк. Вернувшись с прогу
 хорошие восточные, добав
 и дачи, которые можно с
 в старые фрески пре
 императоров. Нах

Вам чудно
 своей.
 особенно были казались
 крыши прилегающих дворовых строений, красиво от
 красных кровельных черепиц, темными наклонными скатами
 строения, огромные кипарисы вблизи крыш...
 все это каравано, плескало в
 близкими мысля в души
 замкнутого от

PEKING. — LEGATION QUARTER

19. Spanish Legation.	27. Inspectorate General of Imperial Ma-
20. Japanese Guard.	chine Customs.
21. Japanese Legation.	28. Austro-Hungarian Guard.
22. French Post Office.	29. Austro-Hungarian Legation.
23. French Legation.	30. Italian Legation.
24. French Church (St. Michel).	31. Italian Guard.
25. German Legation.	32. British Legation.
26. Belgian Legation.	33. British Guard.
27. German Gazette.	34. Portuguese Legation.
28. Deutsch-Asiatische Bank.	35. Chinese Post Office.
29. Stern.	36. Hôtel de Pékin.
30. German Lazaret.	37. Peking Han-Yun R. R. Head Office.
31. Hopkins Memorial Hospital.	38. International Banking Corporation.
32. Electric Station.	39. Missionary Office.
33. Imperial Maritime Customs, Residen-	
ce and Head Office.	
34. Peking Club.	
35. Post Office.	

Ярко освещенная у
 стны, фрейерки, кри
 с меня с силой охват
 ро баллины, как в на
 торые удары в балл
 с они и залитыми. Но
 прыгивала к небу
 кой рывками, с шумом
 с вальсует меня.
 Но, продолжаясь

вечно, красав никакая
 парк. Но летам нам
 е того Храма Земле
 . Он — огромного ст
 але нет ни стани
 абаски